

Has been issued since 2013.
ISSN 2408-9621. E-ISSN 2413-726X
2017. 5(1). Issued 2 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr Krinko Evgeny – Institute of Social-Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor in Chief)

PhD Shadrina Alla – Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Assistant Editor)

Levendorskaya Lyudmila – Documentation Center of the Recent History of the Rostov Region, Rostov-on-Don, Russian Federation

PhD Urushadze Amiran – Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Dr Bugay Nikolay – Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Dr Cherkasov Aleksandr – Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Dr Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Dr Fieseler Beate – Heinrich Heine University Dusseldorf, Dusseldorf, Federal Republic of Germany

Dr Holmes Larry – University of South Alabama, Mobile, USA

Dr Kolesnikova Marina – North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Dr Markvik Rodzher – University of Newcastle, Newcastle, Australia

Dr Menjkovsky Vyacheslav – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Dr Shneer Aron – National Institute of Remembrance of the Victims of Nazism and the Heroes of Resistance "Yad Vashem", Jerusalem, Israel

Dr Tyumentsev Igor – Volgograd Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Dr Zherebtsov Igor – Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russian Federation

Journal is indexed by: **CiteFactor** (Canada), **CrossRef** (UK), **Directory of Open Access Journals** (UK), **ERIH PLUS** (Norway), **Electronic Scientific Library** (Russia), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Spain), **Journal Index** (USA), **Open Academic Journals Index** (Russia), **ResearchBib** (Japan), **Sherpa Romeo** (Spain).

All manuscripts are peer-reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava, Slovakia, Nove Mesto, 831 04
Release date 15.06.17.
Format 21 × 29,7.

Website: <http://ejournal16.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru
Typeface Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Order № 215.

Издается с 2013 г.
ISSN 2408-9621. E-ISSN 2413-726X
2017. 5(1). Выходит 2 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кринко Евгений – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (главный редактор)
Шадрина Алла – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (заместитель главного редактора)
Левендорская Людмила – Центр документации новейшей истории Ростовской области, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Урушадзе Амиран – Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бугай Николай – Институт российской истории РАН, Москва, Российская Федерация
Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина
Жеребцов Игорь – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра РАН, Сыктывкар, Российская Федерация
Колесникова Марина – Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация
Марквик Роджер – Ньюкаслский университет, Ньюкасл, Австралия
Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Тюменцев Игорь – Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Российская Федерация
Физелер Беате – Дюссельдорфский университет имени Генриха Гейне, Дюссельдорф, Федеративная Республика Германия
Холмс Ларри – Университет Южной Алабамы, Мобил, США
Черкасов Александр – Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация
Шнеер Арон – Национальный институт памяти жертв нацизма и героев сопротивления «Яд ва-Шем», Иерусалим, Израиль

Журнал индексируется в: **CiteFactor** (Канада), **CrossRef** (Великобритания), **Directory of Open Access Journals** (Великобритания), **ERIH PLUS** (Норвегия), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Spain), **Journal Index** (США), **Open Academic Journals Index** (Россия), **ResearchBib** (Япония), **Sherpa Romeo** (Испания), **Научная электронная библиотека** (Россия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 831 04, Словакия, Дата выпуска 15.06.17.
г. Братислава, Нове Место, ул. Стара Формат 21 × 29,7.
Вайнорска, 1367/4

Сайт журнала: <http://ejournal16.com/> Гарнитура Georgia.
E-mail: sochio03@rambler.ru

Учредитель и издатель: Academic Publishing House Researcher s.r.o. Заказ № 215.

CONTENTS

Articles and Statements

Column by Editor in Chief	4
Historical and Statistical Descriptions of the Eparchies of the Low Volga Region of the Middle of the 19 th Century A.L. Kleitman	5
Jews from the USSR write abroad (Letters and Diaries of World War II as a Historical Source). Part I L.L. Smilovitsky	12
N.I. Krasnov and his “Considerations on the Financial Advantage for the State of the System of Irregular Troops’ Nomination by the Special Population Groups, Enjoying the Exemptions and Privileges for their Military Service”. Part II A.Y. Peretyatko	33
Antireligious Activities in the Don Okrug of the North Caucasus Krai, and the Specific Situation of the League of Militant Atheists in 1927 A.V. Shadrina	52
“At Least Once More to See You and Tell You So Much...”: Personal Archive of the Old Bolshevik M. Ruban O.V. Semenova	63
“Without a Trace This does not Pass...”: Memories of Lev Smilovitsky E.F. Krinko	95

Column by Editor in Chief

Издание «Русского архива» призвано способствовать введению в научный оборот новых исторических источников. Однако публикация документов не является нашей самоцелью, мы рассматриваем ее как возможность найти новые средства познания истории и культуры России. Любой исторический источник представляет собой продукт человеческой деятельности, это феномен культуры, всегда носящий на себе черты определенной эпохи и вовлеченный в историческое исследование. В источнике заложена социальная информация, для извлечения которой, для дешифровки исторического документа требуется специальная исследовательская методология. Она позволяет преодолеть разрыв между временем появления источника и временем существования историка. Именно историческое источниковедение как совокупность специальных методов и приемов отличает в первую очередь историка как исследователя от представителей других научных дисциплин. При этом историк является активным субъектом познания, он формулирует научную проблему и выбирает способы ее решения. Без историка не существует источника, а без документов не может состояться исследование.

Поэтому нашей сверхзадачей является формирование новых направлений исторического поиска, обращение к новым темам и сюжетам, которые все еще не получили соответствующего отражения в историографии. Следует отметить, что закон ускорения истории не может не сказываться на развитии источниковедения: быстро растет само количество исторических источников, меняется их состав, не говоря уже о содержании, в научный оборот включаются все новые документальные комплексы. Появляются новые подходы и методики к изучению исторических источников. Обращаясь к прошлому, мы задаем источникам вопросы, которые перед нами ставит наша собственная эпоха. Очевидно, что и нам требуется постоянно меняться, чтобы идти в ногу со временем.

В издании журнала «Русский архив» в 2017 г. произойдет ряд изменений. Мы переходим с ежеквартального выпуска номеров на полугодовой формат. Вследствие этого в нынешнем году не планируется выпуск специальных номеров, подготовке которых прежде уделялось значительное внимание. Меняются и правила оформления публикуемых в журнале статей и материалов. Они становятся общими для всех журналов издательского дома «Исследователь», разумеется, с учетом специфики публикуемых нами материалов. Все изменения направлены на повышение качества публикаций, приближение формата и содержания журнала к международным издательским стандартам. Надеюсь, что нам удастся решить поставленные задачи в полном объеме.

Главный редактор «Русского архива»,
д.и.н. **Е.Ф. Кринко**

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 ISSN: 2408-9621
 E-ISSN: 2413-726X
 2017, 5(1): 5-11

DOI: 10.13187/ra.2017.1.5
www.ejournal16.com

Articles and Reports

UDC 94(47).07

Historical and Statistical Descriptions of the Eparchies of the Low Volga Region of the Middle of the 19th Century

Alexander L. Kleitman ^{a, *}

^a The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The activity of the orthodox priests on drafting of the historical and statistical descriptions of the eparchies of the Low Volga Region in the middle of the 19th century is analyzed in the article. At that time the information about the history, modern condition of the populated places, the churches, ancient monuments, religious traditions of the local population and other questions was collected by the orthodox priests on the task of Synod and eparchial authorities. In the Astrakhan, Saratov and Don eparchies huge information on these questions which was collected by priests became a base for writing of historical and statistical descriptions of the churches, parishes and eparchies as a whole. These descriptions became ones of the earliest scientific works devoted to the Low Volga Region and the orthodox priests' activity on these works was an important episode in the history of the scientific study of the region.

Keywords: historical and statistical descriptions of the eparchies, the Low Volga Region, history of science, the scientific activity of the orthodox priests.

В середине XIX в. по инициативе высших церковных властей практически во всех российских регионах были написаны историко-статистические описания епархий Русской православной церкви. Одной из причин появления этих сочинений на свет стало введение курса церковной истории в духовных образовательных учреждениях. В 1838 г. в семинариях были учреждены кафедры церковной истории, и, как было указано в одном из документов Святейшего Синода, «сделалась ощутительной потребность иметь полный и специальный курс истории Русской церкви» (ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 2210. Л. 2). В 1850 г. в Синоде было принято решение о написании объемного труда по истории Церкви, источниками для которого должны были стать составленные под руководством епископов исторические и статистические описания отдельных епархий. Соответствующие распоряжения были

* Corresponding author

E-mail addresses: alexander.kleitman@gmail.com (A.L. Kleitman)

направлены Преосвященным, которые, в свою очередь, возложили работу по созданию описаний на подчиненных им священнослужителей.

В Саратовской епархии распоряжение Синода было получено в 1850 г. В письме был определен круг проблем, сведения по которым должны были войти в историко-статистическое описание епархии. Так, необходимо было осветить следующие вопросы: время учреждения епархии; епархиальную иерархию в непрерывном порядке с кратким жизнеописанием архиереев; монастыри, находящиеся в епархии; сведения о соборах, приходах, домовых и других церквях; сведения о святых угодниках; сведения о чудотворных иконах; сведения о благочестивых обычаях (ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 2210. Л. 2 об.).

Обязанности по написанию историко-статистического описания Саратовской епархии были возложены на саратовского благочинного Г.И. Чернышевского, который в свою очередь посчитал необходимым собрать историко-статистические сведения у благочинных Саратовской епархии, о чем в январе 1851 г. были разосланы соответствующие распоряжения (ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 2210. Л. 5). До настоящего времени сохранились несколько писем, в которых благочинные сообщали о присылке написанных ими сочинений, в том числе письмо царицынского благочинного священника Петра Лугарева. Из текста письма следует, что царицынский благочинный, согласно резолюции епископа Афанасия, подготовил сочинение «Поместные сведения о церковно-исторических достопримечательностях и прочих заслуживающих памятования церкви и истории происшествиях и случайностях» (ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 2210. Л. 5).

Сообщения, полученные от благочинных Саратовской епархии, легли в основу «Церковно-исторического и статистического описания Саратовской епархии», составленного протоиереем Чернышевским. В описании были приведены сведения о всех приходах, перечислены все православные храмы епархии, названы особо почитаемые иконы и иные святыни, хранившиеся в церквях. Рукопись описания Саратовской епархии была направлена в Святейший Синод, где хранилась до начала 1880-х гг. В 1882 г. труд Г.И. Чернышевского был опубликован на страницах «Саратовских епархиальных ведомостей» (СЭВ, 1882).

В Астраханской епархии распоряжение от Духовно-учебного управления Синода о составлении описания епархии было получено осенью 1850 г. 4 ноября духовной консисторией было принято решение о распределении обязанностей по сбору исторических сведений между священнослужителями епархии. Кафедральный протоиерей Иоанн Павлинов должен был изучить архивные материалы и опубликованную литературу «о начале и распространении христианской религии в пределах епархии и о времени ее учреждения, о епархиальной иерархии, о чудотворных, явленных или замечательных по древности иконах, о крестных ходах из собора, о путешествиях для поклонения святым», а данные по церквям Черноярского уезда должен был собирать благочинный Ефрем Зорин. 7 августа 1851 г. было принято решение поручить составить описание новоприсоединенного к епархии Царевского уезда местным благочинным, священникам Иосифу Лугареву, Иоанну Безобразову и Иоанну Галикарнасову (Раздорский, 2007: 588).

В 1851–1852 гг., по-видимому, также в рамках работы по составлению описания епархии, инспектором Астраханской семинарии архимандритом Аполлосом были выполнены описания астраханских монастырей – Иоанно-Предтеченского мужского монастыря, Благовещенского женского монастыря, Покрово-Болдинского мужского заштатного монастыря, а архимандрит Вассиан составил описание Спасо-Преображенского мужского монастыря (АЕВ, 1893).

В архиве Астраханской духовной консистории сохранились описания десяти церквей Царевского уезда, сделанных в 1852–1853 гг. местными священниками: Верхне-Ахтубинского (1852), Рахинки (1852), Заплавного (1853) и Пришиба (1853) о. Иоанна Безобразова; Заплавного (1852) о. Николая Веселовского, Пришиба (1852) о. Стефана Молчанова, Нижне-Погромного (1852) о. Льва Зиновьева, Верхне-Погромного о. Петра Ляпидева, Ново-Никольского о. Иоанна Альбанова, Калмыцкой Балки, Луговой Пролейки и Бирючьей Балки о. Гавриила Галикарнасова. В 2015 г. эти описания были опубликованы краеведами И.О. Будковым и А.А. Клушиным (Историко-статистические описания, 2014: 21–81, 102–118, 123–154, 166–211).

Примечательно, что большая часть этих описаний не была указана в отчетах, которые из Астраханской епархии отправлялись в Святейший Синод. Так, в отчете о работе над составлением описания епархии от 31 января 1852 г. было указано, что священником Зориным в консисторию были представлены описания церквей, находящихся в селениях Черноярского уезда Аксайском, Цацынском, Дубовоовраженском, Чапурниковском, Светлоярском, Поповицком, Солодниковском, Каменноярском, Вязовском и помещицьем селении Подах, а относительно составления описаний храмов Царевского уезда никаких сведений приведено не было (Раздорский, 2007: 589). В отчете от 31 марта 1854 г. было указано, что одним из благочинных Царевского уезда были описаны только две церкви своего благочиния – в селениях Пришибинском и Заплавном, а относительно оставшихся двадцати двух церквей уезда было указано, что к этому времени информацию о них так и не начали собирать (Раздорский, 2007: 590). Вероятно, десять описаний храмов Царевского уезда, которые выявили и опубликовали И.О. Будков и А.А. Клушин, к этому времени еще не были предоставлены в консисторию, или по какой-то причине в консистории посчитали их недостаточно качественными для того, чтобы отправлять Синод.

Описания церквей Астраханской епархии были составлены по одному плану: местоположение селения, описание церкви, иконостаса, церковной утвари, церковной библиотеки, список священников, служивших в храме. В одном из описаний – церкви села Верхне-Погромного – автор, священник Петр Ляпидов, постарался в соответствии с бывшей в его распоряжении «Записке для обозрения русских древностей», которая была составлена историком И.П. Сахаровым по распоряжению Императорского Археологического общества, привести сведения об археологических древностях, находившихся на территории прихода его церкви. Информация, сообщенная им по этому поводу, была достаточно краткой: он указал, что к югу от села находились шесть курганов, в которых, однако, местным жителям при раскопках найти ничего не удалось (Историко-статистические описания, 2015: 140–141).

В Донской епархии, к которой относилась большая часть населенных пунктов западной части современной Волгоградской области, работа над историко-статистическим описанием велась в гораздо меньших масштабах, всего одним автором – смотрителем новочеркасских духовных училищ иеромонахом Игнатием, а после его перевода в Чернигов – иеромонахом Иннокентием. В 1853 г. иеромонах Иннокентий представил в консисторию «часть своих занятий по сему предмету, именно: а) начало и распространение христианства на Дону; б) первоначальное построение церквей на Дону; в) очертание епархии в тех границах, в каких находилась она до начала XVIII века; г) нынешнюю топографию Донской епархии», а также сведения о монастырях епархии, в том числе Кременском и Усть-Медведицком (Раздорский, 2007: 600–601). Описание Донской епархии, работа над которым велась в 1850-х гг., также не было опубликовано, и в архивах его выявить не удалось.

В ходе архивных изысканий в архиве Русского географического общества нам удалось выявить рукопись еще одного описания Саратовской епархии – «Статистический очерк Саратовской епархии» (АРГО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 23), датируемую 1845 г., т.е. это сочинение было написано раньше, чем описания других епархий. Эта рукопись до настоящего времени не была опубликована и оставалась мало известной для историков, как специалистов по истории Нижнего Поволжья, так и авторов обобщающих работ по истории Русской православной церкви, провинциальной историографии и другим проблемам. Рукопись, сохранившаяся в архиве Русского географического общества, осталась неизвестной и для А.И. Раздорского – санкт-петербургского исследователя, в ходе подготовки специального указателя выявившего и изучившего историю создания практически всех историко-статистических описаний епархий Русской православной церкви второй половины XIX – начала XX вв.

Выявленная рукопись была составлена в начале 1840-х гг. под руководством саратовского епископа Иакова (Вечеркова) – одного из наиболее образованных людей Нижнего Поволжья своего времени, известного духовного писателя, миссионера, церковного и общественного деятеля. Преосвященный Иаков (Вечерков) в 1830–1840-х гг. смог заинтересовать целый ряд священнослужителей Саратовской епархии историей своего

края и организовал полноценную научную работу местного духовенства по нескольким направлениям. Под его руководством велся сбор материалов и был написан ряд обобщающих работ, посвященных вероучениям и истории ряда сект, распространенных в Саратовской епархии. По инициативе епископа Иакова священнослужители епархии составили описание курганов и других археологических памятников, которые находились в их приходах. Наконец, под его руководством изучалась церковная история Саратовского Поволжья в XVII–XIX вв., как на уровне отдельных приходов и благочиний, так и на обобщающем уровне епархии.

В конце 1830-х гг. по заданию епископа Иакова были написаны церковно-исторические очерки, посвященные п. Дубовке, Царицыну и Царицынскому уезду, рукописи которых сохранились в Государственном архиве Саратовской области в фонде духовной семинарии, и недавно были выявлены А.С. Майоровой.

«Описание города Царицына и уезда оного по церковной части» было написано благочинным г. Царицына священником Петром Лугаревым по заданию епископа Иакова (Вечеркова) и отправлено «в архиерейское благоразсмотрение» 16 июня 1839 г. (ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 506а. Л. 101). Данное сочинение написано в форме ответа на вопросы, которые, по-видимому, были разосланы епископом всем благочинным епархии («сколько в городе Царицыне церквей?», «в каком селе когда устроены церкви?» и т.д.). Структурно работа делится на три части. В первой П. Лугарев привел информацию о количестве церквей, о времени основания храмов, о наиболее почитаемых святынях в Царицыне и Царицынском уезде. Второй раздел «Описания» посвящен населению Царицынского уезда: в нем сообщаются сведения о численности местных жителей, об их грамотности, а также подробно освещена история распространения старообрядчества и сектантства в уезде, приведены данные об особенностях вероучений и обрядности молокан-субботников и воскресников, а также старообрядцев-беспоповцев и беглопоповцев. В третьей, самой небольшой по объему части своей работы П. Лугарев остановился на описании образа жизни местного духовенства.

В том же архивном деле, что и работа П. Лугарева, сохранилось описание посада Дубовки, составленное местным благочинным, по-видимому, также по заданию епископа Иакова (Вечеркова) (ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 506а. Л. 43–47об.). В этой рукописи в первом разделе приведены сведения о положении населенного пункта, численности местного населения, «примечательных» постройках. Вторая глава посвящена местной «промышленности»: описано, как велась торговля местным купечеством, указано, какие товары транзитом следовали через Дубовку. В третьем разделе автор остановился на «образованности и характере» местных жителей, в том числе привел сведения о количестве сектантов и раскольников в посаде, назвал наиболее известных и «вредных для церкви» из них.

В этом же архивном деле имеются более краткие описания отдельных населенных мест, церквей и монастырей: «Статистическое описание города Хвалынска», «Краткое описание первоначального населения слободы Владимировки», «История жителей села Самодуровки», «Историческое описание губернского города Саратова храма Преподобного владычицы нашей Богородицы», а также довольно пространное сочинение «Исторические известия о петровском Николаевском заштатном монастыре с половины XVII по XIX век» (Майорова, 2011: 131).

По-видимому, в 1830–1840-х гг. были составлены и церковно-исторические описания других частей Саратовской епархии. Саратовский краевед конца XIX–начала XX вв. А.А. Лебедев установил, что в 1847 г. епископ Иаков (Вечерков) взял в библиотеке Саратовской духовной семинарии рукопись «Описание городов, с уездами Саратовской губернии по части церковной», в которой, судя по всему, были собраны другие подобные работы местного духовенства. Дальнейшая судьба этих документов неизвестна.

Описания городов и уездов Саратовской епархии были использованы для написания обобщающего «Статистического очерка Саратовской епархии», рукопись которого была закончена в 1845 г., а в 1848 г. была отправлена епископом Иаковом (Вечерковым) в Императорское Русское географическое общество, в архиве которого и сохранилась вплоть до наших дней. В сочинение вошли исторические очерки о церквях, находившихся в населенных пунктах Саратовской губернии, были перечислены наиболее почитаемые

святыни, хранившиеся в храмах, приведена информация о внебогослужебной религиозной жизни местного православного населения, о миссионерской деятельности в епархии. Установить точное авторство «Статистического очерка» затруднительно, но, как очевидно, эта работа писалась под руководством и редакцией епископа Иакова (Вечеркова).

Сюжет, связанный с написанием сохранившегося в архиве Русского географического общества «Историко-статистического описания Саратовской епархии», рассматривался в саратовской регионоведческой историографии. Саратовский краевед начала XX в. А.А. Лебедев и современная саратовская исследовательница А.С. Майорова, исследовавшие жизненный путь и научную деятельность епископа Саратовского и Царицынского Иакова (Вечеркова), ошибочно отождествили «Статистический очерк Саратовской епархии» Преосвященного Иакова с историко-статистическим описанием епархии, написанным Г.И. Чернышевским в рамках общероссийской кампании по подготовке подобных сочинений, организованной Священным Синодом в 1850-х гг. А.А. Лебедев полагал, что результатом деятельности Иакова (Вечеркова) по сбору сведений по истории Саратовского Поволжья «явилось «Церковно-историческое и статистическое описание Саратовской епархии», составленное в 1845 г. протоиереем Г.И. Чернышевским, отцом Н.Г. Чернышевского» (Лебедев, 1907: 5). А.С. Майорова отметила эту ошибку, но полагает, что епископ Иаков лишь организовал сбор источников по истории епархии, а «выбор автора будущего труда и – возможно даже руководство его созданием – следует отнести к деятельности его преемника по кафедре» (Майорова, 2011: 124–125), при этом вне поля зрения исследовательницы оказался «Статистический очерк Саратовской епархии», написанный под руководством Иакова (Вечеркова), рукопись которого сохранилась в архиве Русского географического общества.

В реальности, епископ Иаков (Вечерков) организовал работу по составлению исторического описания Саратовской епархии за несколько лет до того, как Синод поручил всем епископам написать подобные сочинения, и довел ее до конца. Г.И. Чернышевский начал работать над составлением описания епархии в конце 1850–начале 1851 гг., т.е. спустя три года после того, как рукопись труда епископа Иакова (Вечеркова) уже поступила в Императорское Русское географическое общество.

Рукопись «Статистического очерка Саратовской епархии» написана разными почерками, рукой епископа Иакова написаны только несколько ее разделов. В сочинение вошли исторические очерки о церквях, находившихся в населенных пунктах Саратовской губернии, были перечислены наиболее почитаемые святыни, хранившиеся в этих храмах, приведены сведения о численности православных и раскольников в приходе каждой церкви.

Таким образом, в 1830–1850-х гг. православным священнослужителями Нижнего Поволжья впервые стала проводиться целенаправленная работа по изучению местной церковной истории. Благодаря деятельности епископа Саратовского и Царицынского Иакова (Вечеркова) и протоиерея Гавриила Чернышевского, одних из наиболее образованных людей своего времени, проявлявших живой интерес к истории региона, работа по составлению историко-статистического описания епархии в Саратовском Поволжье велась более успешно, чем в Астраханской епархии и на землях донских казаков. Результатом их деятельности по изучению региональной церковной истории стали два довольно обширных историко-статистических описания Саратовской епархии, а также несколько сочинений церковно-исторического характера, написанных священнослужителями епархии при их участии. В Астраханской епархии были составлены описания монастырей г. Астрахани, а также описания приходов церквей Черноярского и Царевского уездов, однако, обобщающего описания епархии составлено не было. В Донской и Новочеркасской епархии работа по написанию историко-статистических описаний епархий не была доведена до конца.

Что касается содержательной части трудов священнослужителей Нижнего Поволжья, в середине XIX столетия работавших над историко-статистическими описаниями своих епархий, следует отметить, что заслуга их авторов заключалась, в первую очередь, в аккумуляции большого количества эмпирического материала – данных об основании церквей, исторических преданий и легенд, сведений о численности приходов, о внебогослужебной жизни местного православного населения и т.д. Авторам практически не удалось выйти на уровень интерпретации, осмысления и критики собранного материала,

но были собраны обширные сведения, которые впоследствии использовались и продолжают использоваться исследователями истории, археологии, хозяйственного развития Нижнего Поволжья. Проведенная священнослужителями работа вышла за рамки региональных церковно-исторических исследований и является одной из важных страниц в истории научного освоения Нижневолжского региона.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-11-34004 а(р) «Историческое регионоведение Нижнего Поволжья XVIII – начала XX вв. как историографическое и социокультурное явление».

Литература

АРГО – Архив Русского географического общества.

АЕВ, 1893 – Астраханские епархиальные ведомости. 1893. № 14–22.

ГАСО – Государственный архив Саратовской области.

Историко-статистические описания, 2014 – Историко-статистические описания церквей и селений Астраханской епархии Царевского уезда в границах Волжского благочиния Калачевской епархии / Сост. А.А. Клущин, И.О. Будков. Вып. 1. Волжский: Сам Полиграфист, 2014. 274 с.

Историко-статистические описания, 2015 – Историко-статистические описания церквей и селений Астраханской епархии Царевского уезда в границах Волжского благочиния Калачевской епархии / Сост. А.А. Клущин, И.О. Будков. Вып. 2. М.: ООО «Сам Полиграфист», 2015. 355 с.

Лебедев, 1907 – Лебедев А.А. Материалы для истории Саратовской епархии. Т. 1. Вып. 1. Саратов, 1907. 99 с.

Майорова, 2011 – Майорова А.С. Научная деятельность епископа Иакова (Вечеркова) (1832–1847) // *Саратовский краеведческий сборник: научные труды и публикации* / под ред. проф. В.Н. Данилова. Саратов: Наука, 2011. С. 101–114.

Раздорский, 2007 – Раздорский А.И. Историко-статистические описания епархий Русской православной церкви (1848–1916). Сводный каталог и указатель содержания / Ред. В.В. Антонов. СПб.: РНБ, 2007. 960 с.

СЕВ, 1882 – Саратовские епархиальные ведомости. 1882. № 31, 32, 33, 36, 37, 38, 39.

References

ARGO – Arhiv Russkogo geograficheskogo obshhestva [Archive of the Russian Geographical Society].

AEV, 1893 – *Astrahanskije eparhial'nye vedomosti*. 1893. № 14–22 [in Russian].

GASO – Gosudarstvennyj arhiv Saratovskoj oblasti [State Archives of the Saratov Region].

Istoriko-statisticheskie opisanija, 2014 – Istoriko-statisticheskie opisanija cerkvej i selenij Astrahanskoj eparhii Carevskogo uezda v granicah Volzhskogo blagochinija Kalachevskoj eparhii [Historical and Statistical descriptions of the churches and villages of the Astrakhan Diocese of Tsarevsky Uyezd within the borders of the Volga Deanery of the Kalachev Diocese] / Sost. A.A. Klushin, I.O. Budkov. Is. 1. Volzhskij: Sam Poligrafist, 2014. 274 p. [in Russian].

Istoriko-statisticheskie opisanija, 2015 – Istoriko-statisticheskie opisanija cerkvej i selenij Astrahanskoj eparhii Carevskogo uezda v granicah Volzhskogo blagochinija Kalachevskoj eparhii [Historical and statistical descriptions of the churches and villages of the Astrakhan Diocese of Tsarevsky Uyezd within the borders of the Volga Deanery of the Kalachev Diocese] / Sost. A.A. Klushin, I.O. Budkov. Is. 2. M.: ООО «Сам Полиграфист», 2015. 355 p. [in Russian].

Lebedev, 1907 – *Lebedev A.A. Materialy dlja istorii Saratovskoj eparhii* [Materials for the history of the Saratov Diocese]. Vol. 1. Is. 1. Saratov, 1907. 99 p. [in Russian].

Majorova, 2011 – Majorova A.S. Nauchnaja dejatel'nost' episkopa Iakova (Večerкова) (1832–1847) [The scientific activity of Bishop James (Večerkov) (1832–1847)] // *Saratovskij kraevedcheskij sbornik: nauchnye trudy i publikacii* [Saratov Local History Collection: scientific works and publications] / red. prof. V.N. Danilova. Saratov: Nauka, 2011. P. 101–114. [in Russian].

Razdorskij, 2007 – *Razdorskij A.I. Istoriko-statisticheskie opisanija eparhij Russkoj pravoslavnoj cerkvi (1848–1916). Svodnyj katalog i ukazatel' soderzhanija* [Historical and

Statistical descriptions of the Dioceses of the Russian Orthodox Church (1848–1916). Consolidated catalog and content index] / Red. V.V. Antonov. SPb.: RNB, 2007. 960 p. [in Russian].

[SEV, 1882](#) – *Saratovskie eparhial'nye vedomosti*. 1882. № 31, 32, 33, 36, 37, 38, 39. [in Russian].

УДК 94(47).07

Историко-статистические описания епархий Нижнего Поволжья середины XIX века

Александр Леонидович Клейтман^{а, *}

^а Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализирована деятельность православных священнослужителей по составлению историко-статистических описаний епархий Нижнего Поволжья в середине XIX столетия. В это время по заданию Святейшего Синода и епархиальных властей православными священниками была собрана информация об истории, современном состоянии населенных мест, церквях, древних памятниках, религиозных традициях местного населения и ряду других вопросов. В Астраханской, Саратовской и Донской епархия обширные сведения по этим вопросам, собранные священнослужителями, послужили основой для написания историко-статистических описаний церквей, приходов и епархий в целом, ставших одними из наиболее ранних научных работ, посвященных Нижневолжскому региону. Научная деятельность православного духовенства по составлению историко-статистических описаний епархий вышла за рамки церковно-исторической тематики и является одной из важных страниц истории научного изучения региона.

Ключевые слова: историко-статистические описания епархий, Нижнее Поволжье, история науки, научная деятельность православного духовенства.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alexander.kleitman@gmail.com (А.Л. Клейтман)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 ISSN: 2408-9621
 E-ISSN: 2413-726X
 2017, 5(1): 12-32

DOI: 10.13187/ra.2017.1.12
www.ejournal16.com

UDC 93/94

Jews from the USSR write abroad (Letters and Diaries of World War II as a Historical Source)

Part I

Leonid L. Smilovitsky ^{a,*}

^a The Goldstein-Goren Diaspora Research Center, Tel Aviv University, Israel

Abstract

This article is devoted to the little-studied topic of the correspondence abroad of Jews from the Soviet Union during the Great Patriotic War. It examines the renewal of mail correspondence of the Jewish families with the outside world, which – due to dramatic internal political changes in the USSR during the 1930s – had ceased until the summer of 1941. The author provides an analysis of Jewish letters from the USSR to the United States, Palestine, South Africa, Argentina, and Mexico. This correspondence offers a window into a number of different aspects of the Jews' experiences of the period: solidarity with the Red Army, the participation of Soviet Jews in the struggle against Nazism on the fronts of the war, Zionism, and Yiddish from the USSR. Particular attention is paid to such themes as the Holocaust, the search for relatives and the help of the Red Army, aid sent from Palestine, life after evacuation, and observance of the Jewish tradition. The letters of Jews from the Soviet Union abroad during 1941-1945 are an extraordinary phenomenon in the history of private military correspondence. The sympathy and attention demonstrated by tens of thousands of people from abroad helped the USSR overcome its international isolation and provided moral and material assistance, which significantly contributed to the ultimate victory of Soviet weapons over a common enemy.

Keywords: letters; sources of personal origin; World War II; the Great Patriotic War; the Red Army; the Jews; the Holocaust; Yiddish; evacuation; front; rear and hinterland; censorship.

Тема переписки советских евреев с зарубежными странами в годы Второй мировой войны до сих пор выпадала из поля зрения исследователей. Это удивительно, поскольку история антигитлеровской коалиции достаточно хорошо изучена и описана по обе стороны океана. Проблема открытия второго фронта, как и участие великих держав в борьбе с нацистской Германией, горячо обсуждались в средствах массовой информации и частной переписке в 1941, 1942, 1943 гг. и первой половине 1944 г. В центре общественного внимания всегда находилась тема ленд-лиза и огромных поставок вооружения и снаряжения, продовольствия и горючего. Советская пресса постоянно уделяла внимание действиям союзников на Тихом океане, в Азии и Африке. В Куйбышеве в 1942–1949 гг. Министерством

* Corresponding author

E-mail addresses: smilov@zahav.net.il (L.L. Smilovitsky)

информации Великобритании по договоренности с советскими властями издавалась газета «Британский союзник» (Вачаев, 2015: 25–30). Выпускались почтовые конверты и открытки, марки, посвященные союзникам по борьбе с Гитлером и открытию второго фронта. Все это закономерно должно было подводить к мысли о наличии переписки с заграницей. Несмотря на это, научные издания и опубликованные коллекции писем на постсоветском пространстве не приводят таких примеров (Кринко и др., 2013; XX век: Письма войны, 2016). Даже сборники писем еврейских солдат, изданные в Российской Федерации в первой половине 2000-х гг., не дают подобных примеров (Сохрани мои письма, 2007–2016). Некоторым исключением может служить сборник, изданный в Яд Вашем в 2016 г. Правда, и там из ста опубликованных писем советских евреев приведено только несколько писем, направленных за границу (To Pour Out My Bitter Soul, 2016: 106, 109, 184–186).

Тем не менее, такие письма существуют. Их можно обнаружить в Яд Вашем, в Центральном сионистском архиве¹, Центральном архиве народа Израиля в Иерусалиме, Архиве рабочего движения им. Пинхаса Лавона в Тель-Авиве². Письма советских евреев за годы войны отложились в Вашингтоне³ и Нью-Йорке⁴. Наконец, письма хранятся в архивах израильских кибуцев⁵, где было много выходцев из России. Например, в кибуце Афиким, который раньше назывался «кибуц СССР», кибуцах Кинерет, Эйн Гев, Кфар Гилади, Бейт Лохамей-ха-Гетаот и др.

Никто не знает, сколько писем сохранилось в семейных архивах у потомков евреев, эмигрировавших из России и Советского Союза. В настоящей статье использована коллекция военных писем, которые собраны в архиве Центра диаспоры при Тель-Авивском университете в самое последнее время (2012–2017) и впервые вводятся в научный оборот.

Почтовое сообщение с внешним миром было искусственно ограничено Советским Союзом, начиная с 1929 г. Политика всеобщей коллективизации, индустриализации и сталинской культурной революции в СССР сопровождалась процессами над «врагами народа», русификацией и милитаризацией общества. Любая негативная информация не должна была просочиться во внешний мир. Фрагментарно частная переписка с заграницей еще продолжала существовать в 1930-е гг., главным образом за счет вновь присоединенных территорий – Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии. Примеры такой переписки можно обнаружить в книге Давида Ласкина, построенной на анализе нескольких десятков писем из его семейного архива, отправленных из местечек и городов Белоруссии и Украины в 1939–1941 гг. (Laskin, 2013). Советские граждане имели все основания опасаться последствий письменной связи с заграницей, поэтому фактически она сошла на нет к лету 1941 г. (Агапов, 2011: 198–209).

С началом войны ситуация изменилась. Поражения на фронте, огромные потери территории и ресурсов вынудили власти СССР бороться за выживание и изменить подходы во внешней и внутренней политике. Начался поиск сочувствия, поддержки и помощи у всех, кто ее мог оказать, были созданы антифашистские комитеты⁶. Были внесены изменения в советскую национальную и религиозную политику, начала выходить на идиш газета «Эйникайт»⁷, а Соломон Михоэлс послан во главе делегации еврейской интеллигенции

¹ Комиссия по вопросам СССР при Сохнуте, Лига «V», Отдел Алии, коллекции документов и материалов Биньямина Веста, Арье Ценципера и Ицхака Рабиновича.

² Отдел Алии, Гистадрута, Архив Биньямина Веста и др.

³ Holocaust Memorial Museum.

⁴ Д-р Альберт Каганович, University of Manitoba (Канада) высказал предположение, что письма советских евреев, написанные в годы советско-германской войны, могут храниться в архиве Хабада в Нью-Йорке.

⁵ Кибуцы – сельскохозяйственные коммуны в Израиле, с общностью имущества и равенством в труде и потреблении.

⁶ Антифашистские комитеты – общественные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (всеславянский, еврейский (ЕАК), советских женщин, советской молодежи, советских ученых), входившие в структуру Совинформбюро.

⁷ «Эйникайт» (с идиша – единство) – газета, выходившая с 7 июня 1942 г. по 21 августа 1943 г. в Куйбышеве и с 31 августа 1943 г. до 20 ноября 1948 г. в Москве. Орган ЕАК. Несмотря на свой пропагандистский характер, художественное творчество и публицистика газеты были пронизаны

в США, Канаду, Мексику, Великобританию собирать пожертвования в помощь Красной армии ([Еврейский антифашистский комитет, 1996: 197–203](#)). В этой связи снятие негласного запрета с частной переписки советских граждан с заграницей выглядело вполне логично. Значительная часть граждан, выехавших не по политическим мотивам из Российской империи и Советского Союза до и после 1917 г., были евреями. Именно эти люди и составили большинство участников иностранной переписки.

Возобновление переписки. Международная почтовая связь в годы войны сыграла важную роль в восстановлении и укреплении симпатий граждан многих стран мира к Советскому Союзу ([Агапов, 2012: 47–53](#)). Подчеркнем, что письма 1942 и 1943 гг. были написаны в условиях, когда окончательный исход войны был неясен. Смертельное противостояние двух военных гигантов – Советского Союза и Германии – в условиях отсутствия второго фронта достигло огромного напряжения.

Из содержания писем можно определить маршрут следования корреспонденции. Из Киргизии в Палестину и обратно письма направляли через Индию и Иран. Из Москвы в США – через Архангельск и далее, с помощью морского конвоя, через Атлантический океан. Такой обходной путь, занимавший много недель, был необходим, чтобы миновать театр военных действий. Судя по почтовым штемпелям на конвертах, письмо в одну сторону шло от трех недель до полутора месяцев. В условиях войны люди, писавшие за границу, не жаловались на работу почты. Важен был результат, чтобы письмо, в конце концов, попало в руки адресата.

Письма из Советского Союза за рубеж можно разделить на несколько групп:

1. Письма родным, членам одной семьи, оказавшимся по разные стороны границы волей исторических обстоятельств.
2. Письма в советские учреждения, в частности, в Еврейский антифашистский комитет в Москве (ЕАК) из Палестины, США и других стран, авторы которых были обеспокоены судьбой своих родных и просили сообщить их адреса в СССР¹.
3. Письма советских евреев, посланные в государственные учреждения и в ЕАК с просьбой оказать содействие в поисках родственников за границей².
4. Письма и запросы многочисленных землячеств выходцев из бывшей Российской империи и Советского Союза из США, Палестины, Канады, Аргентины в синагогу того или иного города (как единственный доступный в их понимании еврейский адрес)³.

Евреев из СССР, писавших за границу, условно можно разделить на две основные категории. К первой относились советские евреи, проживавшие в границах до 1939 г., а ко второй – еврейское население территорий, которые были включены в состав СССР в соответствии с пактом Молотова-Риббентропа после 23 августа 1939 г.

Понятно, что писем от второй категории было намного больше. Связи с родственниками у этой категории граждан еще не были утрачены, люди там еще не были настолько запуганы. В то же время многие семьи жили на средства, которые регулярно поступали от их кормильцев, выехавших в Америку и другие страны. С началом войны в эвакуации они оказались в наиболее бедственном положении, не были привычны

глубоким национальным чувством, что стало поводом для последующих репрессий в ходе разгрома еврейской культуры и антисемитской кампании 1948–1953 гг.

¹ В 1945 г. такое заявление поступило от Американско-еврейского комитета по оказанию помощи в восстановлении Белоруссии (American Jewish Committee to Aid Byelorussian Rehabilitation), представлявшего около миллиона евреев, выходцев из Белоруссии – 700 землячеств и общественных организаций ([ГАРФ. Ф. 8114. Оп. 1. Д. 843. Л. 103](#)).

² Самуил Гринфельд, эвакуированный в Киргизию, искал в Палестине Шмуэля Зеева Эйбореха; В.А. Безмозгин, эвакуированный в Уфу (Башкирия), просил помочь установить адреса своих родственников в Монреале (Канада); Хава Хамер, эвакуированная в Узбекистан, писала Юлии Спара в г. Генинсон (Мексика); Моше Калхгейм, эвакуированный в Красноярский край, нашел Иегуду Оренштейна в кибуце «Акива» около Петах-Тиквы (Палестина). Ш.И. Купершмидт из Дагестана сообщал, что очень многие евреи обращались к нему с вопросом, как наладить связь с родными в Америке, Англии, Бразилии и Палестине ([ГАРФ. Ф. 8114. Оп. 1. Д. 1174а. Л. 97–99, 101, 103, 135, 150](#)).

³ Например, «БССР, Минск, синагога, раввину». По свидетельству очевидцев и прихожан, такие письма вывешивались прямо у входа на дверях минской синагоги по ул. Немига ([Jewish Life in Belarus, 2014: 211–217](#)).

к физическому труду, не приспособлены к примитивному быту, не знали языка, местных обычаев, не имели возможности соблюдать еврейскую традицию (галаха)¹ и кашрут². По понятным причинам они требовали к себе дополнительного внимания и заботы.

Евреи, ставшие советскими гражданами после 1939 г., смелее обращались с просьбами в советские государственные инстанции, включая руководителей страны. Они надеялись найти понимание руководящих органов. При этом они искренне полагали, что имеют на это право и снимут бремя заботы о себе советских учреждений, отвечавших за устройство беженцев. Ответы на такие обращения были уклончивыми, но категорического отказа не содержали. Как в действительности сложилась судьба этих просителей, сведений не сохранилось, как и информации о том, что кто-то в СССР в годы войны получил право на воссоединение семей, проживавших за границей.

В 1943 г. Иосиф Лаутербах дал телеграмму на имя И.В. Сталина с просьбой разрешить его родителям выехать из Советского Союза в Палестину. Ему ответили, что желающие сделать такой шаг должны самостоятельно возбудить ходатайство перед органами милиции по месту жительства (CZA. A386-78). Перл Залманович, эвакуированная из Литвы в Якутию, в письме на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина сообщала, что после смерти ее мужа в эвакуации осталась одинокой и беспомощной. Женщина просила разрешения выехать к родным братьям в Южную Африку, которые брали на себя все расходы, включая ее переезд из Советского Союза (CZA. A386-78).

Можно выделить следующие темы частной переписки с заграницей:

- поиск близких людей, родных и знакомых, земляков и сослуживцев,
- описание жизни в эвакуации, уход в армию,
- обмен новостями семейной жизни,
- рассказ о судьбе знакомых, коллег,
- оказание материальной помощи.

У нас нет сведений о том, был ли установлен советскими государственными органами какой-то определенный лимит на количество почтовых отправок за границу. Можно предположить, что такое ограничение существовало на посылки и бандероли, как и на перечень предметов, разрешенных к отправке в военное время. Не исключено, что лимит на отправку открыток и писем действительно имел место. Документы об официальном разрешении возобновить переписку с началом войны, пока не найдены. Однако, зная механизм принятия решения в Советском Союзе, нет никаких сомнений, что такие документы существуют. Поскольку без директивных указаний высшего партийного руководства страны подобные шаги Наркомата связи и Наркомата внутренних дел, отвечавших за почтовые связи государства, были невозможны (Советско-израильские отношения, 2000: 58–63). С другой стороны, не исключено, что прямой запрет отсутствовал, и переписка возобновилась стихийно. Ужасы войны, близость смерти и трудности эвакуации притупили у людей чувство страха. Когда первые смельчаки убедились, что письма за границу доходят до адресата, это придало смелости. Сыграло положительную роль и то, что в советской прессе появились сообщения о государственных контактах между великими державами. В Соединенные Штаты Америки, Канаду, Мексику, Палестину направились ученые, артисты, представители трудовых коллективов, были установлены связи между общественными организациями, возникли общества дружбы с Советской Россией, и переписка расширилась.

Язык переписки. Основным языком евреев, писавших из Советского Союза за границу, стал русский. Можно предположить, что такой выбор был сделан не случайно. Все зависело от уровня образования и культуры. Семьи Хацкевичей-Гольдбергов-Шнеер-Путерник переписывались на идиш и на английском языке с Южной Африкой (Йоханнесбург) и США (штат Флорида) из Свердловска (1941–1944), из Киева (1944–1947),

¹ Галаха – нормативная часть иудаизма, регламентирующая религиозную, семейную и гражданскую жизнь евреев, в узком смысле – совокупность законов, содержащихся в Торе и Талмуде.

² Кашрут – пригодность с точки зрения галахи относиться к широкому кругу юридических и ритуальных проблем: от правомочности свидетелей до ритуальной пригодности предметов культа, ткани, посуды и т.д.; в обиходе чаще всего связано с вопросом о пригодности пищи к употреблению.

и из Лудзы (Латвия) с США (1944–1947)¹. Семьи Должанских-Эпштейн и Бруссеров-Чечиков выбрали русский язык (Smilovitsky, 2015: 133–143). Должанские и Эпштейны свободно владели ведущими европейскими языками – немецким, английским и французским. Однако использование русского языка считалось предпочтительным, поскольку в СССР любое письмо, написанное не по-русски, привлекало внимание. Считалось, что это может задержать, вызвать дополнительную проверку, результаты которой в условиях войны могли оказаться непредсказуемыми. При появлении подозрений автора письма брали на заметку, а письмо становилось вещественным доказательством «крамолы». Опыт жизни в Советском Союзе безошибочно подсказывал людям линию поведения. Важно было сделать так, чтобы переписка не прерывалась и оставалась регулярной.

Однако в отдельных случаях русский язык оказывался единственным возможным для переписки. Роза Барбанель, эвакуированная из Ленинграда в татарскую деревню Каргали, в письме в Тель-Авив к Иегудит Лесем в Тель-Авив летом 1943 г. сообщала, что она забыла идиш и поэтому пишет по-русски, надеясь, что кто-нибудь в Палестине переведет это письмо (YVA. O. 39/70).

В каждом письме жила надежда на встречу. Ожидание победы знаменовало собой не только окончание экстремального состояния военного времени, возврат к нормам мирной жизни, реэвакуацию, рост материального благосостояния, работу по профессии, возможность дать образование детям в нормальных условиях, но и воссоединение семьи. Считалось, что все народы мира сделают необходимые выводы, чтобы подобная трагедия не повторилась. Границы откроются, люди будут свободно общаться, сами решать свою судьбу. К сожалению, этим надеждам не суждено было сбыться. Никто не предполагал, что разгром нацистской Германии приведет не к всеобщему послевоенному миру, а к новому этапу противостояния между Востоком и Западом, холодной войне.

Цензура. Большинство писем за границу отправлялись в открытом виде с помощью почтовых карточек в надежде, что это облегчит работу цензуры и ускорит сроки получения адресатом. Нужно видеть эти почтовые карточки, где бисерным почерком были изложены события семейной жизни и заданы вопросы, волновавшие людей на разных концах света. Поле почтовой карточки было ограничено площадью в 10 x 14 см – это требовало настоящего искусства, чтобы уместить максимум текста. Соображения экономии места требовали продумать каждое предложение и слово.

Письма, отправленные в конвертах, имели ограничения в весе, но там, в отличие от открыток, можно было написать подробнее. Если культурный уровень был достаточен, то это позволяло подробно передавать эмоциональные переживания, рассказать о буднях и надеждах. Такие письма дают представление об окружающей атмосфере, условиях жизни и работы в тылу. Многие из них очень трогательны по своему тону и передают бережное отношение к членам семьи, разделенным тысячами километров и международными границами.

Расчет властей делался на то, что участники переписки хорошо понимали, какую ответственность налагает письмо за пределы СССР. В письмах не найти обсуждения политического строя, не встретить и намек на предвоенные репрессии, депортации, конфискации, советизацию на так называемых вновь присоединенных после 1939 г. территориях, осуждения политики коммунистической партии и Советского государства. Зато можно было прочитать о преимуществах социализма перед капитализмом, правомности классовой борьбы.

В письмах за границу, по понятным причинам, мы не находим наименований фронтов, описаний военных операций, воинских званий и фамилий начальников и командиров, перечисления воинских частей, где проходила служба, маршрутов передвижений и мест дислокаций воинских частей. Такое легкомыслие без труда могло привести к обвинению в шпионаже. Участники переписки хорошо понимали, что проверка корреспонденция

¹ Гирш Хацкевич эмигрировал из России в 1906 г. в США, Муля Гольдберг жил в штате Флорида, Хайм Шнеер уехал в 1908 г. из Латвии в Южную Африку и жил в Йоханнесбурге; Хая Путерник выбрала в 1930 г. Палестину. Переписка между семьями в СССР продолжалась на протяжении многих десятилетий, включая довоенное, военное и послевоенное время. Письмо Арона Шнеера – Л. Смиловицкому. 25 декабря 2016 г. (Архив автора).

за рубеж носила всеобщий характер. Более того, цензура была двойной – советской и американской, или советской и английской, австралийской, канадской. Количество почтовых штемпелей на русском и английском языках подсказывало, сколько промежуточных этапов миновало письмо на долгом пути своего следования. Но для родственников, ожидавших писем из СССР, это было не суть важно. Важно было знать, что их близкие живы и здоровы, какое у них настроение, как они преодолевают трудности быта, оставаться в курсе событий личной жизни, деталей будней. В этих условиях упоминание о любой мелочи в письме, отправленном за тысячи километров от воюющей страны, дарило неповторимое ощущение заботы и внимания. Самоцензура была настолько велика, что при проверке почтовой корреспонденции трудно было найти что-либо предосудительное¹. В письмах нельзя было прочитать о тяжелом материальном положении, трудностях жизни в эвакуации, голоде, взаимоотношениях с местным населением, не говоря уже о конфликтах на национальной почве и критике властей. Однако, читая между строк, можно было о многом догадаться.

Сионисты² и идишисты³. Разрешение переписываться с Палестиной в период войны было по-своему знаменательно. Сионизм считался враждебной большевизму идеологией, поскольку доказывал необходимость исхода евреев из стран рассеяния и построения национального очага в Палестине. Идишисты, наоборот, доказывали, что евреи обретут свое счастье только в СССР и поэтому не нужно никуда ехать. Однако и они оказались неугодными советской власти. В начале 1930-х гг. политика идишизации была свернута, Еврейскую секцию при ЦК ВКП(б) распустили, а ее руководителей репрессировали. В этой связи восстановление легальной почтовой связи с Палестиной можно рассматривать как большую уступку со стороны Москвы великим державам. Бывших сионистов, включая тех, кто получил срок и отсидел в лагерях или отбыл в ссылке, начали призывать в Красную армию на общих основаниях. Сохранились письма этих людей, которые называли себя советскими патриотами, в то же время ощущали себя евреями. Палестина для них оставалась исторической родиной.

Израиль Семенович Фишкин (1904–1977) из Минска отбывал наказание за сионистскую деятельность (1936–1941) в лагерях Воркуты, был освобожден 6 июня 1941 г., а через две недели, 23 июня призван в армию. Провоевал до окончания войны⁴.

Гирш Нахманович Каплун (1904–1944) первый раз арестован в 1925 г. в Москве, отбывал наказание в Сибири, ссылку в Ташкенте (Узбекистан), Туле (Россия), Аральске (Казахстан), после отбытия срока наказания в 1943 г. призван в армию, служил в противотанковой артиллерии, погиб под Выборгом в июне 1944 г., прожив 40 лет, из которых тюрьма, ссылка и фронт составили 20 лет⁵.

Яков Моисеевич Скульский (1910–1944) из Одессы, первый раз арестован за сионистскую деятельность в 1929 г., переписывался со своей сестрой Басей, уехавшей в Палестину, сослан в Среднюю Азию сроком на три года с запретом въезда и проживания в течение последующих трех лет после ссылки в 12 крупных городах страны. В августе 1941 г.

¹ Нина Яковлевна Эпштейн в 1942–1945 гг. в письмах на фронт своему мужу, майору медицинской службы Якову Абрамовичу, никогда не упоминала Палестину. Вместо этого она сообщала, что написала Тамаре или Леониду или получила письмо от Тамары или Леонида, которые жили в Тель-Авиве. Таким образом, Яков понимал, что переписка с Палестиной продолжалась.

² Сионисты – сторонники объединения и возрождения еврейского народа на его исторической родине в Эрец-Эзраэль. Слово «сионизм» является производным от топонима Сион, который уже в книгах пророков использовался для обозначения Иерусалима, как духовного центра иудаизма.

³ Идишисты – сторонники еврейских коммунистических секций РКП(б), созданных для распространения коммунистической идеологии на идиш и вовлечения еврейского населения СССР в «строительство социалистического общества»; непримиримые противники Бунда (Всеобщего союза еврейских рабочих в Литве, Польше и России, еврейской социалистической партии в России, позже в Польше и США), других еврейских социалистических партий и сионистов.

⁴ И.С. Фишкин работал после войны юристом в Минске на второстепенных предприятиях Плодовощторг, Овощтрест, Мингортоп ([Архив Музея истории и культуры евреев Беларуси. Ф. 1. Оп. 1. Д. 115. Л. 4](#)).

⁵ Письмо Софьи Каплун, дочери Г.Н. Каплуна Л. Смиловицкому из Реховота. 13 мая 2014 г. ([Архив автора](#)).

Якова мобилизовали в Красную армию, он служил радистом, сапером, был награжден медалью «За отвагу» и орденом Славы 3-й степени, погиб в октябре 1944 г. под Ригой (Скульский, 1982–2012: 115–116). 11 марта 1944 г. Яков Скульский писал своей жене Гене со станции Муром Горьковской области: «Еду с верой и надеждой в скорую победу над врагом и окончание войны. Читала ли ты о предполагаемых переговорах Стеттиниуса¹ в Лондоне? Очень приятно было узнать, что в числе других будет разбираться также вопрос о Палестине. Уверен, что эти переговоры – последний торг Америки и Англии перед открытием второго фронта... С верой и надеждой на блестящее будущее человечества и нашего народа [евреев – Л.С.] желаю тебе здоровья и нашим детям» (Скульский, 1982–2012: 221).

Рис. 1. Сержант Яков Моисеевич Скульский, 1942 г. (Архив автора)

¹ Эдвард Стеттиниус – государственный секретарь США в 1944–1945 гг.

Рис. 2. Геня Скульская (Брохман) с детьми Моисеем (справа) и Эдиком (слева), 1944 г. (Архив автора)

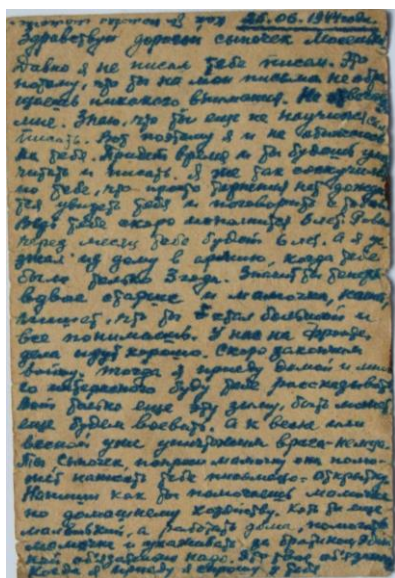

Рис. 3. Письмо Я.М. Скульского сыну Моисею. 26 июня 1944 г. (Архив автора)

Палестинское информационное бюро по делам еврейских беженцев в СССР в 1942 г. направило в адрес советских представительств в Стамбуле, Анкаре, Бейруте и Каире письмо солидарности и восхищения стойкостью и героизмом Красной армии. При этом отмечалась храбрость, проявленная евреями в составе Вооруженных Сил СССР в борьбе с немецким фашизмом. Также подчеркивалось, что палестинское еврейство, которое добровольно

послало тысячи своих сынов и дочерей в ряды Британских вооруженных сил сражаться против общего врага, готово принести всякую жертву для окончательного поражения нацизма. Одновременно выражалась надежда, что «советское правительство с симпатией отнесется к желанию еврейского народа восстановить свою национальную жизнь на основе равенства со всеми свободными народами и пожелает освободить ссыльных и арестованных евреев в СССР, задержанных за их сионистские взгляды и деятельность на ниве еврейской культуры и традиции...»

Рис. 4. Листовка 1943 г. «Медикаменты из Палестины в помощь Красной Армии» (CZA. A386/57).

Образ Палестины в письмах советских евреев. Палестина еще раз напомнила о себе после вступления Красной армии в 1944 г. на территорию Юго-Восточной Европы. Судьба евреев Болгарии, Румынии и Венгрии принципиально отличалась от того, что произошло с евреями Польши и Чехии, почти полностью уничтоженными нацистами. В письмах и дневниках советских евреев, рядовых и командиров Красной армии рассказывается, какое впечатление они произвели на местные еврейские общины. Общению помогал идиш, а Палестина упоминалась как место, которое может и должно стать убежищем всех евреев. Советские евреи в военных шинелях удивлялись сохранившейся национальной и религиозной жизни. Они не понимали, как буржуазное государство позволяло евреям придерживаться традиции, не чинило препятствия посещать синагогу, не говоря уже о том, что, в отличие от СССР, границы этих стран не были заперты на замок. Приведем два свидетельства.

Письмо капитана Наума Бейлина Гите Чарной. Румыния

7 октября 1944 г.

Здравствуй, Гиток!

Находясь в чужих краях, большим неудобством является незнание их языка. Мне же особенно досадно было бесчисленное множество раз от незнания своего родного еврейского языка [идиш – Л.С.]. Представителей этой национальности в румынских краях очень много. Узнавая во мне еврея, многие из них обращались, кто с излияниями радости нашего прихода, кто с вопросами о жизни в советской России, кто с удивлением, что я еврей и офицер, и многое другое. В одном городе евреи пригласили заночевать. Я дал согласие, и это стало большим семейным праздником. Все лучшее было на столе. Они старались предупредить мое малейшее желание, а когда я пошел отдыхать, мне предоставили постель со снежными простынями, колоссальными подушками и прочими вещами, от которых

я давно отвык. Глава семьи бодрствовал всю ночь, дабы меня никто не побеспокоил. Когда на рассвете следующего дня я уезжал, то вся семья провожала со словами, что если судьба снова забросит в их городок, то их дом для меня всегда открыт настежь.

Опубликовано: «Здравствуй, Гита». СПб.: Геликон Плюс, 2011. С. 438.

Письмо Бориса Александрович (Боруха Абрамовича) Орлова из действующей армии сестре Берте в Харькове.

31 марта 1945 г.

На днях я заходил в гости к румынским евреям. Живут неплохо, но большие эгоисты. Они, конечно, не знают, что такое война.

*Archive of military letters of the Diaspora Research Center, Tel Aviv University.
L. Smilovitsky's collection.*

Военный дневник Аркадия Тевелевича Лейзера¹. Венгрия

7 марта 1945 г.

Все чаще слышишь это слово: «Палестина». Его произносят с надеждой. О ней думают, мечтают, как о земле обетованной. До 20 лет я рос, не зная слова «жид»... Я считал себя советским человеком. Только изредка анкетные листы напоминали о том, что мою мать звали Миррой.

Началась война, и об этом крепко сказали немцы. Не только мне. Сотням тысяч. Они разожгли звериную ненависть к евреям на оккупированной земле, они способствовали усилению шовинизма в советском тылу и на фронте. Они убили миллионы в Майданеке и Тростянце, Бабьем Яру и Освенциме, Треблинке и Панерях.

Я был в Панерях в октябре 1944-го. Там под ногами хрустят кости людей, а на песке можно увидеть длинные волосы женщин. В Вилкамиоле (Каунас) я видел человеческие трупы в ямах, оставшиеся после сожжения в гетто. И так повсюду. В Румынии мне рассказывали о еврейском концлагере в Вапнярке (Винницкая обл., Украина). Там после долгого перерыва я вновь услышал «Палестина». Его произнес старший официант в ресторане «Вильсон». Он очень хотел бы уехать в Россию, но... И вот здесь, в захудалом венгерском городишке, немолодой уже аптекарь, мечтает тоже о Палестине. Народ без Родины...

Музей истории и культуры евреев Беларуси (Минск).

Тема антисемитизма появлялась в письмах только иносказательно под видом обвинения нацизму. Однако между строк совершенно ясно прослеживается аналогия с советской действительностью.

Письмо И.С. Фишкина жене Л.Б. Бенцман в Минск

20 июня 1945 г.

Письмо это я написал в двух экземплярах; один из них я буду хранить. В этом письме вся моя душа... частично о судьбах еврейского народа. Подобное по духу письмо я написал Минке. А сейчас Минка пишет: «Вот уже несколько дней, как получил письмо Ваше. Где Вы пишете о судьбах нашего народа (речь идет о моем письме из Австрии от 3 июня, по получении первой бандероли с газетами «Эйникайт»). Да, судьба страшная! И кто знает, что еще нам предстоит? Простят ли нам, что мы дали человечеству К. Маркса, Капицу, Эйнштейна, Бизе, Мендельсона и Сен-Санса и многих-многих других еще? Еще много темных сил на свете, ненавидящих культурные ценности человечества... все, что связано с этим.

Архив Музея истории и культуры евреев Беларуси (Минск).

Ф. 1. Оп. 1. Д. 115. Л. 12.

¹ Арон Тевелевич Лейзеров (1922–2007) – белорусский юрист, доктор юридических наук, профессор Белорусского государственного университета, автор около 300 работ, в том числе 5 монографий. В 1944–1945 гг. командир зенитно-пулеметного взвода 38-го Отдельного дивизиона ПВО железнодорожных эшелонов (воевал на Ленинградском, 1-м и 3-м Украинских фронтах).

Кто должен был «простить», если письмо написано в июне 1945 г., т.е. после безоговорочной капитуляции Германии?

Военные действия. Письма за границу передают волнения и переживания родных за судьбу солдат Красной армии. С одной стороны, война возродила переписку с границей, придала ей новый мощный импульс. С другой – ее участники понимали, что без победы над Германией о встрече родных, не говоря уже о воссоединении семей, не могло быть и речи. Все, кто был на фронте, подвергался смертельной опасности и рисковал жизнью.

Большинство не скрывали, что их родные служат в Красной армии (Должанские, Эпштейны, Абрамовичи, Чечики, Князик, Файнштейны, Шейнины). В письмах Нины Должанской из Фрунзе к своей сестре Тамаре в Тель-Авив называются имена и фамилии родных, которые отправились на фронт, воевали или прибыли в отпуск по ранению, были награждены. Выражалась надежда на конечную победу, даже если она будет не скоро, терпеть придется еще долго и сопряжено с большими потерями (материальными, физическими и психологическими). Об этом написано прямо и еще больше читается между строк. Приведем примеры.

Письмо Ц.И. Файнштейн из Джезказгана (Казахстан) Моше-Ноаху Шейнину в г. Сиэтл (штат Вашингтон, США)

27 ноября 1943 г.

Дорогой брат!

Муж Лии призван в армию. С 23 июля 1941 г. от него ничего нет. Сын Аксельрода – инженер в армии, сыновья наши: мой – Эммануил и Ривы – Яков ушли в армию добровольцами с последнего курса университета. Когда Эммануила дважды ранили, его отозвал институт кончить учебу. Яня Карасик и поныне в армии. Живем с надеждой на скорое освобождение нашей прекрасной Родины от врагов всего прогрессивного человечества от фашистских извергов-людоедов. Крепко, крепко вас всех целую, ваша сестра и тетя Цива Файнштейн.

*Central Archives of the history for the Jewish People in Jerusalem (CAHJP).
F. P275-14.*

Письмо Самуила Чечика¹ из Свердловска сестре Розе Князик в Нью-Йорк

27 ноября 1943 г.

От тети Раи Воробейчик недавно получил письмо, она находится с младшей дочерью в Молотовской области. Пишут, что живут хорошо, но не от всех сыновей письма имеют. Из пяти человек – двое на фронте и трое работают на заводах.

Самуил Аронович Чечик
*Archive of military letters of the Diaspora Research Center, Tel Aviv University.
L. Smilovitsky's collection.*

Письмо Израиля Ароновича Чечика² сестре Розе Князик из поселка Колтубановский Бузулукского района Оренбургской области в Нью-Йорк

23 февраля 1945 г.

Уже четвертый год живем ничего, но имеем много неприятности, а главное, что нет известия от нашего старшего сына Левы³. Уже три года, как мы не знаем, есть ли он живой, и где-то или нет его в живых, все время тоскуем. Остальные дети находятся вместе с нами. Все они здесь учатся.

¹ С.А. Чечик – инженер, эвакуирован в годы войны из Ленинграда в Свердловск, родной брат Израиля Ароновича Чечика.

² И.А. Чечик – дедушка Леонида Смиловицкого по линии матери.

³ Лев Израилевич Чечик (1923–1943) родился в деревне Вересница Туровского района Полесской области Белорусской ССР, окончил 10 классов СШ № 1 города Речицы, имел освобождение по болезни, но настоял на операции и призыве в армию. Воевал на острове Рыбачий в Баренцевом море, Волховском фронте, пропал без вести при обороне Ленинграда в феврале 1943 г. По другим сведениям, умер от ран в госпитале (ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 977520. Д. 463. Л. 161).

Израиль Аронович Чечик
 Archive of military letters of the Diaspora Research Center, Tel Aviv University.
 L. Smilovitsky's collection.

Рис. 5. Лев Израилевич Чечик до призыва в Красную армию (1939) и во время службы (1941) (Архив автора)

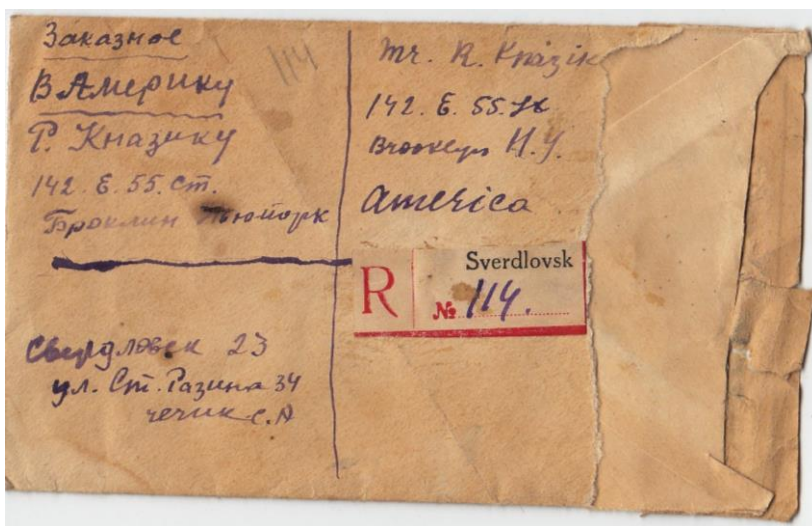
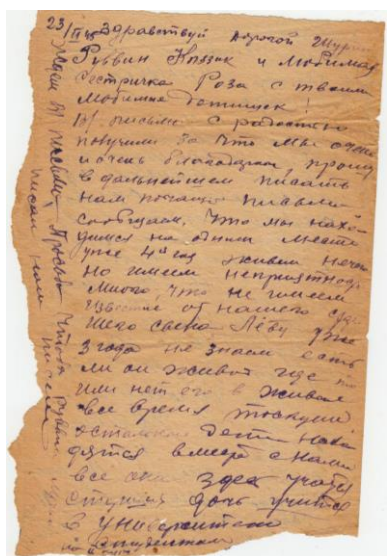

Рис. 6. Письмо Израиля Ароновича Чечика сестре Розе Князюк (Чечик) в Нью-Йорк 23 февраля 1945 г. (Архив автора)

В семье Эпштейнов отец Яков был фронтовым хирургом¹, а его сын Георгий (Зорик), служил в танковой разведке. Зорик искал самые опасные места, быть пять раз ранен, но

¹ Яков Абрамович Эпштейн (1899–1976), кандидат медицинских наук, родился в Варшаве. Его отец как участник «Народной воли» бежал от преследований царского правительства в Болгарию. Яков

каждый раз возвращался на фронт и просился в еще более опасное место. Комплекс писем семьи Должанских-Эпштейн¹ представляет собой в миниатюре всю историю советского общества, начиная с эпохи окончания Гражданской войны в России, эмиграции за границу, сталинскими репрессиями. Мы встречаем в них иллюзии и надежды бывших эмигрантов, вернувшихся на родину, на построение гармоничного общества в СССР.

**Письмо Нины Эпштейн (Должанской) Тамаре Должанской
из Фрунзе в Тель-Авив**

20 декабря 1942 г.

Дорогая Тамара!

Мы все живы и здоровы, и бодры, и твердо уверены в скорой победе над ненавистным врагом. Яша уже полтора года на фронте. Пошел добровольно. Письма от него получаю. Зоря тоже добровольно уже второй раз на фронте. Первый раз был ранен и контужен. Потом поправился и вот месяца два, как снова ушел. Целую и обнимаю, Нина.

*Archive of military letters of the Diaspora Research Center, Tel Aviv University.
L. Smilovitsky's collection.*

Рис. 7. Хирург Яков Абрамович Эпштейн, 1944 г. ([Архив автора](#))

**Письмо Нины Эпштейн (Должанской) Тамаре Должанской
из Фрунзе в Тель-Авив**

1 мая 1943 г.

Сегодня первая весточка от тебя за пять лет, если не больше. Мы здоровы, работаем. Ты спрашиваешь, в Ленинграде ли Яша? Нет, он не в Ленинграде, а на Ленинградском

окончил Берлинский университет в 1925 г. После прихода нацистов к власти эмигрировал в СССР в 1933 г. За два года до этого в Москву переехала вся его семья – родной брат Лев с женой и ребенком и родители. Яков работал во Всесоюзном институте экспериментальной медицины (1935–1941). Брата Льва, сотрудника Наркомата вооружений, репрессировали в 1938 г., родители умерли, а сам Яков 4 июля 1941 г. вступил добровольцем в Красную армию.

¹ Яков Моисеевич Должанский (1864–1928) – профессор медицины, хирург, эмигрировал в Палестину в 1921 г. Тамара Яковлевна Должанская (1903–1964) – дочь Я.М. Должанского, педагог, жила в Палестине (1921–1964). Нина Яковлевна Эпштейн (1901–1970) – дочь Я.М. Должанского, педагог, училась в Берлинском университете, в 1933 г. возвратилась в СССР, жила в Ленинграде.

фронте, а Зоря на Южном. Рутик готовится к весенним испытаниям и переходит в 8-й класс. Она мой лучший друг, и советчик, и утешитель... Знайте, что я бодр, закалена, не падаю духом и знаю твердо, что фашизм скоро будет уничтожен. Целую вас всех.

Ваша Нина

*Archive of military letters of the Diaspora Research Center, Tel Aviv University.
L. Smilovitsky's collection.*

Рис. 8. Георгий (Зорик) Яковлевич Эпштейн, 1942 г. ([Архив автора](#))

**Письмо Нины Эпштейн (Должанской) Тамаре Должанской
из Фрунзе в Тель-Авив**

24 сентября 1944 г.

Дорогие мои!

Зоря ранен в руку, в локтевой сустав и в левое ухо. Награжден орденом. Сейчас он в госпитале. Дома пробыл два дня. Уверяет, что, как только снимут гипс, он опять направится на фронт, так как ему противны не только мужчины, но и женщины, сидящие сейчас в тылу (исключение он делает только для мамы)¹. Разыскала меня тетя Соня. Она была эвакуирована в Ульяновск, а недавно вернулась в Москву. У Нади убит старший сын, Володя, а в Ульяновске родилась дочка Наташа. Тетя Соня держится. На ее попечении девочка Дани (он в армии) и дети Бори, об остальных родичах она не писала. Вот это все новости.

Крепко, крепко целую всех, Нина

*Archive of military letters of the Diaspora Research Center, Tel Aviv University.
L. Smilovitsky's collection.*

¹ Георгий Яковлевич Эпштейн (1924–1945) – младший лейтенант, сын Нины и Якова Эпштейнов, родился в Берлине, эмигрировал с родителями в СССР в 1933 г., окончил среднюю школу в Ленинграде в 1941 г. Служил во 2-м танковом корпусе, умер от ран 2 февраля 1945 г., похоронен в г. Вольденберг ([ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 11458. Д. 783. Л. 1](#)).

Рис. 9. Рут Яковлевна Эпштейн 1942 г.

В то же время часть авторов предпочитала умалчивать о своих волнениях и заботах. Они скрывали свои эмоциональные переживания, старались упрятать их от постороннего взгляда. Читая эти «странные» письма, нельзя было вообще догадаться о войне, о том, что каждый день гибнут тысячи людей, горят города, умирают от голода и болезней, смерть собирает свою страшную жатву, если бы не даты на конвертах – июль, август, сентябрь 1941 г. Разговор в них велся самый будничней, обсуждаются обыденные темы. Подобное поведение можно объяснить только опасениями потери общения с родными, что явилось бы дополнительным ударом ко всем несчастьям, которые обрушились на людей и страну с началом войны. Приведем пример.

Письма Златы Залмановны Гуревич дочери Цере из Ленинграда в Иерусалим

19 июля 1941 г.

Дорогая моя доченька!

Пишу, придя со службы домой. У нас наступили очень жаркие погоды. Гринечка уехал на дачу. Я по нему очень скучаю. Как вы, мои дорогие, поживаете и как мой дорогой внучек? От папы привет. Напишите о здоровье вашем. Мои вам лучшие пожелания. Целую вас.

Ваша мать и бабушка Зина
САНЖР. Ф. Р 288-5.

1 августа 1941 г.

Дорогие мои дети!

Ваши письма от 6.07 и 18.07 поучила днями. Была очень рада им. Я по-прежнему работаю. Работа не тяжелая, и я с нею свыклась. От Гринечки имела сегодня письмо. Учительница пишет, что он чудесный мальчик. Дай Бог всем быть здоровыми. Все вам кланяются, мои дорогие. Дорогая доченька, продолжаешь ли ты работать в лаборатории. Целую вас, мои дорогие, много раз и благодарю Яшу за приписку. Папа кланяется.

Ваша мать и баба Зина
САНЖР. Ф. Р 288-5.

14 сентября 1941 г.

Дорогая моя доченька!

Давно тебе не писала. Очень прошу обо мне не беспокоиться. Я с Гриней и его матерью находимся в г. Омске. Гринечка думал, что он едет к Ионечке. Когда он приехал, то заплакал и сказал: «Где мой брат Ионя? Я хочу к нему». Здесь ему очень свободно, он бегаёт с ребятами и ест вдоволь морковь и вареную картошку, конфетки, печенье, кофе с молоком. Мясо, яички он никогда не любит. Будьте здоровы. Целую вас всех крепко. Обо мне не беспокойтесь.

Ваша мать

САНЖР. Ф. Р 288-5.

Рис. 10. Письмо Златы Гуревич из Ленинграда дочери Цере в Иерусалим 19 июля 1941 г. (Архив автора)

В первых двух письмах (19 июля и 1 августа 1941 г.) сохраняется иллюзия безоблачной мирной жизни и только в третьем письме (14 сентября 1941 г.) выясняется, что семья Гуревичей вдруг оказывается в юго-западной части Сибири за тысячи километров от Ленинграда. При этом ничего о том, как это произошло, как прошла эвакуация, что видели в дороге, как люди понимали свое будущее. Однако слова в письме о том, что четырехлетний ребенок в Омске вдоволь ест «морковь, вареную картошку, конфетки, печенье», а «мясо и яички он никогда не любит», позволяют сделать вывод об изменении рациона питания, когда животные жиры заменили овощи. Эти намеки родные за границей без труда читали между строк.

К категории «странных» относится еще одна группа писем, отправленных летом 1941 г. за границу, в которых ни словом не упоминается о начавшейся войне. Эти письма принадлежали евреям новых советских территорий, вошедших в состав СССР после 1939 г. За неделю до нападения Германии на Советский Союз НКВД депортировал в отдаленные районы страны тысячи так называемых «социально чуждых» советской власти граждан Литвы, Западной Белоруссии и Западной Украины. Несмотря на то, что высылка производилась не по национальному, а социальному признаку, значительная часть тех, кого посчитали неблагонадежными, оказалась евреями. Одновременно часть из депортированных евреев была обвинена в националистической деятельности¹.

10 августа и 15 октября 1941 г. Исаак Бурштейн направил два письма своему брату Элимелакху Бурштейну в Петах-Тикву, в котором рассказал о высылке несколько десятков

¹ В справке 3-го Управления НКГБ СССР «О состоянии оперативной работы по разработке еврейского националистического подполья» от 15 июня 1941 г. говорилось, что еврейские националисты призывали к созданию убежища евреев в Палестине и борьбе с советской властью, пользовались активной поддержкой «Джойнта» и разведки Великобритании, собирали шпионские сведения (Органы государственной безопасности СССР, 1995: 74, 187, 233).

семей из Яново¹. Мужчин и женщин разделили и отправили в Алтайский край за 5 тыс. км двумя транспортами². Высылаемые совершенно не представляли своей участи. Исаак описывает, как перед отправлением он уговорил начальника эшелона не брать с собой престарелого отца, который мог не выдержать долгой дороги. Он не мог знать, что 26 июня 1941 г. немцы будут в Янове, и к августу 1941 г. большинство членов общины будут расстреляны, а оставшихся 208 евреев отправят в гетто Каунаса 22 октября 1941 г., где они тоже погибнут (*Российская еврейская энциклопедия. Т. 4. 2000: 510–511*).

В письмах в Палестину И. Бурштейна нет и намека на переживания за оставшихся родных в Литве. Вместо этого подробно перечисляются имена и фамилии земляков, которые благополучно доехали с ним до места назначения на Дальнем Востоке и приступили к работе, указывается их адрес³. Объяснение этому может быть только одно – опасение дать малейший повод цензуре не пропустить письмо в Палестину. Важно было сообщить за границу, кто остался в живых и где находится⁴. Расчет оказался правильным, письма Бурштейна в Петах-Тикве были получены (*Yonovo Sefer Izkor, 1972: 272–274*).

Вера в победу. Отличительной особенностью писем, отправляемых из СССР за границу в годы войны, была вера в победу. Это помогало жить и бороться, сохранить личное достоинство, укрепить уверенность, что все трудности будут преодолены, найти резервы, которые, казалось, были исчерпаны, вытерпеть невозможное. Демонстрация веры в победу над врагом отвечала общепринятой точке зрения, это было патриотично, приветствовалось властями и благосклонно принималось цензурой. Наконец, это придавало смысл всему происходившему, помогало найти объяснение встречавшимся препятствиям и недостаткам, придавало уверенности, что справедливость восторжествует. Приведем примеры.

Письмо Самуила Чечика сестре Розе Князик из Свердловска в Нью-Йорк

9 марта 1943 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

Узнал Ваш адрес. Работаю в Свердловске. Люба с детьми эвакуирована в Вологодскую область, Израиль, Бела, Рая и Дора с семьями живут на станции Колтубанка Чкаловской области⁵. Все живы и здоровы. Фашисты нами уничтожаются. Скоро их полностью уничтожим и вернемся в наши родные края.

Целую всех вас Самуил Чечик

Archive of military letters of the Diaspora Research Center, Tel Aviv University.

L. Smilovitsky's collection

Письмо Нины Эпштейн (Должанской) Тамаре Должанской из Фрунзе в Тель-Авив

21 мая 1943 г.

Тамарушка!

Пиши, сестричка, мне обо всех и знай, что я сохраняю бодрость духа и верю, верю твердо и в скорую победу, и в скорую встречу с моим мальчиком и с Яшей. От Лени⁶ имела только телеграмму. Крепко люблю тебя.

Целую всех, Нина Эпштейн

Archive of military letters of the Diaspora Research Center, Tel Aviv University.

¹ Яново (Ионова) – районный центр, в 1918–1940 гг. – в составе Литовской Республики, в 1940–1991 гг. – Литовской ССР. В 1940 г. в Яново проживало около 3000 евреев, что составляло 60% всего населения города.

² В письме от 10 августа 1941 г. Исаак Бурштейн говорит об «экстренном эшелоне», который находился в пути с 17 июня до 10 июля 1941 г.

³ Комсомольская ферма Карповского совхоза Солонешенского района Алтайского края РСФСР.

⁴ В письме от 15 октября 1941 г. И. Бурштейна дается даже точное описание местности – в алтайских горах, 130 км от железнодорожной станции Бийск, на южном направлении от города Новосибирска.

⁵ Колтубанка – железнодорожная станция на линии Кинель – Оренбург, в 273 км к северо-западу от Оренбурга.

⁶ Леонид Яковлевич Должанский (1899–1948) – брат Нины Эпштейн (Должанской), врач, жил в Палестине с 1921 г., погиб в войне за независимость Израиля.

Письмо Ц.И. Файнштейн Моше-Ноаху Шейнину из Джезказгана (Казахстан) в г. Сиэтл (штат Вашингтон, США)

27 ноября 1943 г.

Дорогой брат!

Живем с надеждой на скорое освобождение нашей прекрасной Родины от врагов всего прогрессивного человечества о фашистских извергов-людоедов.

Крепко, крепко вас всех целую, ваша сестра и тетя Цива Файнштейн.

САНЖР. F. P275-14

Письмо Самуила Чечика сестре Розе Князик из Свердловска в Нью-Йорк

26 января 1945 г.

Мои дорогие!

Мы радуемся успехам по уничтожению ненавистного нам врага. Мы морально богаче ваших богачей. Наша сила не поддается измерению. Конкретно настроение у всех такое, чтобы фашизм германский с корнем уничтожить. Одобряю Ваше участие в работе Красного Креста. Прошу о нас не беспокоиться. Кто жив остался, будет счастливо жить. Мой сын Эрик (8 лет) пишет: «Папочка, работай хорошо, чтобы скорее фашистов уничтожить». Даже у ребенка мысли работают в этом направлении. Ненависть к фашистам до того велика, что даже дети ее выражают.

Целую вас всех за всех нас, Самуил Чечик

Archive of military letters of the Diaspora Research Center, Tel Aviv University.

L. Smilovitsky's collection

Люди, писавшие письма из СССР, хорошо понимали, что родные и друзья за рубежом не в силах существенно повлиять на их положение в советском тылу. Они хотели их успокоить, показать, что не теряют присутствие духа, полны сил и энергии. Лучшим средством для этого была демонстрация веры в победу. Только оптимизм внушал надежду, поэтому люди искали любой повод, чтобы подтвердить эти ожидания. Они делились в письмах тем, что читали в газетах и слушали по радио. Сведения, полученные из официальных источников, считались достоверными, ими участники переписки делились более охотно, чем собственными мыслями и наблюдениями. И это совершенно естественно для людей, которые жили в военное время. Нельзя забывать, что это были граждане, в несвободной стране, боровшейся за свое выживание. Отсюда возникает вопрос, насколько искренними были их патриотические заявления и уверенность в победе? Все это необходимо учитывать при оценке психологического состояния людей, писавших за границу.

Литература

[XX век: Письма войны, 2016](#) – XX век: Письма войны / Сост., вступ. статья, ред. С. Ушакин, А. Голубев, Е. Гончарова, И. Реброва. М.: НЛО, 2016 г. 839 с.

[Агапов, 2011](#) – *Агапов М.Г.* Истоки советско-израильских отношений: «Еврейский национальный очаг» в политике СССР в 1920–1930-е гг. Тюмень: «Вектор Бук», 2011. 322 с.

[Агапов, 2012](#) – *Агапов М.Г.* Движение в поддержку Советского Союза в еврейской Палестине в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Тюменского государственного университета*. Социально-экономические и правовые исследования. 2012. № 2. С. 47–53.

[Архив Музея истории и культуры евреев Беларуси](#) – Архив Музея истории и культуры евреев Беларуси.

[Вачаев, 2015](#) – *Вачаев С.П.* Тематические особенности изданий, ориентированных на союзников антигитлеровской коалиции // *Вестник Московского гуманитарно-экономического института*. 2015. № 2. С. 25–30.

[ГАРФ](#) – Государственный архив Российской Федерации.

[Еврейский антифашистский комитет, 1996](#) – Еврейский антифашистский комитет 1941–1948: Документированная история / Сост. И.А. Альтман, В. Дубсон, Г.В. Костырченко и др. М.: Международные отношения, 1996. 423 с.

[Кринко и др., 2013](#) – *Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г., Хлынина Т.П.* Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945 гг.). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2013. 360 с.

[Органы государственной безопасности СССР, 1995](#) – Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1. Кн. 2: январь – июнь 1941 г. М.: Русь, 1995. 724 с.

[Российская еврейская энциклопедия, 2000](#) – Российская еврейская энциклопедия. Том 4. М.: Российская академия естественных наук, 2000. 536 с.

[Скульский, 1982–2012](#) – *Скульский Э.* Мы не с Луны свалились. Одесса – Гиватаим: [Б.и.], 1982–2012 гг. 406 с.

[Советско-израильские отношения, 2000](#) – Советско-израильские отношения. Сб. документов. 1941–1953. В 2-х кн. / Под ред. Б.Л. Колоколова, Э. Бенцура. Т. 1. Кн. 1. М.: «Международные отношения, 2000. 552 с.

[Сохрани мои письма, 2007](#) – Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / Сост. И.А. Альтман, Л.А. Терушкин. М.: Центр и Фонд «Холокост»; МИК, 2007. 320 с.

[Сохрани мои письма, 2010](#) – Сохрани мои письма... Сборник писем евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 2 / Сост. И.А. Альтман, Л.А. Терушкин, И.В. Бродская; под ред. и с предисл. И.А. Альтмана. М.: Центр и Фонд «Холокост»; МИК, 2010. 328 с.

[Сохрани мои письма, 2013](#) – Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 3 / Сост. И.А. Альтман, Л.А. Терушкин, Е.В. Тестова; под ред. и с предисл. И.А. Альтмана. М.: Центр и Фонд «Холокост», 2013. 288 с.

[Сохрани мои письма, 2016](#) – Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 4 / Сост. И.А. Альтман, Л.А. Терушкин; под ред. и с предисл. И.А. Альтмана. М.: Центр и Фонд «Холокост», 2016. 288 с.

[ЦАМО РФ](#) – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

[CZA](#) – Central Zionist Archives.

[Jewish Life in Belarus](#) – *Jewish Life in Belarus*. The final decade of the Stalin regime, 1944–1953. Budapest – New York: Central European University Press (CEU Press), 2014. 327 с.

[Laskin, 2013](#) – *Laskin D.* The Family: Three Journeys into the Heart of the Twentieth Century. New York: Penguin book, 2013. 400 с.

[Smilovitsky, 2015](#) – *Smilovitsky L.* Correspondence in Yiddish between personnel in Red Army and their relatives during Soviet German war, 1941–1945 // *Studia Zydowski Almanach (Jewish Studies. Almanac)*. 2015. №. 5. S. 133–143.

[To Pour Out My Bitter Soul, 2016](#) – *To Pour Out My Bitter Soul*. Letters of Jews from the USSR 1941–1945 / Edited by A. Zeltser. Jerusalem: Yad Vashem, 2016. 276 с.

[Yonovo Sefer Izkor, 1972](#) – *Yonovo Sefer Izkor*. Tel Aviv, 1972. 387 с.

[YVA](#) – Yad Vashem Archives.

References

[XX vek: Pis'ma vojny, 2016](#) – XX vek: Pis'ma vojny [XX century: Letters of war] / Comp., Introd. article, ed. S. Ushakin, A. Golubev. E. Goncharova, I. Rebrova. Moscow: NLO, 2016. 839 p. [in Russian].

[Agapov, 2011](#) – *Agapov M.G.* Istoki sovetsko-izrail'skih otnoshenij: “Evrejskij nacional'nyj ochag” v politike SSSR v 1920–1930-e gg. [The origins of Soviet-Israeli relations: “The Jewish National Center” in the policy of the USSR in 1920–1930-ies]. Tyumen: Vector Book, 2011. 322 p. [in Russian].

[Agapov, 2012](#) – *Agapov M.G.* Dvizhenie v podderzhku Sovetskogo Sojuza v evrejskoj Palestine v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Movement in Support of the Soviet Union in Jewish Palestine during the Great Patriotic War] // *Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research*. 2012. № 2. P. 47–53. [in Russian].

[Arhiv Muzeja istorii i kul'tury evreev Belarusi](#) – *Arhiv Muzeja istorii i kul'tury evreev Belarusi* [Archive of the Museum of History and Culture of Jews of Belarus].

[Vachaeu, 2015](#) – Vachaeu S.P. Tematicheskie osobennosti izdaniy, orientirovannyh na sojuznikov antigitlerovskoy koalicii [Thematic features of publications aimed at allies of the anti-Hitler coalition] // *Bulletin of the Moscow Humanitarian-Economic Institute*. 2015. № 2. P. 25–30. [in Russian].

[GARF](#) – [Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii] State Archives of the Russian Federation.

[Evrejskij antifashistskij komitet, 1996](#) – Evrejskij antifashistskij komitet 1941–1948: Dokumentirovannaja istorija [Jewish Anti-Fascist Committee 1941–1948: Documented History] / Comp. I.A. Altman, V. Dubson, G.V. Kostyrchenko and others. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1996. 423 p. [in Russian].

[Krinko i dr., 2013](#) – [Krinko E.F.](#), [Tazhidinova I.G.](#), [Khlynina T.P.](#) Chastnaja zhizn' sovetskogo cheloveka v uslovijah voennogo vremeni: prostranstvo, granicy i mehanizmy realizacii (1941–1945 gg.) [Private life of a Soviet man in Wartime conditions: Space, Borders and Implementation mechanisms (1941–1945)]. Rostov-on-Don: Publishing house of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2013. 360 p. [in Russian].

[Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR, 1995](#) – [Organy gosudarstvennoj bezopasnosti SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne. Sbornik dokumentov](#) [State Security Bodies of the USSR in the Great Patriotic War. Collection of documents]. Vol. 1. Book 2: January–June 1941. Moscow: Rus', 1995. 724 p. [in Russian].

[Rossijskaja evrejskaja jenciklopedija, 2000](#) – [Rossijskaja evrejskaja jenciklopedija](#) [Russian Jewish Encyclopedia]. Vol. 4. Moscow: The Russian Academy of Natural Sciences, 2000. 536 p. [in Russian].

[Skul'skij, 1982–2012](#) – [Skul'skij Je. My ne s Luny svalilis'](#) [We did not fall from the Moon]. Odessa – Givatayim: [s.n.], 1982–2012. 406 p. [in Russian].

[Sovetsko-izrail'skie otnoshenija, 2000](#) – [Sovetsko-izrail'skie otnoshenija. Sb. dokumentov. 1941–1953](#) [Soviet-Israeli relations. Collection of documents. 1941–1953]. / [Red. B.L. Kolokolova, Je. Bencura](#). Vol. 1. Book 1. Moscow: [Mezhdunarodnye otnoshenija, 2000](#). 552 p. [in Russian].

[Sohrani moi pis'ma, 2007](#) – [Sohrani moi pis'ma...](#) Sbornik pisem i dnevnikov evreev perioda Velikoj Otechestvennoj vojny [Preserve my letters... Collection of letters and diaries of Jews of the Great Patriotic War] / Comp. I.A. Altman, L.A. Terushkin. Moscow: Center and the Holocaust Foundation; MIK, 2007. 320 p. [in Russian].

[Sohrani moi pis'ma, 2010](#) – [Sohrani moi pis'ma...](#) Sbornik pisem evreev perioda Velikoj Otechestvennoj vojny [Preserve my letters... Collection of letters of Jews of the Great Patriotic War period]. Is. 2 / Comp. I.A. Altman, L.A. Terushkin, I.V. Brodskaya. Ed. and preface by I.A. Altman. Moscow: Center and the Holocaust Foundation; MIK, 2010. 328 p. [in Russian].

[Sohrani moi pis'ma, 2013](#) – [Sohrani moi pis'ma...](#) Sbornik pisem i dnevnikov evreev perioda Velikoj Otechestvennoj vojny [Preserve my letters... Collection of letters and diaries of Jews of the Great Patriotic War]. Is. 3 / Comp. I.A. Altman, L.A. Terushkin, E.V. Testova. Ed. and preface by I.A. Altman. Moscow: Center and the Holocaust Foundation, 2013. 288 p. [in Russian].

[Sohrani moi pis'ma, 2016](#) – [Sohrani moi pis'ma...](#) Sbornik pisem i dnevnikov evreev perioda Velikoj Otechestvennoj vojny [Preserve my letters... Collection of letters and diaries of Jews of the Great Patriotic War]. Is. 4 / Comp. I.A. Altman, L.A. Terushkin. Ed. and preface by I.A. Altman. Moscow: Center and the Holocaust Foundation, 2016. 288 p. [in Russian].

[CAMO RF](#) – [Central'nyj arhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii](#) [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation].

[CZA](#) – Central Zionist Archives.

[Jewish Life in Belarus](#) – [Jewish Life in Belarus](#). The final decade of the Stalin regime, 1944–1953. Budapest – New York: Central European University Press (CEU Press), 2014. 327 p. [in English].

[Laskin, 2013](#) – [Laskin D.](#) The Family: Three Journeys into the Heart of the Twentieth Century. New York: Penguin book, 2013. 400 p. [in English].

[Smilovitsky, 2015](#) – [Smilovitsky L.](#) Correspondence in Yiddish between personnel in Red Army and their relatives during Soviet German war, 1941–1945 // *Studia Zydowski Almanach (Jewish Studies. Almanac)*. 2015. №. 5. P. 133–143. [in English].

[To Pour Out My Bitter Soul, 2016](#) – [To Pour Out My Bitter Soul](#). Letters of Jews from the USSR 1941–1945 / Ed. by A. Zeltser. Jerusalem: Yad Vashem, 2016. 276 p. [in English].

Yonovo Sefer Izkor, 1972 – Yonovo Sefer Izkor. Tel Aviv, 1972. 387 p. [in English].
YVA – Yad Vashem Archives.

УДК 93/94

**Евреи из СССР пишут за границу (письма и дневники
Второй мировой войны как исторический источник)**

Часть 1

Леонид Львович Смиловицкий ^{а *}

^а Центр диаспоры при Тель-Авивском университете им. Гольдштейна-Горена, Израиль

Аннотация. Статья посвящена малоизученной теме переписки евреев из Советского Союза в годы Великой Отечественной войны с заграницей. Рассказывается о возобновлении почтовой переписки с внешним миром, которая фактически прекратилась к лету 1941 г. в связи с драматическими внутривойсковыми переменами в СССР. Дается анализ писем евреев с США, Палестиной, Южной Африкой, Аргентиной, Мексикой, в которых отражалась солидарность с Красной армией, участия евреев в борьбе с нацизмом на фронтах войны, сионистах и идишистах. Особое внимание уделено отражению в переписке темы Холокоста, поиске родных и помощи Красной армии, направленной из Палестины, жизни в эвакуации, соблюдении еврейской традиции. Делается вывод о том, что письма евреев из Советского Союза за границу в 1941–1945 гг. представляют собой неординарное явление в истории частной военной переписки. Сочувствие и внимание, проявленные из-за границы десятков тысяч людей, помогли преодолеть международную изоляцию СССР, обеспечить моральную и материальную помощь и конечную победу советского оружия над общим врагом.

Ключевые слова: письма; источники личного происхождения; Вторая мировая война; Великая Отечественная война; Красная армия; евреи; Холокост; идиш; эвакуация; фронт; тыл; цензура.

(Окончание в следующем номере)

* Корреспондирующий автор
Адрес электронной почты: smilov@zahav.net.il (Л.Л. Смиловицкий)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 ISSN: 2408-9621
 E-ISSN: 2413-726X
 2017, 5(1): 33-51

DOI: 10.13187/ra.2017.1.33
www.ejournal16.com

UDC 93/94

N.I. Krasnov and his “Considerations on the Financial Advantage for the State of the System of Irregular Troops’ Nomination by the Special Population Groups, Enjoying the Exemptions and Privileges for their Military Service”

Part II

Preparation to publication, introduction and commentary

Artyom Y. Peretyatko ^{a, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

Abstract

N.I. Krasnov, a famous Don statistician, Lieutenant general, author of the “Materials for Geography and Statistics of Russia collected by the Officers of the General Staff. The Don Host Oblast” and “Military Review of the Don Host Oblast». In 1860–1880 he held important positions in the Main Directorate of Irregular Troops. Furthermore N.I. Krasnov belonged to the famous Cossack family Krasnov and was the father of Don Ataman and war criminal P.N. Krasnov.

We publish a detailed report of N.I. Krasnov about the economic efficiency of irregular troops. It was created during the debates of the “progressists” and “cossackomans” and contains a set of unique facts and original conclusions. In our opinion, it can even be considered as the rough draft of unpublished book. N.I. Krasnov shows the economic problems created by the irregular system of services, and calls for the gradual elimination of the Cossacks. As a supplement to the Krasnov’s text we publish the report of the Russian military agent in Vienna F.F. Tornau about Militärgrenze.

Keywords: N.I. Krasnov, F. F. Tornau, Don Cossacks, Orenburg Cossacks, Militärgrenze.

Глава вторая. Сравнительное исчисление стоимости содержания регулярных и нерегулярных войск, с применением к Оренбургскому и Донскому казачьим войскам

Из вышеприведенного видно, что при обращении казачьих войск в гражданские сословия, правительство могло бы в настоящее время рассчитывать на следующий доход от их территорий:

от Оренбургского войска – на 1 804 268 руб.

от Донского войска – на 4 618 639 руб.¹

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

Если же обе помянутые территории будут столь же плотно населены, как губернии Самарская, Оренбургская и Симбирская, то правительство может рассчитывать на больший доход, именно с:

Оренбургского войска на 3 867 189 руб.

Донского войска на 6 691 301 руб.

В нашем обществе с давнего времени укоренилось мнение, что содержание регулярных войск, вместо иррегулярных, обойдется правительству весьма дорого; существовало даже до последнего времени понятие, что казаки суть даровое войско государства, и в этом отношении России завидовали другие иностранные державы².

Для уяснения этого вопроса необходимо будет привести в ясность государственные расходы по содержанию регулярных и иррегулярных войск, и отделить тот излишек, который падет на содержание каждого регулярного воинского чина сравнительно с иррегулярным, тогда определится и излишек расходов, который бы пришлось вводить в бюджет Военного Министерства для прибавления вместо казачьих войск регулярных, взамен чего государственная казна могла бы увеличиться от податей и налогов, причитающихся с казачьего населения, обращенного в гражданское состояние³.

Во Всеподданейших отчетах Военного Министерства исчисляется цифра стоимости содержания каждого воинского чина, посредством разделения всей суммы расходов по содержанию войск, на число всех воинских чинов. На основании этих данных мы имеем:

Год	Стоимость одного воинского чина
1861	84 руб. 79,9 к.
1862	86 руб. 18,1 к.
1863	91 руб. 38,66 к.
1864	88 руб. 3,25 к.

Откуда средняя стоимость каждого воинского чина равняется 87 руб. 60 к.

¹ Цифра по Донскому войску взята из «Приложения к главе первой», составляющего третью часть (после двух основных глав) работы Н.И. Краснова. Мы сохранили порядок следования текста в рукописи, и анализ достоверности данного значения будет приведен нами ниже. Здесь же мы считаем нужным оговорить, что, независимо от того, насколько точно донской статистик рассчитал эти суммы, едва ли правительству приходилось надеяться на их получение непосредственно по переходу казачьих войск на гражданское положение. Предстояло еще учредить фискальные органы на соответствующих территориях, сдать в аренду освобожденные земли, организовать новую гражданскую систему управления. Все эти процессы неизбежно потребовали бы существенных трат, которые Н.И. Краснов не принимал во внимание. С другой стороны, несовершенство налогообложения и потенциальные сложности с арендными участками, само увеличение количества которых могло обвалить цены на рынке, в первые годы после демилитаризации казачьих регионов серьезно ограничило бы доходы с них.

² В данном предложении Н.И. Краснов выдает желаемое за действительное. Как следует из предисловия к нашей публикации, «казакоманы» и в 1860 г. отстаивали очевидно ложное утверждение о том, что казацкие части «ничего не требуют от казны» (Volvenko, 2015: 101). Данный тезис тиражировался в периодической печати, имел сторонников, и никак не мог рассматриваться тогда как окончательно отошедший в прошлое.

³ Н.И. Краснов отклоняется от методики расчетов, предложенной в первой главе. Вместо того, чтобы сравнивать общие затраты на регулярные и иррегулярные части, он предлагает считать важнейшим показателем расходы на одного солдата. Эта подмена может показаться неприципиальной, однако, на практике это не так. Как мы отмечали, казацкие части отличались от регулярных меньшей штатной численностью. Экономия на их содержании происходила, таким образом, не только от меньшей стоимости казне каждого военнослужащего, но и от уменьшенного штатного расписания частей, при возможности выполнения тех же боевых задач. В итоге методика подсчета стоимости казне расходов на каждого строевого солдата, а не на совокупность частей, позволила Н.И. Краснову убедительно обосновать свои тезисы о финансовой неэффективности иррегулярных войск. Однако анонимные авторы исследования 1874–1875 гг., исходя из общих расходов на воинские части, пришли к диаметрально противоположным выводам (Volvenko, 2007: 47–56). На наш взгляд, это различие во многом было связано именно с использованием различных методик подсчета.

Предполагая, что Оренбургское казачье войско заменится регулярными частями войск в числе, соответствующем потребностям края, необходимо сделать подробный расчет ежегодной стоимости государству этих войск, а из нее уже вычесть ежегодную стоимость казне иррегулярных войск. Полагая, например, заменить конные казачьи полки драгунскими полками с резервными эскадронами, оренбургские казачьи батальоны – оренбургскими линейными батальонами и конные казачьи батареи конными облегченными и пешими батареями, придется вычислить как стоимость помянутых частей, так и расходы, падающие на содержание штабов этих частей¹. Общую стоимость разделив на число воинских чинов, получим цифру, означающую стоимость каждого воинского чина регулярных войск; таким же образом поступим в отношении казачьих частей, и затем, вычтя последнюю цифру из первой, определим излишек стоимости содержания регулярных войск перед иррегулярными².

Численность воинских чинов в регулярных частях³

	Офицеров	Классных чинов	Строевых	Нестроевых	Итого
Драгунский полк	36	5	773	126	940
Резервный эскадрон	12	1	287	42	342
Оренбургский батальон	19	3	1054	71	1147
Конно-облегченная батарея	7	2	261	38	308
Сибирская пехотная батарея	7	0	224	33	264
Штаб кавалерийской дивизии	9	3	0	33	45
Бригадный штаб резервных эскадронов	2	7	0	18	27
Пехотный бригадный штаб	2	4	0	18	24
Хор и священнослужители ⁴	0	2	0	26	27

¹ Н.И. Красновым не рассматривается в принципе вопрос о территориальных органах военного управления. Между тем, на Дону существовала его особая система, организационно с конца 1860-х гг. приравненная к военному округу, но обходящаяся казне существенно дешевле (Peretyatko, 2016: 744–752). Расходы на местное военное управление были не слишком значительны (для Донского войска в 1860 гг. они примерно соответствовали половине годового содержания одного казачьего полка), однако мы считаем нужным упомянуть об этом пробеле.

² На первый взгляд, полное воспроизведение всех составленных Н.И. Красновым таблиц может показаться излишним, тем более что большая их часть носит промежуточный и служебный характер. Однако нельзя недооценивать ценность содержащейся в них информации, особенно с учетом слабой изученности вопроса о стоимости казачьих частей государственной казне. Приводимые донским статистиком цифры позволяют не только соотнести ежегодные затраты на регулярные и иррегулярные подразделения, но и понять, из чего эти затраты складывались. На наш взгляд, напрашивается сопоставление этих данных с теми местами «Военно-статистического обзора казачьих войск» М. Хорошхина, где анализируется, во сколько обходится военная служба простым казакам (Хорошхин, 1881: 105–106).

³ Во всех таблицах – данные по частям, находящимся на действительной службе. Важно подчеркнуть этот факт, поскольку, как мы увидим ниже, важнейшим достоинством казачьих войск был значительно больший мобилизационный ресурс. С 1870 гг. в строю в мирное время находилось около 1/3 казаков полевого разряда, а в 1860 гг. даже меньше. Например, в Донском войске служило 16 армейских полков из 64, то есть 1/4 (Перетятко, 2014а: 94; РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 14). Таким образом, выводы на основании этих таблиц, сделанные как Н.И. Красновым, так и нами, касаются только строевых частей, но не казачьих войск в целом.

⁴ Хор и священнослужители образовывали музыкальную команду (в других местах текста – музыкальный батальон). Интересно отметить, что в таблицах Н.И. Краснова ее штат по различным

	Офицеров	Классных чинов	Строевых	Нестроевых	Итого
12 драгунских полков	432	60	9276	1512	11 280
12 резервных эскадронов	144	12	3444	504	4104
6 оренбургских линейных батальонов	114	18	6324	426	6882
2 конно-облегченные батареи	14	4	522	76	616
1 сибирская пешая батарея	7	0	224	33	264
2 штаба кавалерийских дивизий	18	6	0	66	90
1 бригадный штаб резервных эскадронов	2	7	0	18	27
2 бригадных штаба линейных батальонов	4	8	0	36	48
2 музыкальные команды	0	4	0	52	54
Всего	735	119	19 790	2723	23 367

Причитается ежегодно

	Обмундирование и ремонт	Вооружение	Жалование	Итого
Драгунский полк с резервным эскадроном	26 131 руб. 53,25 к.	354 руб. 26 к.	28 385 руб. 60 к.	54 871 руб. 39,25 к.
Оренбургский линейный батальон	12 811 руб. 18,25 к.	232 руб. 57 к.	10 926 руб. 65 к.	23 970 руб. 40,25 к.
Сибирская пехотная батарея	3272 руб. 64,5 к.	8 руб. 3 к.	4162 руб. 85 к.	7443 руб. 52,5 к.
Конно-облегченная батарея	7470 руб. 44,5 к.	64 руб. 3 к.	5411 руб.	12 945 руб. 47,5 к.
Штаб кавалерийской дивизии	411 руб. 37,75 к.	78 к.	16 141 руб. 2 к.	16 553 руб. 17,75 к.
Штаб резервных эскадронов ¹	197 руб. 41,5 к.	66 к.	6536 руб. 10 к.	6734 руб. 17,5 к.
Штаб линейных батальонов	197 руб. 41,5 к.	66 к.	5612 руб. 40 к.	5810 руб. 47,5 к.
Музыкальный батальон и священники	330 руб.	3 руб. 10 к.	438 руб. 11 к.	831 руб. 21 к.

категориям служащих не соответствует указанной общей численности. Подобные неточности, как мы отмечали в предисловии, будут встречаться и в дальнейшем.

¹ Н.И. Краснов не очень последователен в наименовании частей. В примечании выше мы указывали, что одно и то же подразделение именуется им то музыкальным батальоном, то музыкальной командой, то хором. В данном случае он допускает еще большую неточность: при невнимательном чтении может показаться, что донской статистик рассчитывает стоимость содержания собственно штабов линейных батальонов и резервных эскадронов. На самом деле он использует названия «штаб резервных эскадронов» и «штаб (штабы) пехотных (пеших) батальонов» для упомянутых в предыдущих таблицах бригадных штабов, предназначенных для координации действий этих частей. Подобная терминологическая неточность будет встречаться и по всему тексту.

На основании вышеприведенного пришлось бы ежегодно на обмундирование, ремонтирование лошадей и жалование

12 драгунским полкам с 12 резервными эскадронами	658 456 руб. 71 к.
6 оренбургским линейным батальонам	143 822 руб. 41 к.
1 сибирской пешей батарее	7443 руб. 52,5 к.
2 конно-облегченными батареями	25 890 руб. 95 к.
2 штабам кавалерийских дивизий	33 106 руб. 35 к.
1 штабу резервных эскадронов	6734 руб. 17,5 к.
2 штабам пехотных батальонов	11 620 руб. 95 к.
2 хорам музыкантов и на церковные требы	1662 руб. 42 к.
Всего	888 737 руб. 49 к.

О комплекте фуражных денег, причитающихся на регулярные части

Драгунскому полку	841 лошадь	45 031 руб. 95 к.
12 драгунским полкам	10 072 лошади	540 383 руб. 40 к.
Оренбургскому линейному батальону	27 лошадей	1205 руб. 36 к.
6 оренбургским линейным батальонам	162 лошади	7231 руб. 96 к.
Конно-облегченной батарее	362 лошади	19 336 руб. 59 к.
2 конно-облегченными батареями	724 лошади	38 673 руб. 18 к.
Сибирской пехотной батарее	50 лошадей	2425 руб. 64 к.
1 сибирской пехотной батарее	50 лошадей	2425 руб. 64 к.
Штабу кавалерийской дивизии	16 лошадей	861 руб. 75 к.
2 штабам кавалерийских дивизий	32 лошади	1 723 руб. 50 к.
Штабу резервных эскадронов	9 лошадей	485 руб. 3 к.
1 штабу резервных эскадронов	9 лошадей	485 руб. 3 к.
Штабу пехотной бригады	3 лошади	162 руб. 49 к.
2 штабам пехотных бригад	6 лошадей	324 руб. 98 к.
Итого	11 075 лошадей	591 247 руб. 69 к.

О количестве денег, назначенных за провиант и приварок регулярным частям

Драгунскому полку	29 220 руб. 77 к.
12 драгунским полкам	350 659 руб. 24 к.
Оренбургскому линейному батальону	26 769 руб. 76 к.
6 оренбургским линейным батальонам	160 618 руб. 56 к.
Конно-облегченной батарее	7071 руб. 30 к.
2 конно-облегченными батареями	14 142 руб. 60 к.
Сибирской пешей батарее	6 122 руб. 20 к.
1 сибирской пешей батарее	6122 руб. 20 к.
Штабу кавалерийской дивизии	785 руб. 83 к.
2 штабам кавалерийских дивизий	1571 руб. 66 к.
Штабу резервных эскадронов	428 руб. 84 к.
1 штабу резервных эскадронов	428 руб. 84 к.
Штабу пеших батальонов	428 руб. 84 к.
2 штабам пеших батальонов	857 руб. 68 к.
Хору	618 руб. 62 к.
2 хорам	1237 руб. 24 к.
Итого	535 638 руб. 2 к.

Из приведенного видно, что содержание регулярных частей в предполагаемом нами составе обошлось бы государственной казне в:

по обмундированию, ремонту лошадей, вооружению и жалованию в 888 737 руб. 49 к.

по фуражному довольствию в 591 247 руб. 69 к.

по провиантскому довольствию в 535 638 руб. 2 к.

Итого: 2 015 623 руб. 20 к.

Разделяя эту сумму денег на число 23 367 воинских чинов, предполагаемых в упомянутых воинских частях, получим 86 руб. 27 к., т.е. среднюю стоимость каждого воинского чина, причем нельзя не заметить, что эта цифра близко подходит к вычисленной Военным Министерством, хотя в вычисленной нами цифре не заключается расходов по рекрутскому набору и госпитальному довольствию, но последнее покрывается государственною казною одинаково по пользованию регулярных и иррегулярных войск. Взамен же расходов по рекрутскому набору мы не будем высчитывать припасного расхода, который несет правительство во время передвижения казачьих частей со сборных пунктов до пунктов действительной службы, так что получим цифру 86 руб. 27 к. Мы без больших погрешностей можем применять ее и в дальнейших вычислениях¹.

Численность воинских чинов в иррегулярных частях ²	Офицеров	Классных чинов	Строевых	Нестроевых	Итого
Оренбургский казачий полк	20	0	852	22	894
Оренбургский казачий батальон	20	2	1020	62	1104
Оренбургская конная батарея	6	1	202	45	254
Штаб походного атамана	3	0	0	5	8
Штаб артиллерийской	4	0	1	8	13 ³

¹ Вопрос о реальной познавательной ценности вычисления среднего годового содержания одного солдата представляется нам дискуссионным. Данную методику использовали для самых общих оценочных вычислений и другие авторы, кроме Н.И. Краснова (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 42–43). Однако общий расход на регулярную армию включал в себя дорогостоящее содержание военных округов, гвардии, аппарата министерства и т.п. Что еще важнее, сильно различались расходы на солдат различных родов войск: из цифр, приводимых донским статистиком, следует, что регулярный пехотинец стоил казне 45 руб., кавалерист – 100 руб., а артиллерист – 150 руб. Именно род войск, а не регулярный/иррегулярный способ несения службы был определяющим фактором для суммы годового содержания одного строевого солдата: для сравнения, казак-пехотинец обходился государству в 35 руб., артиллерист в 110 руб., а конный казак вообще требовал тех же 100 руб., что и регулярный кавалерист! Поэтому нам представляется более убедительным при выполнении конкретных расчетов метод суммирования трат на заданное количество частей определенного рода оружия, применявшийся в анонимном исследовании 1874–1875 гг., в котором авторы сравнивали текущие военные расходы Донского войска с потенциальным содержанием эквивалентно заменяющих его регулярных полков и батарей (Волвенко, 2007: 47–56).

² Мы изменили порядок и графику таблиц данного раздела, приводя их в вид, аналогичный таблицам регулярных частей, для удобства сравнения. При этом информация, содержащаяся в рукописи Н.И. Краснова, сохранена в полной мере.

³ Нетрудно заметить, что казачьи полки были существенно малочисленнее драгунских, при большем количестве строевых нижних чинов. Из таблицы видно, что это достигалось не только за счет меньшего числа нестроевых, но и благодаря урезанному комплекту офицеров и полному отсутствию классных чинов (т.е. военных чиновников). Подобный штат способствовал существенному уменьшению расходов на полк. При приблизительно равной стоимости одного военнослужащего, драгунский полк с резервным эскадром обходился казне в 129 124 руб. 11/4 к., а строевой казачий полк – только в 87 791 руб. 8 к. Но в 1870 гг. главными недостатками штатного расписания донских полков были признаны малое число офицеров и нестроевых чинов. Их количество было увеличено в несколько раз, хотя все еще уступало регулярной кавалерии (Перетяшко, 2014а: 106–110). Таким

бригады					
---------	--	--	--	--	--

Численность воинских чинов в частях, положенных по штату Оренбургского казачьего войска

	Офицеров	Классных чинов	Строевых	Нестроевых	Итого
12 оренбургских казачьих полков	240	0	10 224	264	10 728
6 оренбургских казачьих батальонов	120	12	6120	372	6624
3 конных батареи	18	3	606	135	762
2 штаба походных атаманов	6	0	0	10	16
1 штаб артиллерийской бригады	4	0	1	8	13
Всего	388	15	16 951	789	18 143 ¹

О количестве жалования и ремонтных денег, причитающихся иррегулярным частям

	Жалование	Ремонтных денег	Всего
Оренбургский казачий полк	5597 руб. 85 к.	18 704 руб. 40 к.	24 302 руб. 25 к.
Оренбургский казачий батальон	6638 руб. 55 к.	4328 руб.	10 966 руб. 55 к.
Оренбургская конная батарея	3283 руб. 5 к.	5298 руб. 15 к.	8581 руб. 20 к.
Штаб походного атамана	2879 руб. 40 к.	107 руб. 25 к.	2986 руб. 65 к.
Штаб артиллерийской бригады	1071 руб.	193 руб. 5 к.	1264 руб. 5 к. ²

образом, «экономия» на нестроевых чинах и офицерах была крайне неоднозначной особенностью казачьих войск, дающей серьезную финансовую выгоду, но подрывающей боеспособность.

¹ Таким образом, замена Оренбургского казачьего войска регулярными частями по принципу «полк на полк» потребовала бы увеличения численности военнослужащих на 25 %. Н.И. Краснов игнорирует этот факт, однако понятно, что он имел достаточно существенное значение. Благодаря ему при даже одинаковой стоимости казне одного воинского чина строевые казачьи части оказывались существенно дешевле регулярных. Поскольку казачья пехота и артиллерия еще и отличались сравнительной дешевизной, стоимость содержания даже полностью мобилизованного Оренбургского казачьего войска, как мы увидим ниже, в полтора раза уступала расходам на эквивалентно заменяющие его регулярные части. Однако предложенная Н.И. Красновым методика подсчета расходов на одного военнослужащего позволила донскому статистику не акцентировать внимание на данном факте.

² Сравнение этих цифр с аналогичными расходами частей регулярной армии показывает очевидные плюсы от специфически-иррегулярной системы службы казачества. Как мы видим, полностью отсутствуют расходы на вооружение (впрочем, весьма незначительные), а жалование в казачьих частях было в разы ниже, чем в регулярных. Несколько меньше разница в суммах, выделяемых на обмундирование и ремонт, однако и здесь преимущество казачьих строевых частей очевидно, за исключением артиллерии. Остается констатировать, что бесплатная служба казаков, к тому же самостоятельно покупающих лошадей и снаряжение, действительно давала определенную выгоду государственной казне. Однако значение этой выгоды, как мы покажем ниже, не стоит переоценивать.

О количестве денег, причитающихся от государственной казны на жалование и ремонтную дачу штатным частям Оренбургского казачьего войска

12 оренбургским казачьим полкам	291 627 руб.
6 оренбургским казачьим батальонам	65 799 руб. 30 к.
3 конным батареям	25 745 руб. 70 к.
2 штабам походных атаманов	5973 руб. 30 к.
1 штабу артиллерийской бригады	1264 руб. 5 к.
Итого	390 409 руб. 35 к.

О количестве денег, причитающихся за фураж на штатное число воинских чинов Оренбургского войска

Оренбургскому казачьему полку	979 лошадей	42 643 руб. 75 к.
12 оренбургским казачьим полкам	11 748 лошадей	511 725 руб.
Оренбургскому казачьему батальону	3 лошади	1332 руб. 3 к.
6 оренбургским казачьим батальонами	18 лошадей	7992 руб.
Оренбургской конной батарее	279 лошадей	13 515 руб. 18 к.
3 оренбургским конным батареям	837 лошадей	40 545 руб. 54 к.
Штабу походного атамана	8 лошадей	360 руб. 55 к.
2 штабам походных атаманов	16 лошадей	721 руб. 10 к.
Штабу артиллерийской бригады	9 лошадей	401 руб. 42 к.
1 штабу артиллерийской бригады	9 лошадей	401 руб. 42 к.
Итого	12 628 лошадей	561 385 руб. 6 к. ¹

О количестве денег, причитающихся за провиант и приварок иррегулярным частям

Оренбургскому казачьему полку	20 845 руб. 8 к.
12 оренбургским казачьим полкам	250 140 руб. 96 к.
Оренбургскому казачьему батальону	24 746 руб. 20 к.
6 оренбургским казачьим батальонам	148 477 руб. 20 к.

¹ Соотношение фуражных расходов на регулярные и строевые казачьи части будет диаметрально различаться в зависимости от того, будут они рассчитываться на воинские части в целом или на отдельных солдат. Как следует из таблицы, содержание казачьих лошадей обходилось казне несколько дешевле, чем содержание лошадей в регулярной армии. В результате находящиеся на действительной службе казачьи части требовали чуть меньше фуражных расходов, чем аналогичные регулярные. Однако они были и значительно малочисленнее, и в итоге при приблизительно равном количестве лошадей в полку на одного драгуна приходилось 0,65 лошади, а на одного казака – 1,1 лошади. В результате такой арифметики фуражное довольствие на одного военнослужащего в регулярной кавалерии составляло всего около 35 руб., а в строевых казачьих полках простиралось до 50 руб. В итоге та выгода, которую казна получала от самостоятельного снаряжения казаков на службу, при пересчете на одного военнослужащего в казачьей кавалерии оказывалась потеряна из-за больших фуражных расходов.

Оренбургской конной батарее	5814 руб. 21 к.
3 оренбургским конным батареям	17 445 руб. 63 к.
Штабу походного атамана	118 руб. 96 к.
2 штабам походных атаманов	237 руб. 92 к.
Штабу артиллерийской бригады	214 руб. 15 к.
1 штабу артиллерийской бригады	214 руб. 15 к.
Итого	416 515 руб. 85 к. ¹

Из предыдущего видно, что содержание иррегулярных частей, согласно штатам Оренбургского казачьего войска, обходилось бы государственной казне:

на жалование и ремонтные деньги 390 409 руб. 35 к.

на фуражное довольствие 561 385 руб. 6 к.

на провиантское довольствие 416 515 руб. 85 к.

Итого: 1 368 310 руб. 26 к.²

Разделяя эту сумму на число 18 143 – штатных воинских чинов Оренбургского казачьего войска – получим, что каждый из них обходится правительству по 75 руб. 40 к. в год, кроме прав и привилегий, равно как и поземельных довольствий, предоставленных как в целом войску, так и каждому его члену³.

Упомянутая цифра 75 руб. 40 к. могла бы служить приблизительно верною, если бы все штатное число оренбургских казаков было выкомандировано за пределы территории войска далее 100 верст, потому что на основании положения Оренбургского войска казаки, выкомандированные на службу ближе 100 верст, получают фуражное довольствие из

¹ Провиантский расход, судя по приводимым Н.И. Красновым данным, при расчете на одного строевого солдата вообще почти не зависел от регулярного/иррегулярного способа несения службы. Так, и в драгунских, и казачьих полках он составлял чуть менее 25 руб. Впрочем, строевые казачьи части обходились несколько дешевле из-за меньшей штатной численности.

² Подведем промежуточные итоги. Н.И. Краснов достаточно удачно разделил расходы казачьих частей, как и расходы регулярной армии, на три категории: провиантские, фуражные и все остальные (жалование, обмундирование, вооружение). Самостоятельный выход на службу со своим снаряжением и лошадью позволял сократить только последнюю категорию расходов, хотя и весьма существенно. Поскольку даже в регулярной армии на провиант и фураж приходилось больше половины всех ассигнований, жертвы, понесенные казаками при снаряжении на службу, вовсе не значили, что казачьи части «ничего не требуют от казны». Экономия на проверку выходила совсем не такой значительной, как утверждали некоторые современники, даже при подсчете не по отдельным военнотружашим, а по воинским частям. Содержание драгунского полка составляло 147 %, линейного батальона 140 %, а конной батарее 166 % от содержания аналогичных казачьих формирований. Таким образом, строевые казачьи части действительно обходились заметно дешевле регулярных (впрочем, в кавалерии исключительно за счет меньшей штатной численности). Однако нет оснований говорить об их баснословной дешевизне: полевые казачьи полки стоили заметно дороже пехотных батальонов регулярной армии, при меньшей штатной численности. Следовательно, и при подобной методике подсчета, по стоимости воинских частей, а не по годовому содержанию одного солдата, род войск оказывал куда более существенное влияние на размер расходов на состоящие на действительной службе части, чем регулярная или иррегулярная система службы.

³ Данный абзац не соответствует действительности, что станет ясно даже из дальнейшего текста Н.И. Краснова. Чтобы подсчитать, во сколько обходился казне каждый казак Оренбургского войска, ему следовало взять реальные траты за какой-то год, а не высчитанные им чисто умозрительно суммы. Он сам признает, что в обычные годы на службе состояло около 4 000 оренбургских казаков, т.е., как и в Донском войске, около ¼ от штатной численности. Таким образом, 75 руб. 40 к. каждый оренбургский казак стоил бы казне только в случае войны, после мобилизации всех ресурсов Оренбургского войска. В мирное же время он обходился менее чем в ¼ от этой суммы, то есть менее чем в 20 руб. Аналогичный коэффициент должен применяться и для полученных нами цифр: если годовое содержание строевого казака-кавалериста в 1860 гг. составляло около 100 руб., то затраты на одного казака-кавалериста вообще, с учетом льготных частей, следует оценивать приблизительно в 25 руб. Именно организация разделения казаков на строевые и льготные части в соотношении с 1 к 3, а не архаичная система их самостоятельного снаряжения на службу давала основной финансовый эффект для государственной казны (Перетятко, 2014а: 207). Однако именно эту особенность казачьих войск Н.И. Краснов попытался обойти в своем докладе.

войсковых запасов, однако ж это не составит большой разницы с приведенной нами цифрой, потому что Оренбургское войско кроме других привилегий пользуется еще от казны денежными вспомоществованиями; именно в военный капитал этого войска поступает ежегодно:

1) На содержание Оренбургских линейных батальонов, обращенных в состав Оренбургского казачьего войска:

18 525 руб. 48 к. – жалование

25 583 руб. 94 к. – провиантских

2) На содержание наряжаемых для летней и зимней кордонной стражи 20 597 руб. 33 к.

Итого: 64 706 руб. 75 к.

Процентов с этой суммы, приблизительно – 3 236 руб. 25 к.

Всего: 67 943 руб.

То есть сумма денег, на которую можно содержать смешанную команду из конных и пеших казаков в числе более 900 человек. (В 1865 г. на кордонных линиях, по границам Оренбургского войска с Киргизскою степью находилось на службе 7 1/2 сотен, что составляло немного более 900 человек).

Мы выше видели, что каждый воинский чин регулярных войск обходится государственной казне в 86 руб. 27 к., вычитая отсюда 75 руб. 40 к., получим 10 руб. 87 к., то есть число, показывающее тот излишек расходов Военного Министерства на содержание каждого чина регулярных войск перед таким же чином иррегулярных войск¹.

Основывать вычисления на цифре 10 руб. 87 к. было бы удобно в том случае, если бы иррегулярные войска содержались всегда в одинаковом количестве, между тем в штатном числе они содержатся в самых экстренных случаях; например, Донское войско в Крымскую войну выставило 84 полка и 13 батарей, и превышало даже самое число частей, положенное этому войску по штату².

¹ Н.И. Краснов не совсем точен в определении: данная цифра была выведена им для Оренбургского войска, где по сравнению с другими казачьими войсками было много сравнительно дешевой пехоты. Полученные им значения средней стоимости одного воинского чина в регулярных и казачьих частях соответствовали действительности только для той пропорции пехоты – кавалерии – артиллерии, которая сложилась в Оренбуржье. Сам статистик несколькими страницами дальше наглядно продемонстрирует это своими расчетами для Донского войска. Кроме того, как мы показали выше, для мирного времени более реалистичной нам представляется оценка расходов Военного Министерства приблизительно в 20 руб. на оренбургского казака. Взяв эту цифру за основу, мы получим, что один оренбургский казак обходился более чем на 65 руб. дешевле, чем чин регулярных войск, необходимый для его замены. Чуть скорректировав утверждения «казакоманов», можно сказать, что льготные казачьи части «ничего не требовали от казны», и поэтому казачьи войска действительно были менее затратны для казны в сравнении с регулярной армией. К таким выводам пришли и авторы анонимного исследования стоимости казачьих войск 1874–1875 гг. (Волвенко, 2007: 47–56). К самостоятельному снаряжению казаков на службу эта дешевизна отношения не имела: она сохранилась бы и при полном переносе на казачьи части штатов и расходов регулярной армии, при сохранении соотношения строевых и льготных частей.

² Казачьи войска и в дальнейшем выставляли больше частей, чем полагалось по штату. После военной реформы 1870-х гг. предполагалось, что Донское войско при полной мобилизации выставит 15 батарей (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 36). Однако в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. с Дона выступило 24 батареи (Перетяцько, 2016: 109–116). Таким образом, на практике на строевой чин мирного времени могло приходиться, как в случае с донскими артиллеристами, около 5 мобилизуемых в случае войны солдат. С другой стороны, боеспособность всех подобных частей вызывает серьезные сомнения. В ходе подготовки военной реформы 1870-х гг. специально оговаривалось, что полки, формируемые из возрастных казаков, будут использоваться исключительно для решения «второстепенных задач» (Перетяцько, 2014 а: 157). В 1860-х гг. ситуация была еще плачевнее, поскольку некоторые казаки полевого разряда из-за несовершенства системы службы вообще почти не получали военной подготовки. По мнению донского атамана М.И. Черткова, при полной мобилизации войска пришлось бы поставить в строй 21 000 подобных казаков (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 12). Таким образом, ситуация со стоимостью чинов казачьих войск была куда сложнее, чем может показаться из текста Н.И. Краснова. Не было точно известно ни то, сколько льготных и запасных казаков можно выставить на одного служащего в мирное время, ни то, насколько боеспособными окажутся мобилизуемые части. В очередной раз мы вынуждены

При составлении Военного обозрения Земли Донского войска мы уже коснулись невыгодности иметь под руками такую массу иррегулярной конницы, потому что правительство, рассчитывая вероятно на крайнюю дешевизну содержания такого рода войск, не задумывалось в 1854–1856 гг. ополчить все Донское войско, лишив его рабочих рук, а между тем без особой надобности увеличило военные издержки. (Донское войско выставило 1 835 офицеров и 73 410 нижних чинов).

Действительно, по сведениям за 1855 г. во всех иррегулярных войсках содержалось на действительной службе 3558 офицеров и 158 422 нижних чина, то есть 162 980 воинских чинов. Принимая даже вышеприведенную цифру 75 руб. 40 к. к стоимости каждого из них, весь расход на содержание казаков от государственной казны простирается в год до 12 300 000 руб.; но ежели мы заметим, что главная масса иррегулярных войск состояла из конницы и лишь незначительное число из пехоты, то мы можем без погрешности считать стоимость каждого чина казачьих войск равную стоимости каждого чина регулярных войск, то есть 86 руб. 27 к., и таким образом казачьи войска обходились правительству в год в 14 000 000 руб.¹, между тем если бы правительство решилось увеличить регулярную кавалерию на 40 000 человек, то не смотря на кажущуюся громадность увеличения вооруженных сил столь дорогим оружием подобный расход обошелся бы правительству только в 4 000 000 руб., считая на 100 руб. на каждого кавалериста².

констатировать, что и текст Н.И. Краснова, и наши рассуждения носят ориентировочный характер, и могут рассматриваться только как оценочные.

¹ Учитывая, что строевой казак-кавалерист обходился государственной казне приблизительно в 100 руб., а артиллерист в 110 руб., полученная Н.И. Красновым общая сумма расходов может считаться даже несколько заниженной. Как мы увидим дальше, стоимость строевого чина в Донском войске равнялась 96 руб. 97 к., т.е. была заметно выше, чем в регулярной армии, с ее расходами на гвардию, военные округа и аппарат министерства. Поскольку род войск оказывал большее влияние на суммы содержания солдат, чем регулярная/иррегулярная система службы, то при подсчете по отдельным чинам отобризованные казачьи войска оказывались даже дороже регулярной армии, в которой преобладала пехота.

² Действительно, строевые казачьи полки дорого обходились казне, но следовало ли считать это серьезным недостатком? В 1860-х гг. в мирное время на службе, как мы показали выше, находилась только около ¼ казаков полевого разряда. Следовательно, даже если брать исключительно кавалерию, где содержание одного чина регулярных и казачьих частей было одинаковым, 40 000 казаков мирного времени означали до 160 000 мобилизованных в случае войны. Если подобная масса дорогостоящей кавалерии призывалась без нужды, как в Крымскую войну, полезность такового развертывания была сомнительной. Однако, на наш взгляд, виновато в подобном развитии событий было исключительно Военное министерство, мобилизовавшее казачьи части без определенного плана их использования. Со временем и сам Н.И. Краснов пришел к аналогичным выводам. Согласно его расчетам конца 1870-х гг., Германия могла выставить 55 000 кавалеристов, а Австро-Венгрия вообще не более 45 000. Российская же империя, в дополнение к 33 000 регулярной кавалерии, могла направить в действующую армию «по меньшей мере» 100 000 казаков (Краснов, 1877: 3–4). Важнейшей причиной такой ситуации была сложность содержания кавалерийских частей не в строю: например, в российской армии даже после милютинских реформ и введения системы мобилизации строевые и резервные драгунские эскадроны соотносились в пропорции 4 к 1 (Волвенко, 2007: 47–56). Иными словами, даже после создания обученного резерва регулярной армии 40 000 кавалеристов мирного времени означали только 50 000 мобилизованных в случае войны. Содержать достаточно подразделений, чтобы в военное время выставить 100 000 регулярных всадников, в 1870-х гг. не могла позволить себе ни одна страна, и благодаря казачьим войскам Россия получала более чем двукратное преимущество в кавалерии над самыми сильными из своих соседей. Не только Н.И. Краснов, но и разбираемые им иностранные авторы (австриец А. Шпрингер и немец А. Дригальский) приходили к выводу, что при умелом использовании столь многочисленная русская кавалерия, преимущественно состоящая из казаков, может быть страшным оружием (Краснов, 1877: 3–4). Таким образом, из того, что в 1855 г. было мобилизовано около 160 000 казаков, преимущественно кавалеристов, многими современниками делался вывод, прямо обратный тому, что сделан в тексте: Российская империя не переплачивала за казаков в военное время, но сэкономила около ¾ их содержания в спокойные годы, что позволяло ей в случае войны выставить больше кавалерии, чем любая другая европейская страна. При этом в случае локальных конфликтов или сложности применения кавалерии на театре военных действий можно было обойтись частичной мобилизацией, выставив необходимый минимум казачьих частей.

Из предыдущего вычисления видно, что каждый воинский чин Оренбургского казачьего войска обходится государственной казне в 75 руб. 40 к., но 2/3 иррегулярных войск в мирное время находятся на льготе, не получая от казны никакого довольствия, и подобный порядок дел составляет главнейшую выгоду казачьих частей, потому что регулярные войска содержатся постоянно на службе и только состав оных изменяется сообразно обстоятельствам¹. Это заставляет нас принять в соображение число служащих казаков Оренбургского войска в мирное время, для сопоставления его с тем числом, которое оно может выставить в военное время. Из годовых отчетов Оренбургского войска мы имеем, что на действительной службе находилось:

	1862	1863	1864	1865
Офицеров	99	178	238	123
Солдат	3498	7306	9955	4817
Итого	3597	8484 ²	10 193	4940

Отсюда среднее число равняется 6803 воинских чинов³, которые на своих лошадях, при своем обмундировании и вооружении ежегодно обходились государству в 6803*75 руб. 40 к. = 511 946 руб. 20 к.⁴

¹ Как ясно из этого предложения, сам Н.И. Краснов считал, что главным финансовым достоинством иррегулярных войск является крайне выгодное для казны соотношение количества строевых и льготных чинов. Но он не принял во внимание этот факт при общем сравнении ежегодного содержания казаков и солдат регулярной армии. Именно поэтому полученные им выводы настолько расходятся с работами М.П. Хорошхина (Хорошхин, 1881: 104–106) и анонимных авторов исследования 1874–1875 гг. (Волвенко, 2007: 47–56).

² Очевидная описка Н.И. Краснова, цифры в таблице не сходятся с итоговой суммой. Донской статистик на 1000 солдат завысил число строевых чинов Оренбургского войска в 1863 г. К сожалению, этот неверный расчет стал отправной точкой для дальнейших вычислений, которые мы оставляем без изменений в самом тексте, но оговариваем их правильными, с учетом данной корректировки, результат в примечаниях.

³ Правильная цифра, с учетом предыдущего примечания – 6554 нижних чина. Впрочем, способ вычисления Н.И. Красновым «числа служащих казаков Оренбургского войска в мирное время» едва ли был адекватен реальности. Донской статистик сам оговорил чуть ниже, что обычно в строю находилось около 4000 оренбургских казаков. Трудно не заметить резкого скачка численности строевых частей Оренбургского войска в 1863 и 1864 гг. Именно на это время приходится подавление Польского восстания, в связи с которым достаточно широко мобилизовались казачьи части (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 1046). Таким образом, хотя формально в 1863–1864 гг. Российская империя ни с кем не воевала, Н.И. Краснов не вполне корректен, относя этот период к мирному времени. Если же исключить его из расчетов, то средняя численность оренбургских казаков, состоящих на действительной службе, составит 4269 человек, т.е. действительно «около 4000» и окажется более чем в полтора раза меньше, чем следует из расчетов Н.И. Краснова.

⁴ Очевидно, что выведенная Н.И. Красновым сумма может весьма далеко отстоять от реальности. Во-первых, как было отмечено, он существенно завысил цифру находящихся в строю в мирное время казаков. Во-вторых, как мы писали выше, ежегодное содержание одного нижнего чина в казачьей пехоте, кавалерии и артиллерии различалось в несколько раз. Донской статистик строит свои расчеты на данных, полученных для полной штатной численности Оренбургского войска. Однако при полной мобилизации соотношение пехоты, кавалерии и артиллерии в казачьих войсках могло быть несколько иным, чем в мирное время. Например, в Донском войске в 1867–1870 гг. все артиллерийские батареи с целью экономии были отправлены на льготу (Перетяцько, 2016: 109–116). Поэтому мы рассчитаем для сравнения сумму ежегодного содержания Оренбургского войска, исходя из количества выставяемых им строевых частей мирного времени, согласно методу, применявшейся в анонимном исследовании 1874–1875 гг. (Волвенко, 2007: 47–56). Новый штат Оренбургского войска был принят 1 июня 1867 г. Он серьезно отличался от того, который использовал в своих расчетах Н.И. Краснов (было сформировано 3 новых полка, 3 батальона и 3 батареи). Однако для нас интересно то, что согласно нему в мирное время предписывалось иметь на службе ровно 1/3 от всех воинских частей (Старииков, 1891: 182). Если использовать в расчетах аналогичную пропорцию для прежнего штата, то получим, что Оренбургское войско в обычных условиях должно было выставять 4 казачьих полка, 2 батальона и 1 батарею общей численностью в 6038 человек и стоимостью в 453 162 руб. ежегодно. Соответственно, в предшествующий период, когда в строю обычно

(Нельзя, однако, не заметить, что эта средняя цифра велика для Оренбургского казачьего войска, которое в обыкновенное время выставляет едва 4000 человек).

Эту последнюю цифру следует вычитать из стоимости того числа регулярных войск, которое правительство пожелало бы содержать вместо теперешних казачьих частей Оренбургского войска.

Таким образом, если правительство будет содержать вместо упраздненного Оренбургского войска регулярные части в одинаковом числе с настоящими штатами последнего войска, то есть 18 143 военных чинов, то получим 18 143*86 руб. 27 к. = 1 585 196 руб. 61 к.¹

Но отсюда придется вычесть:

1) Стоимость воинских чинов, находящихся в настоящее время в Оренбургском войске на довольствовании казны, то есть 6 803*75 руб. 40 к. = 511 956 руб. 20 к.

2) Отпускаемых ежегодно в пополнение военного капитала 67 943 руб.

3) Поступающих из казны в общий войсковой капитал

а) взамен находящихся в войске благородных металлов – 42 857 руб. 14 ¼ к.

б) из сборов – 75 000 руб.

в) процентов на неприкосновенный общий капитал – 8943 руб.

Всего вычесть 706 690 руб. 19,25 к.

Затем останется 878 506 руб. 41,75 к.

Следовательно, при содержании регулярных частей в количестве 18 143 воинских чинов вместо Оренбургского войска потребовалось бы нового расхода из государственного казначейства ежегодно 878 506 руб. 41,75 к., но взамен того государственная казна увеличилась бы доходами от Оренбургского войска в настоящее время на 1 804 268 руб., а в будущем на 3 867 189 руб.

То есть при упразднении помянутого войска государство при усиленном содержании регулярных частей может в настоящее время рассчитывать на 1 000 000, а в будущем на 3 000 000–4 000 000 чистого дохода². Но если бы Оренбургское войско было упразднено,

находилось 4000 казаков или ¼ от общей численности полевого разряда, нормальные траты мирного времени на Оренбургское войско должны были быть еще меньше и едва ли превышали 400 000 руб. Определить более точную сумму крайне затруднительно, поскольку в строю не могло быть ни ¼ от 6 батальонов, ни ¼ от 3 батарей, а роспуск, например, всех батарей на льготу существенно удешевил бы содержание войска.

¹ Н.И. Краснов вновь меняет одну методу подсчета на другую, намного более удобную для достижения заранее известного результата. Напомним, что для замены всех частей Оренбургского казачьего войска аналогичными регулярными частями требовалось приблизительно на 25 % увеличить число солдат. Соответственно, и ежегодные траты казны при подобной замене простирались бы до 2 015 623 руб. 20 к. Однако Н.И. Краснов находит способ сократить эту сумму, отказавшись от эквивалентной замены воинских частей, и предложив вместо нее просто набрать вместо оренбургских казаков аналогичное число солдат регулярной армии. Как мы писали выше, трудно сказать, какой из этих двух вариантов был более адекватным реальности, и в своих вычислениях мы будем рассматривать их оба.

² Неясно, о каком «усиленном содержании» регулярных частей пишет Н.И. Краснов. Впрочем, это частности, а в целом, если заменить предложенные им цифры на выведенные нами, результат расчетов изменится диаметрально. Напомним, что текущий расход на Оренбургское войско Н.И. Краснов оценивал в 706 690 руб. 19,25 к., а мы, с учетом несколько меньшей численности казачьих частей мирного времени, в 594 743 руб. Между тем расход на регулярные части составил бы при замене казаков равным количеством регулярных солдат 1 585 196 руб. 61 к., а если бы Военное министерство хотело содержать прежнее количество полков и батарей, то он увеличился бы даже до 2 015 623 руб. 20 к. Сопоставив эти цифры, легко увидеть, что потенциальный рост расходов государственной казны в случае обращения Оренбургского войска в гражданское состояние простирался бы до 990 453 руб. при первом варианте военной реформы и 1 420 880 руб. при втором. При этом новые доходы государства Н.И. Краснов оценивал в 1 804 268 руб., некорректно (с добавлением географически удаленной Саратовской губернии) высчитывая арендную плату за десятину земли. Если исправить эту ошибку, то сумму новых доходов придется уменьшить до 1 330 958 руб. Таким образом, даже если предположить, что личные надельные оренбургских казаков удалось бы без проблем уменьшить до размера в 15 десятин, а оставшуюся свободной землю вышло полностью сдать в аренду из расчета 15 к. за десятину, даже при выполнении всех этих условий

то всего естественнее было бы рассчитывать контингент вооруженных сил, выставляемых населением его согласно существующей рекрутской повинности, то есть по 5 человек с каждой 1 000 душ мужского пола.

Считая в Оренбургском войске по сведениям за 1864 г. 117 957 человек мужского пола, приходилось бы ежегодно 589 рекрутов, а при действительной службе в 15 лет они образовали бы регулярного войска 8835 человек, из которых полагая $\frac{1}{4}$ на кавалерию и по 2 артиллерийских орудия на каждые 1000 человек, можно приблизительно сформировать:

2 драгунских полка с 2 резервными эскадронами	2644 человека
5 пеших батальонов	5735 человек
1 пешую батарею	264 человека
1 конную батарею	308 человек
1 штаб	24 человека
Итого	8975 человек

Стоимость этого числа частей обошлась бы правительству на основе вышеизложенного в 8975*86 руб. 27 к. = 774 273 руб. 25 к.¹ и за вычетом 706 690 руб. 19,25 к. 67 583 руб. 5,75 к.²

правительство могло рассчитывать на весьма скромную чистую прибыль, если бы заменило Оренбургское казачье войско равным количеством регулярных солдат (1 330 958 руб. - 990 453 руб. = 340 505 руб.), и понесло бы убытки, если бы замена проводилась по принципу «часть на часть» (1 330 958 руб. - 1 420 880 руб. = - 89 922 руб.). Наши расчеты носят оценочный характер, но из них ясно следует, что выгода от обращения Оренбургского войска в гражданское состояние не была столь очевидной, как представлялось Н.И. Краснову. Поэтому нет ничего удивительного в том, что другие исследователи вопроса о сравнительной стоимости казачьих и регулярных войск пришли к совершенно противоположным выводам ([Волвенко, 2007: 47–56](#)).

¹ Данное вычисление нагляднее всего показывает слабые стороны предложенной Н.И. Красновым методы расчетов на основании средней стоимости нижних чинов. Нетрудно подсчитать, что указанные донским статистиком части стоили бы в год около 583 364 руб., т.е. ежегодное содержание одного нижнего чина в них не превышало бы 65 руб. Причины этого лежат на поверхности: средняя цифра в 86 руб. 27 к. была получена Н.И. Красновым для совокупности частей, в которой на 1 пехотный батальон приходилось 2 драгунских полка. Здесь же он берет совершенно иную пропорцию: на 1 пехотный батальон приходится менее 0,5 драгунского полка. Поскольку траты на одного драгуна были примерно вдвое больше трат на одного пехотинца, такое снижение доли кавалерии не могло не привести к резкому уменьшению расходов на одного солдата. Таким образом, для каждого нового соотношения пехоты-кавалерии-артиллерии было необходимо заново высчитывать среднюю стоимость одного военнослужащего, причем как в регулярной армии, так и в казачьих частях. Н.И. Краснов сам пришел к подобному выводу чуть ниже, анализируя ситуацию в Донском войске.

² Если использовать полученные нами цифры, то результат будет несколько иным. Даже при учете того, что Н.И. Краснов завысил расходы на Оренбургское войско, они были несколько больше потенциальных затрат на предлагаемый им в этой части текста комплект частей (согласно нашим расчетам, 594 743 руб. против 583 364 руб.). Таким образом, от простого распространения на Оренбургское войско рекрутской повинности Российская империя получила бы финансовую выгоду, даже если бы казаки остались неподатным сословием и сохранили все свои угодья. Однако это привело бы к приблизительно двукратному уменьшению числа солдат, выставляемых регионом. Кроме того, принципиально изменилось бы их распределение по родам войск: вместо 12 кавалерийских полков и 6 батальонов было бы сформировано 2 кавалерийских полка и 5 батальонов. Насколько подобная реформа ослабила бы вооруженные силы Российской империи в целом? Для ответа на данный вопрос требуется отдельное исследование, но мы позволим себе обратить внимание читателя на ряд фактов. Российские и иностранные авторы, в том числе и Н.И. Краснов, с 1870 г. рассматривали многочисленную российскую кавалерию как потенциальный козырь Российской империи ([Краснов, 1877: 3–4](#); [Сухотин, 1883: 3–4](#)). Однако если они и были правы, то пользоваться этим козырем не получалось. Например, в Русско-японскую войну Донское войско выставило только 4 полка ([Перетьяко, 2014б: 69–75](#)). В этом не было ничего

Но полученный расход совершенно уничтожится, если помянутое число частей правительство будет содержать в мирном и кадровом составе. Действительно, по этим составам приходится:

В драгунском полку	855 человек
В резервном эскадроне	339 человек
В 2 драгунских полках с 2 резервными эскадронами	2388 человек
В пешем оренбургском батальоне	6 91 человек
В 5 пеших оренбургских батальонах	3455 человек
В пешей батарее	172 человека
В 1 пешей батарее	172 человека
В конной батарее	302 человека
В 1 конной батарее	302 человека
В штабе пехотных батальонов	24 человека
В 1 штабе пехотных батальонов	24 человека
Итого	6341 человек

Это число воинских чинов, полагая на каждого по 86 руб. 27 к., обошлось бы правительству в 547 038 руб. 47 к. в год, то есть могло бы содержаться из сумм, ныне отпускаемых государственною казною на довольствие воинских чинов, служащих вне войска, равно как из сумм, отпускаемых в пособие войсковым капиталам¹.

Наконец, для окончательного уяснения вопроса придется вычислить стоимость регулярных частей в том размере, какой полагается для 12 драгунских полков, 6 пеших

удивительного: по оценке современников, в эту войну российская кавалерия, и без полной мобилизации казаков слишком многочисленная, «болталась между ног пехоты», не находя себе должного применения (История, 2013: 184). В Первую мировую войну ситуация только ухудшилась: в 1916 г. 50 % всей кавалерии использовалось в спешном строю, 43 % было выведено в резерв, и только 7 % решали собственно кавалерийские задачи (Воскобойников, 1994: 96). Хотя эти примеры относятся к несколько более позднему времени, есть основания полагать, что падение значения кавалерии начало проявляться уже в 1870-х гг. В ходе Русско-турецкой войны на фронт было отправлено только 27 или 29 донских казачьих полков, т.е. менее половины от их общего числа (Перетяtko, 2014a: 158). Таким образом, даже в эту войну Военное министерство не пыталось использовать на одном театре военных действий потенциально огромную массу российской кавалерии, а на имеющиеся кавалерийские части изначально возлагались исключительно вспомогательные задачи (Перетяtko, 2014a: 187). Хуже того, в 1870–1880 гг. большая часть русских генералов плохо представляла себе возможности кавалерии и не слишком удачно ей командовала (Зайончковский 1952: 357–358). Нам представляется, что расформирование 10 кавалерийских полков в 1860-х гг., с учетом приведенных выше фактов, оказалось бы даже выгодным для Российской империи, обеспечив и финансовую экономию, и ускорение экономического развития демилитаризованного Оренбургского войска. Отсутствие же этих полков в войнах России второй половины XIX в. – начала XX в. едва ли было вообще заметно. Однако это именно рассуждения постфактум, а в конкретных условиях 1860-х гг., когда вопрос о падении значения кавалерии был дискуссионным, трудно было предсказать последствия таких действий. Проблема дополнительно усложнялась спорами по поводу боеспособности казачьих частей, о которых мы писали выше. На наш взгляд, едва ли Военное министерство рискнуло заменить 12 казачьих полков 2 драгунскими, особенно имея в перспективе возможность демилитаризации и других казачьих войск, без которых численность российской кавалерии заметно уступала численности кавалерии не только Германии, но и Австро-Венгрии. Следовательно, в этой части текста Н.И. Краснов рассматривает едва ли возможный вариант развития событий, весьма интересный, однако, для разрешения вопроса о сравнительной стоимости казачьих и регулярных войск.

¹ Рассчитанная Н.И. Красновым цифра едва ли полностью соответствовала реальности (для кадрированных частей с большим числом офицеров стоимость содержания каждого воинского чина так же следовало вычислять отдельно). Однако бесспорным представляется тот факт, что содержание кадрированных частей дополнительно сократило бы государственные расходы, и прибыль от распространения на казаков рекрутской повинности выросла еще больше.

батальонов и проч., число чинов которых, согласно вышеприведенным вычислениям равнялось 23 367 людям, а стоимость 2 015 871 руб. 9 к.¹, а вычитая 706 690 руб. 19,25 к. получим 1 309 170 руб. 89,75 к., а значит содержание максимума регулярных войск вместо оренбургских казаков покрывается с достатком из чистого дохода, который может быть получен даже в настоящее время от территории Оренбургского казачьего войска и нынешнего населения.

В кадровом и мирном составе те же регулярные части представляют следующую численность воинских чинов:

12 драгунских полков	10 260 человек
12 драгунских резервных эскадронов	4068 человек
6 оренбургских батальонов	446 человек
2 конные облепченные батареи	604 человека
1 пешая батарея	172 человека
2 штаба кавалерийских дивизий	90 человек
1 штаб резервных эскадронов	24 человека
2 штаба пеших батальонов	48 человек
2 музыкальных хора	54 человека
Итого	19 489 человек ²

Можно также принять стоимость каждого воинского чина в 86 руб. 27 к., потому что, хотя и в кадровом и мирном составе число офицеров остается одно и то же, а значит и увеличивается средняя плата на жалование воинских чинов, но в замен того как в конных, так и в пеших частях уменьшается количество строевых и подъемных лошадей³.

Стоимость 19 489 воинских чинов обойдется правительству в 1 681 316 руб. 3 к., и за вычетом 706 690 руб. 19,25 к. ныне отпускаемых от государственного казначейства, нового расхода прибудет 974 625 руб. 83 ³/₄ к., взамен которых правительство может рассчитывать в настоящее время на 1 804 268 руб., а когда территория Оренбургского войска достигнет густоты населения соседних губерний, то чистый доход государства при настоящей системе податей может достигнуть 3 867 189 руб.⁴.

¹ Очевидная ошибка. Сам Н.И. Краснов чуть выше оценивает стоимость содержания этих частей в 2 015 623 руб. 20 к. Впрочем, дальнейшие выводы ничуть не изменились бы, если бы донской статистик использовал правильную цифру.

² Сравнив эту таблицу с той, в которой содержится полная численность указанных частей, нетрудно заметить, что сокращению в гораздо большей степени подвергалась пехота, чем кавалерия. Таким образом, именно дорогостоящие кавалерийские части в 1860-х гг. содержались в мирное время почти полностью. В подобной ситуации возможность распустить большую часть казаков на льготу, сохраняя их в качестве потенциальной силы военного времени, но, не тратясь на их содержание, выглядит еще ценнее.

³ Как ясно из примечаний выше, мы не согласны с данным утверждением. Н.И. Краснов уже один раз ошибся, считая, что и в частях, которые будут сформированы из оренбургских казаков в случае распространения на них рекрутской повинности, один чин будет обходиться государственной казне ежегодно в те же 86 руб. 27 к. Весьма вероятно, что он ошибся и в данном случае, но мы не располагаем данными о годовом содержании кадрированных частей, и не можем высчитать, сколько бы стоил в действительности один военный служащий в том их наборе, которым донской статистик планировал заменить Оренбургское войско. Учитывая сохранение прежнего числа офицеров на меньшее число солдат, а так же то, что более серьезным сокращениям подвергались дешевые пехотные части, можно предполагать, что Н.И. Краснов несколько недооценил стоимость военных чинов кадрированных частей.

⁴ Доход правительства с Оренбургского войска в отдаленной перспективе мог вырасти еще больше. Как мы писали выше, Н.И. Краснов предлагал отторгнуть в государственную собственность 2/3 от его земель, ценность которых, разумеется, росла бы по мере увеличения населения и втягивания новых и новых участков в хозяйственный оборот. Однако сам донской статистик предполагал, что без массового притока иногородних вычисленный им доход станет реален только через 90 лет. Поэтому не стоит обманываться: огромные цифры дохода, которые он получил для Оренбургского войска, используя первый способ своих вычислений, могли быть достигнуты не ранее, чем через несколько

Все приведенные вычисления ясно показывают невыгодность содержания иррегулярных войск вместо регулярных, по крайней мере, в финансовом отношении, и хотя формирование новых частей потребовало бы значительного расхода на покупку лошадей и на первое обзаведение полков и батальонов, однако ж и этот единовременный расход мог бы пополниться от передачи в казну неприкосновенного капитала Оренбургского войска, в количестве 198 750 руб., отчисленного в это войско из государственного казначейства. Этот капитал был бы потрачен на покупку 2840 строевых лошадей, полагая по 70 руб. за лошадь¹. (Если же отчислить в государственное казначейство все капиталы Оренбургского казачьего войска, простирающиеся до 1 916 718 руб., то они покрыли бы формирование 20 000 регулярных войск²). Что же касается до обмундирования и вооружения, то их легко было бы выдать вновь сформированным частям из имеющихся складов³; во всяком случае, при вычислениях подобного рода следует главным образом принимать в соображение ежегодную стоимость содержания регулярных частей, а как она совершенно покрывается доходами, которые должны получиться от Оренбургского войска, обращенного в гражданское состояние, можно считать на основании вышеприведенных вычислений вопрос об относительной стоимости регулярных и иррегулярных войск приведенным положительно в пользу содержания первых над последними.

Литература

Волвенко, 2007 – Волвенко А.А. Два подхода к расчетам стоимости донского казачества для Российской империи в 60–70 гг. XIX века // *Актуальные проблемы социальной истории*. Сб. науч. ст. Вып. 8. Новочеркасск – Ростов-на-Дону: Пегас, 2007. С. 47–56.

Воскобойников, 1994 – Воскобойников Г.Л. Казачество в Первой мировой войне. М.: Издательство Российской киноvideокомпании, 1994. 174 с.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Зайончковский, 1952 – Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М.: Издательство Московского университета, 1952. 370 с.

История, 2013 – История кубанского казачества. Краснодар: Традиция, 2013. 416 с.

Краснов, 1877 – Краснов Н.И. Немецкие военные писатели о казаках // *Русский инвалид*. 1877. № 74. С. 3–4.

Перетяцько, 2014а – Перетяцько А.Ю. Военная организация и военное управление Области войска Донского во второй половине XIX века. Ростов-на-Дону: Северо-Кавказский научный центр высшей школы Южного федерального университета, 2014. 236 с.

Перетяцько, 2014б – Перетяцько А.Ю. Эффективность действий донских и кубанских казаков в русско-японскую войну 1904–1905 гг.: дискуссионные аспекты // *Научная мысль Кавказа*. 2014. № 2. С. 69–75.

Перетяцько, 2016 – Перетяцько А.Ю. Военное обучение донских казаков перед русско-турецкой войной 1877–1878 гг.: создание школы урядников-артиллеристов

десятилетий. Соответственно, чистая прибыль, которую Н.И. Краснов получил, сравнивая подобный потенциальный доход с затратами на регулярные части, носила сугубо виртуальный характер.

¹ Нетрудно подсчитать, что 2840 лошадей не хватило бы даже для 4 драгунских полков.

² К сожалению, мы не знаем точно, сколько стоило формирование регулярных частей в 1860-х гг. Сведения на этот счет содержит исследование о сравнительной стоимости регулярных и казачьих войск 1874–1875 гг., однако приведенные там суммы годового содержания частей несколько отличаются от указанных в докладе Н.И. Краснова. Например, ежегодные расходы на драгунский полк анонимные авторы исследования оценили в 151 427 руб. против 129 124 руб. 11 1/4 к. у донского статистика, траты на батарею – в 38 406 руб. против 46 424 руб. 66 1/2 к. Расходы на формирование частей к 1874 г. так же могли несколько измениться, однако едва ли эти изменения носили принципиальный характер. В это время создание нового драгунского полка стоило около 240 000 руб., а батареи – около 45 000 руб. (при условии передачи орудий, прежде находящихся в казачьих артиллерийских частях) (**Волвенко, 2007: 47–56**). Если в 1860-х гг. формирование драгунского полка стоило около 200 000 руб., капиталов Оренбургского войска никак не хватило бы для создания регулярных частей, необходимых для его эквивалентной замены.

³ Куда они были куплены за счет средств той же государственной казны. В этой части своего текста Н.И. Краснов пытается оспорить очевидное: то, что формирование многочисленных новых частей в любом случае потребовало бы серьезных расходов.

и преобразование класса донских урядников // *Юг России и сопредельные страны в войнах и военных конфликтах*. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2016. С. 109–116.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Стариков, 1891 – *Стариков Ф.М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. Оренбург: типолитография Б. Бреслина, 1891. 352 с.

Сухотин, 1883 – Сухотин Н. О деятельности конницы во время американской войны // *Русский инвалид*. 1883. № 135. С. 3–4.

Хорошхин, 1881 – Хорошхин М. Военно-статистический обзор казачьих войск // *Военный сборник*. 1881. №11. С. 95–116.

Peretyatko, 2016 – Peretyatko A.Y. The reform of the military administration of the Don Cossacks in 1866–1874: realization of the project, which was never approved // *Былые годы*. 2016. Т. 41. №. 3. С. 744–752.

Volvenko, 2015 – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // *Русская старина*, 2015. Т. 14. № 2. С. 94–107.

References

Volvenko, 2007 – Volvenko A.A. Dva podhoda k raschetam stoimosti donsogo kazachestva dlja Rossijskoj imperii v 60–70 gg. XIX veka [Two approaches to the calculation of the cost of the Don Cossacks to the Russian Empire in 60–70th of XIX century] // *Actual problems of social history*. Collection of scientific articles. Vol. 8. Novocheerkassk; Rostov-on-Don: [Pegas], 2007. P. 47–56 [in Russian].

Voskobochnikov, 1994 – *Voskobochnikov G.L.* Kazachestvo v Pervoj mirovoj vojne [The Cossacks in the First World War]. М.: Publishing house of the Russian cinema and video company, 1994. 174 p. [in Russian].

GARO – Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti [State archive of the Rostov region].

Zaionchkovskii, 1952 – *Zaionchkovskii P.A.* Voennye reformy 1860–1870 gg. v Rossii [Military reforms 1860–1870 in Russia]. Moscow: Publishing house of Moscow University, 1952. 370 p. [in Russian].

Istorija, 2013 – *Istorija kubanskogo kazachestva* [History of the Kuban Cossacks]. Krasnodar: Tradicija, 2013. 416 p. [in Russian].

Krasnov, 1877 – Krasnov N.I. Nemeckie voennye pisateli o kazakah [German military writers about the Cossacks] // *Russky Invalid*. 1877. № 73. P. 3–4 [in Russian].

Peretyatko, 2014a – *Peretyatko A.Y.* Voennaja organizacija i voennoe upravlenie Oblasti Vojska Donsogo vo vtoroj polovine XIX veka [The military organization and military management of Don Host Oblast in the second half of the 19th century]. Rostov-on-Don: North-Caucasus scientific center of high school of Southern Federal University, 2014. 236 p. [in Russian].

Peretyatko, 2014b – Peretyatko A.Y. Jeffektivnost' dejstvij donskih i kubanskih kazakov v russko-japonskuju vojnu 1904–1905 gg.: diskussionnye aspekty [The effectiveness of the Don and Kuban Cossacks in the Russian-Japanese War of 1904–1905: controversial aspects] // *Nauchnaja mysl' Kavkaza*. 2014. № 2. P. 69–75 [in Russian].

Peretyatko, 2016 – Peretyatko A.Y. Voенное obuchenie donskih kazakov pered russko-tureckoj vojnoj 1877-1878 gg.: sozdanie shkoly urjadnikov-artilleristov i preobrazovanie klassa donskih urjadnikov [Military education the Don Cossacks before the Russian-Turkish War of 1877-1878: the establishment of the school sergeant-gunners and transformation of the class of Don sergeant] // *Jug Rossii i sopredel'nye strany v vojnah i voennyh konfliktah* [The South of Russia and Neighboring Countries in Wars and Armed Conflicts]. Rostov-on-Don: Publishing house of the Southern Scientific Center of RAS, 2016. P. 109–116 [in Russian].

РГВИА – Rossijskij gosudarstvennyj voенно-istoricheskij arhiv [Russian state military and historical archive].

Starikov, 1891 – *Starikov F.M.* Istoriko-statisticheskij oчерk Orenburgskogo kazach'ego vojska s prilozheniem stat'i o domashnem byte orenburgskih kazakov, risunkov so znamen i karty [Historical and statistical study of the Orenburg Cossack with the application of article about home life of the Orenburg Cossack, pictures of banners and map]. Orenburg: lithographic printing of B. Breslin, 1891. 352 p. [in Russian].

Suhotin, 1883 – Suhotin N. O dejatel'nosti konnicy vo vremja amerikanskoj vojny [About the activity of cavalry at the American War] // *Russky Invalid*. 1883. № 135. P. 3-4 [in Russian].

Horoshhin, 1881 – Horoshhin M. Voenno-statisticheskij obzor kazach'ih vojsk [Military statistical review of the Cossack] // *Voennyi Sbornik*. 1881. №11. P. 95–116 [in Russian].

Peretyatko, 2016 – Peretyatko A.Y. The reform of the military administration of the Don Cossacks in 1866–1874: realization of the project, which was never approved // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 41, Is. 3. P. 744–752 [in Russian].

Volvenko, 2015 – Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // *Russkaya Starina*. 2015. Vol.14. Is. 2. P. 94–107 [in Russian].

УДК 93/94

Н.И. Краснов и его «Соображения о том, выгодна ли для государства в финансовом отношении система выставления иррегулярных войск от особых населений, пользующихся за отбывание этой воинской повинности льготами и привилегиями»

Часть II

Подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии

Артем Юрьевич Перетятко ^{а,*}

^а Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Аннотация. Н.И. Краснов – известный донской статистик, генерал-лейтенант, автор книг «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского» и «Военное обозрение Земли Донского Войска». В 1860–1880 гг. он занимал важные должности в Главном управлении иррегулярных войск. Кроме того, Н.И. Краснов принадлежал к известному казачьему роду Красновых и был отцом донского атамана и военного преступника П.Н. Краснова.

Мы публикуем развернутый доклад Н.И. Краснова о экономической эффективности иррегулярных войск. Создававшийся во время полемики «прогрессистов» и «казакоманов», он содержит множество уникальных фактов и оригинальных выводов. На наш взгляд, его даже можно считать черновиком неопубликованной книги. Н.И. Краснов показывает экономические проблемы, порожденные иррегулярной системой службы, и призывает к постепенной ликвидации казачества. Приложением к его тексту служит доклад русского военного агента в Вене Ф.Ф. Торнау о Военной границе.

Ключевые слова: Н.И. Краснов, Ф.Ф. Торнау, донское казачество, оренбургское казачество, военная граница.

(Окончание в следующем номере)

* Корреспондирующий автор

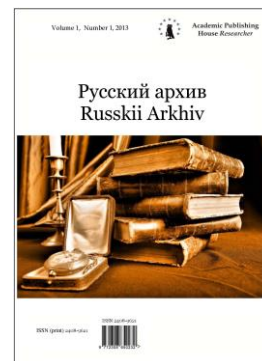
Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 ISSN: 2408-9621
 E-ISSN: 2413-726X
 2017, 5(1): 52-62

DOI: 10.13187/ra.2017.1.52
www.ejournal16.com

UDC 93(47)

Antireligious Activities in the Don Okrug of the North Caucasus Krai, and the Specific Situation of the League of Militant Atheists in 1927

Preparation to publication, introduction and commentary

Alla V. Shadrina ^{a, *}

^a Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

This article deals with one of the under-studied phenomenon in the history of the antireligious movement in the USSR in the 1920s and 1930s – the antireligious work and activities of the League of Atheists in North Caucasus Krai. The Memorandum on the Antireligious Activities in Krai (1927), kept in the depository of the Centre of Documents on the Modern History of Rostov Oblast and published here for the first time, provides an exhaustive view on the organization of the antireligious propaganda in the Don Okrug of the North Caucasus Krai, and on the dissatisfactory conditions that the League of Atheists was in due to the lack of attention paid by the Communist Party officials to that association, to the deficit in well-trained staff, and because of the lack of material resources and financing.

Keywords: antireligious activities, clubs of atheists, League of Atheists, League of Militant Atheists, North Caucasus Krai.

Деятельность Союза безбожников (с 1929 г. Союза воинствующих безбожников) остается одной из актуальных проблем истории антирелигиозного движения в СССР в 1920–1930-е гг. Это обусловлено как продолжающимся процессом осмысления роли в борьбе с религией этой общественной организации, по выражению С.В. Покровской, существовавшей «при партии» (Покровская, 2007: 39), так и недостаточной изученностью ее деятельности в регионах. История Союза воинствующих безбожников Ростовской области (с 1920 по 1924 гг. – Донской области, с 1924 г. – в составе Юго-Восточной области, затем Северо-Кавказского края, с 1934 г. – Азово-Черноморского края, с 1937 г. – Ростовской области) до сегодняшних дней не выступала в качестве объекта исследования. Одной из причин отсутствия интереса к данной проблеме является ее скудная источниковая база.

Архивные документы, связанные с Союзом безбожников, хранятся в Центре документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Они представляют собой протоколы Секретариата Северо-Кавказского краевого комитета РКП(б), планы Краевой антирелигиозной комиссии и докладные записки об антирелигиозной работе в крае. Особенный интерес среди незначительного массива

* Corresponding author
 E-mail addresses: shadrina@ssc-ras.ru (A.V. Shadrina)

источников представляет «Докладная записка об антирелигиозной работе в крае», датированная 1927 г. (ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 711. Л. 55–65).

Первое упоминание о кружках безбожников в Донской области относится к 1923 г. (Организуем семинар, 1926: 3), что соответствует начальному этапу формирования общероссийского Союза безбожников (Покровская, 2007: 26). Кружки не сыграли значительной роли в организации антирелигиозной пропаганды. Активная работа по созданию ячеек и кружков будущего Союза началась после проведения 19–26 апреля 1925 г. в Москве I съезда безбожников. 21 мая 1925 г. был утвержден устав Общества друзей газеты «Безбожник», а 5 июня 1925 г. оно было переименовано в «Союз безбожников СССР» (Покровская, 2007: 32–34). Эти события послужили импульсом к началу аналогичной деятельности в Ростове-на-Дону. Так, к августу 1925 г. в Ленинском районе Ростова существовало 17 ячеек безбожников, объединивших 542 человека (Киселева, 1998: 73). 15 августа 1925 г. здесь была проведена 1-я окружная конференция Союза безбожников (1-я Донская окружная конференция, 1926: 13).

Основной массив источников, связанных с антирелигиозной работой в Северо-Кавказском крае, датированный 1926 г., демонстрирует ее неутешительное состояние. Так, в тезисах, принятых краевым агитационно-пропагандистским совещанием, констатировалось, что, несмотря на сложные условия для проведения антирелигиозной пропаганды, создавшиеся ввиду поздней советизации края и «острого классового расслоения среди крестьянства и казачества» (ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 347. Л. 12), партийная и политико-просветительская организация оказывают недостаточную помощь в постановке антирелигиозной работы, значение которой, к тому же, они недооценивают. «Антирелигиозный актив» плохо подготовлен, руководство организаций слабое, а партийные работники, которые могли бы оказать положительное влияние на ситуацию, «перегружены» – т.е. задействованы в других областях советского строительства (ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 347. Л. 13). Все это стало причиной признания антирелигиозной работы в крае слабой (ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 711. Л. 55).

Представленный к публикации документ, подробно анализирующий состояние антирелигиозной работы и результаты деятельности Союза безбожников в Северо-Кавказском крае в 1927 г., не только полностью подтверждает их неудовлетворительное состояние, но и иллюстрирует ситуацию. Так, первая часть документа начинается с перечисления организационных задач, которые ставила ВКП(б) перед ответственными за антирелигиозную работу, и констатацией того, что «основные задачи выполняются в очень незначительной степени» (ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 711. Л. 55). Дальнейшее содержание доклада иллюстрирует это утверждение: партийное руководство «осуществляется неконкретно». Как следствие, в 1927 г. еще не была создана организационная структура антирелигиозных организаций: при парткомах «очень слабо» работали антирелигиозные комиссии, в Союзе безбожников не были оформлены коммунистические фракции (ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 711. Л. 55). Краевой совет Союза из-за отсутствия финансирования не переизбирался с февраля 1926 г., выборных окружных советов было только два – в Таганроге и Владикавказе (ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 711. Л. 56). Партийные и профессиональные организации проявляли «невнимательность» к антирелигиозной политике и к антирелигиозной работе. Союз безбожников не встречал «достаточной поддержки», а советские организации оказывали покровительство по отношению к религиозным организациям (ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 711. Л. 57).

Сравнительная таблица, приведенная в документе, с очевидностью показывает, что при одном сотруднике краевого объединения Союза безбожников с годовым бюджетом организации 238 руб. 26 к. (годовой бюджет адвентистов только по официальным данным составлял от 16 000 руб. до 32 862 руб. 75 к.) и при отсутствии собственных помещений успешная работа организации была вряд ли возможна. В не менее плачевном состоянии были организации, косвенно задействованные в антирелигиозной работе: столы по отделению Церкви от государства, ЗАГСы и др. Все это заставляло представителей религиозных организаций игнорировать местные органы власти и обращаться за разрешением возникавших вопросов напрямую во ВЦИК (ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 711. Л. 57).

Особенно вопиющими для атеистического государства, пытавшегося наладить антирелигиозную пропаганду, но вполне закономерными для донского региона, где религиозность была частью культуры как казачьего, так и крестьянского населения, выглядело сообщение докладчика о том, что «один и тот же хор обслуживает клуб и церковь, т. е., записавшись в члены хоркружка в клубе, идут обслуживать церковь»; «потребительская кооперация перед большими крестьянскими праздниками при помощи своих витрин агитирует за покупку «ПАСХИ», «АГНЦА», елочных украшений» (ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 711. Л. 58); шахтеры собрали около 20 000 руб. на постройку церкви в хуторе Власовка, а рабочие Ленмастерских подарили адрес и золотые часы регенту церковного хора (ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 711. Л. 58). При этом членские взносы Союза безбожников были «совсем ничтожны» (ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 711. Л. 56).

Неудовлетворительное состояние антирелигиозной работы и Союза безбожников в Северо-Кавказском крае заставило докладчика придти к выводу о том, что Союз в таком состоянии не может противостоять религиозным организациям. Лишенный материальной базы, он превратился «в придаток к аппаратам парткомов», а в его деятельности «нарушаются принципы советской демократии», под которыми докладчик понимает соблюдение сроков выборности и отчетность «перед массой членов» (ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 711. Л. 58–59).

Публикуемый документ дает представление о том, что в 1927 г. антирелигиозная пропаганда в Донском округе Северо-Кавказского края почти не велась, состояние Союза безбожников было неудовлетворительным. Оказываемое со стороны советских организаций негласное, но традиционное покровительство религиозным общинам позволяет утверждать, что в 1927 г. в пределах Дона гонений ни на Русскую православную церковь, ни на другие религиозные организации, не было.

Докладная записка об антирелигиозной работе в крае¹

Постановления АППО² ЦК ВКП(б)³, Секретариата Крайкома⁴ (15/II-[19]27 г.) и Краевого Агитпропсовещания⁵ (октябрь 1927 г.) выдвигали в области антирелигиозной работы следующие основные задачи:

- а) усиление конкретизации партийного руководства;
- б) усиление количественного охвата антирелигиозными организациями и работа в широких массах рабочих, их семьях, батрачества, среди бедняцко-средняцкого крестьянства и казачества, социально близких слоев учащейся молодежи;
- в) улучшение качества антирелигиозной работы и ее большая увязка с нашим социалистическим строительством и вопросами культурной революции;
- г) подбор работоспособных и авторитетных руководящих организаций Союза безбожников, организационное управление Союза, увязку его работы с профессиональными и политико-просветительскими организациями.

Итоги антирелигиозной работы Края говорят о том, что эти основные задачи выполняются в очень незначительной степени, несмотря на то, что в связи с оживлением в последнее время активности кулачества, нэпманства и антисоветских мелкобуржуазных групп, усилилась и активность религиозных организаций: основная причина этому заключается как в сложности условий Сев[еро]-Кав[казского] края, так и слабости всей антирелигиозной работы, в том числе и Союза «безбожников», не встретивших достаточной поддержки со стороны партийных, профессиональных организаций.

¹ Публикатором сохранены особенности стилистики и орфографии текста, в том числе написание прописных и заглавных букв. В верхнем левом углу документа резолюция красными чернилами: «Т[оварищу] Зилотину. Поставить на Секретариате доклад. Ряхин».

² АППО – Агитационный пропагандо-политический отдел.

³ ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).

⁴ Крайком – Краевой комитет.

⁵ Агитпропсовещание – орган краевого Агитационно-пропагандо-политического отдела.

По-прежнему еще недостаточно, неконкретно партийное руководство антирелигиозной работой и организациями Союза безбожников, не оформлены комфракции¹ в последнем, очень слабо работают антирелигиозные комиссии при парткомах². Последние слабо изучают работу религиозных организаций, и очень в незначительной степени руководят советским, профессиональными и политико-просветительскими органами по вопросам антирелигиозной работы.

Сравнительные данные по Краю о количестве, и об условиях работы Союза безбожников с религиозно-сектантскими – как наиболее активной, организованной группы верующих – организациями говорят следующее:

СОЮЗ БЕЗБОЖНИКОВ	СЕКТАНТЫ
1. Всего членов С[оюза] Б[езбожников] по Краю около 18 000	1. Всего сектантов около 70 000
2. На каждого члена С[оюза] Б[езбожников] (по русским округам) приходится 343 человека	2. На каждого сектанта 88 чел[овек]
3. Краевое объединение – 1, и штатных освобожденных работников не имеется	3. Краевых объединений – 8 с количеством от 16 до 31 чел[овек] штатных освобожденных работников краевого масштаба, и во всех низовых ячейках имеются пресвитеры ³
4. Годовой бюджет Краевого Совета за 27/28 г. ... ⁴ 238 руб. 26 к.	4. Годовой бюджет краевых объединений от 16 000 руб. до 32 862 руб. 75 к. (адвентисты ⁵ по их официальным отчетам)
5. Выборность: а) Крайсовет не переизбирался с февраля [19]26 г. (за отсутствием денег), б) окр[ужных] советов выборных только 2 (Таганрог, Владикавказ), в остальных округах назначенческие оргбюро ⁶ С[оюза] Б[езбожников]	5. У баптистов, молокан ⁷ , евангельских христиан ⁸ и адвентистов 7-го дня ежегодные перевыборы своих краевых и областных объединений и отчетность перед избирателями
6. Помещений для работы ячеек С[оюза] Б[езбожников], рай[онных] и окр[ужных] советов постоянных не имеется; с предприятий гонят в клуб, а в клуб не пускают ⁹ , благодаря чего часто рассыпаются ячейки, так как негде собраться активу (Ростов-Нахичевань)	6. Сектанты имеют свои молитвенные дома и средства на содержание их, где имеют возможность собираться и проводить всевозможные спевки ¹⁰ , вечера, лекции, собрания и т. д.
7. У С[оюза] Б[езбожников] нет материальной базы: а) членские взносы совсем ничтожны; б) хозпредприятий иметь не разрешено; в) в бюджеты не включают;	7. Основное место дохода занимают пожертвования и самообложения. Кроме того, получают из своих центров и из-за границы. Например, сектантский пресвитер на селе получает ставку 60–70 руб. в месяц

¹ Коммунистические фракции – группы членов коммунистической партии.

² Партком – партийный комитет.

³ Пресвитер – глава общины, священник.

⁴ Отточие в документе.

⁵ Адвентисты – одно из течений христианства, возникшее в рамках протестантизма. В данном случае – религиозная группа (секта), проповедующая адвентизм.

⁶ Организационные бюро, члены и руководство которых были назначены партийными органами.

⁷ Молокане – разновидность «духовного христианства», секта.

⁸ Евангельские христиане – межденоминационное движение в протестантизме, объединяющее пятидесятников, меннонитов, баптистов. В данном случае, скорее всего, имеются в виду пятидесятники.

⁹ Знак вопроса в документе.

¹⁰ Спевка – репетиция хора.

<p>г) проводить кампании по сбору средств также нет оснований; д) ставить платные постановки в кино и т.д. нет помещений, и в клубах не допускают</p>	<p>(у баптистов)</p>
<p>8. Мы имеем вполне достаточно и хороших решений со стороны большинства окружкомов и райкомов ВКП(б) за текущий год, но реализация их весьма незначительна, так как не было живого руководства, нет толкачей, т.е. работников, специально ведущих эту работу (в округах также не имеется освобожденных работников¹)</p>	<p>У сектантов (из отчета Сев[еро]-Кавк[азского] отд[еления] Союза баптистов) только кадровым составом благовестников и проповедников за [19]27-й г. проведено: посещений общин и групп 649, членских собраний 888, собраний с посторонними слушателями 1746 и 289 заседаний</p>

Следует также указать на покровительство со стороны наших советских организаций по отношению к религиозным организациям и на невнимательность к антирелигиозной политике и к антирелигиозной работе вообще:

1. Работа столов отделения церкви от государства² находятся в условиях ниже всякой критики. Например:

а) выполняют эту работу совершенно случайные и безграмотные люди на этом участке, которым приходится иметь дело с «зубрами» (епископ, протоиерей, кулак и т.д.). По всем вопросам деятельности религиозных организаций и увязка этой работы соответствующими организациями. За последнее время сектантские главари уже не стали считаться с краевыми организациями, а обращаются непосредственно во ВЦИК³ почти по всем вопросам.

2. Работа ЗАГСов также требует улучшения: неуютность, брак, развод, похороны и регистрация лошадей – все это происходит за одним столом и в одни часы (слезы и радость).

3. Политика Госстраха. Всего церквей по Краю учтено 1452, из них не застраховано 207 или 14,2 %.

Сравнительная страховая такса:

а) большой собор (в Ростове)⁴ оценен в 602 000 руб., страховой взнос уплачивает в год 144 руб. 48 к., или со 100 руб. 2 к.

б) клуб Пищевкус оценен в 229 690 руб., страховой взнос уплачивает в год 2364 руб., или со 100 руб. 1 руб. 3 к. и т. д.

4. Сожительство церквей в одном здании с красноармейскими казармами (Ставрополь), со школой (Владикавказ) и т.д. Такого рода фактов можно было бы перечислить больше.

5. Арендная плата за помещение под молитвенные дома приравнена к льготам профессиональных организаций.

6. Далеко еще не благополучно и по линии культурных учреждений.

а) Имеют довольно большое место случаи совместительства, когда один и тот же хор обслуживает клуб и церковь, т. е., записавшись в члены хор[ового] кружка в клубе, идут обслуживать церковь.

б) Потребительская кооперация перед большими крестьянскими⁵ праздниками при помощи своих витрин агитирует за покупку «ПАСХИ¹», «АГНЦА», «елочные украшения» и т. д.

¹ Скорее всего, имеется в виду работников, освобожденных от других обязанностей.

² По всей видимости, имеются в виду сотрудники, в обязанности которых входило подписание с религиозными общинами договоров о бесплатной аренде церковных зданий (молитвенных домов) и богослужебного имущества.

³ ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет.

⁴ Скорее всего, имеется в виду ныне разрушенный собор Святого благоверного князя Александра Невского.

⁵ Имеется в виду перед христианскими праздниками.

в) В клубах и школах устраивают встречи нового года, елочки для детей и т. д. Все это якобы перекрашивается в красный цвет, но наиболее вредно отражается на будущем поколении и тормозит отмирание старых религиозных обычаев и обрядов, если еще принять во внимание религиозность учащихся детей и безрелигиозное воспитание в школе.

7. Культотделы² профсоюзов, политпросветы и ячейки ВКП(б) и ВЛКСМ не чувствуют ответственности за попустительство на этом участке, и точно так же за отсутствие антирелигиозной работы в этих учреждениях, на предприятиях или в селе. В то же время церковники и сектанты обслуживают рабочих непосредственно у станка, и это происходит именно в тех учреждениях и на предприятиях, где не ведется никакой антирелигиозной работы (членские взносы около 20 000 руб. на постройку церкви от рабочих Власовки³ – Шахты. Адрес и золотые часы регенту от имени рабочих Ленмастерских – Ростов, сектантская деятельность в ВУЗах и т. д.).

Сведения, характеризующие состояние организации С[оюза] Б[езбожников] в крае

1. Союз безбожников Края не является такой массовой организацией, которая могла бы собой противопоставлять⁴ религиозным организациям.

По-прежнему слабы и неработоспособны руководящие организации С[оюза] Б[езбожников], начиная от краевого Совета, и кончая районным, работа последних очень часто держится на отдельных товарищах «любителях», не имея характера массовой общественной организации. Подавляющее число деревенских районов не имеет районных организаций Союза, несмотря на наличие в деревнях (станицах) ячеек Союза безбожников, фактически никем не руководящих.

2. Организации Союза безбожников Края превратились в придаток к аппаратам парткомов, не имеют под собой здоровой материальной базы, специально освобожденных работников⁵, не связаны достаточно ни с профсоюзами, ни с политпросветами⁶.

3. Руководящие работники работают по совместительству (в краевом и окружном советах) в этих организациях, не имея ни одного освобожденного работника в аппарате для технического ведения дел.

Ставя в связь работу Союза безбожников с другими добровольными обществами, можно смело утверждать, что для работы в других обществах (МОПР⁷, Осо-Авиахим⁸ и т.д.) легче привлечь большее количество актива, могущих работать на их участках, но совсем, как исключение, бывает, что берет на себя поручение по антирелигиозной работе – мотивирует неподготовленностью.

4. В организациях Союза нарушаются принципы советской демократии (за неимением возможности созвать съезды и конференции за отсутствием средств), как то: отсутствует отчетность перед массой членов, не соблюдаются сроки перевыборов руководящих органов. Советы кооптируются⁹, и широкая масса членов Союза, особенно рабочие, не вовлечены в обсуждение недочетов в работе, парткомы подменяют собой советы общественной организации.

¹ Речь идет о пасхальном куличе.

² Отделы по культуре.

³ Скорее всего, речь идет о хуторе Власово-Аютинском.

⁴ Имеется в виду «не могла бы противопоставлять себя» религиозным организациям.

⁵ Речь идет о рабочих, специально освобожденных партийным руководством для работы на поприще борьбы с религией, в данном случае – для работы в Союзе безбожников.

⁶ Политпросвет – название советских учреждений, органов, занимавшихся политическим просвещением.

⁷ МОПР – Международная организация помощи борцам революции – коммунистическая благотворительная организация, аналог Красного Креста. Оказывала материальную помощь осужденным революционерам.

⁸ Осоавиахим – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (1927–1948) – советская общественно-политическая оборонная организация.

⁹ Кооптируются – включаются в состав какого-либо выборного органа новых членов без проведения выборов.

Сведения, характеризующие состояние окр[ужных] советов¹

1. Окр[ужных] советов избран[ных] в [19]26 г. – 2 (Черноморье, Ставрополь).
 2. Окр[ужных] советов избран[ных] в [19]27/[19]28 г. – 2 (Владикавказ, Таганрог).
 3. Выделен[ных] окр[ужных] оргбюро в [19]27/[19]28 г. – 5 (Донское, Шахтинское, Грозненское, Сунженское, Терское).
 4. Горсоветы с распрос[транением] своих функций на округ – 3 (Армавирский, Ставропольский, Сальский).
 5. Не имеющих окр[ужных] объединений – 2 (Майкопское, Донецкое).
- Выборных окр[ужных] советов, за исключением Таганрога и Владикавказа, почти нет, а есть назначенские аппараты.

Своего помещения краевой, окружные и райсоветы также не имеют, а находятся в помещениях парткомов, или при месте службы председательствующего, что имеет два основных отрицательных момента: а) работа при учреждениях ставит нас в зависимость от времени работы данного учреждения, что не дает возможности собираться активу в нерабочее время и выращивать его вокруг работы этих организаций (Ленинский райсовет С[оюза] Б[езбожников] целый год находился в здании ГПУ);

б) произошло полное сращивание общественной организации с парткомом, и лицо общественной организации затирается.

Состав организации Союза безбожников

	на 1/X-[19]26 г.	на 1/IX-[19]27 г.	на 1/IX-[19]28 г.
1. Окружн[ых] организаций	6	9	12
2. Районных организаций	13	23	37
3. Ячеек С[оюза] Б[езбожников]	118	268	283
4. Количество членов	6500	8500	около 18 000

Несмотря на систематический рост организаций, почти совсем не развернута массовая антирелигиозная работа в деревнях, в нацобластях и среди нацменьшинств.

По данным 7 округов социальный, половой, возрастной и партийный состав организаций на 1/IX-[19]28 г. представляется в следующем:

По социальному составу:	рабочих – 54 %	Примечание: % отношение состава организации выведено в среднем
	служащих – 23 %	
	крестьян – 23 %	
По полу	мужчин – 48 %	
	женщин – 22 %	
По возрасту	до 30 лет – 73 %	
	выше – 23 %	
По партийности	чл. ВКП (б) – 13 %	
	ВЛКСМ – 49 %	
	беспартийн. – 38 %	

Союз безбожников не обладает кадром квалифицированных пропагандистов. Помощь ему в деле подбора, подготовки и переподготовки кадров со стороны парткомов слаба, а со стороны профсоюзов почти совсем отсутствует.

Несмотря на указания краевых организаций, не привлечены к антирелигиозной работе работники ВУЗ[ов], советский актив, учительство и т. д.

Точно также не уделяется должного внимания подготовке низового рабочего актива, низовых организаторов С[оюза] Б[езбожников]. Массовая антирелигиозная работа отвлечена, не сопровождается практически организационными мероприятиями, в очень

¹ Речь идет об окружных советах Союза безбожников.

малой степени практически реагирует на ненормальные явления в быту трудящихся, в школах и т. д.

О некоторых достижениях в антирелигиозной работе

1. Несмотря на неблагоприятные условия работы С[оюза] Б[езбожников], следует, однако, констатировать рост безбожия среди рабочих и крестьянских масс в связи с развертыванием нашего социалистического строительства, втягиванием в активную советскую, общественную и политико-просветительную работу широких масс трудящихся.

Не имея исчерпывающих материалов по антирелигиозной работе по всем округам, но по отдельным материалам можно судить об имеющихся достижениях. Например:

1. Нахичеванским райсоветом С[оюза] Б[езбожников] за [19]28 г. велась систематическая антирелигиозная работа среди сезонных рабочих, и по отзывам зав[едующего] АППО райкома ВКП (б) (его слова): «лучше всего с работой среди сезонников справился С[оюз] Б[езбожников]».

2. В том же районе с августа по 1-е ноября с[его] г[ода] на 11 предприятиях во время обеденного перерыва по цехам проведено 93 антирелигиозных бесед-докладов силами Союза безбожников.

3. Таганрогская организация: за зимний период [19]27–[19]28 г. горсоветом С[оюза] Б[езбожников] проведено 3 курса (от 3 до 6) низовых работников, окончивших 83 человека. Всего антирелигиозных кружков за тот же период работало 6. Ячеек С[оюза] Б[езбожников] – 21, с количеством членов 858. Проведено бесед по цехам 185, с количеством слушателей 24 867 чел[овек]. Лекции по клубам – 39, слушателей 8309; в воинских частях докладов 9, количество слушателей 275.

На селе того же округа – 48 докладов, слуш[али] 1180 чел[овек]. В школах 22 доклада, кол[ичество] слуш[ателей] 4528, и т. д. Художественных постановок – 19, школьных вечеров – 6, детских утренников – 2 (из отчета горсовета С[оюза] Б[езбожников]).

4. Со всех радиостанций Края планомерно читаются антирелигиозные доклады.

5. За время переподготовки летом в [19]27 г. партийного, политпросветского и учительского актива, во все программы были включены вопросы антирелигиозной пропаганды, но не во всех округах проведено в жизнь.

Достижения, конечно, имеются, и большие достижения, но нет точного учета этой работы, а главное – это то, что С[оюз] Б[езбожников] не является широкой массовой общественной организацией, которая могла бы противопоставить собой религиозным организациям и предотвратить их нахальную деятельность.

За [19]27-й г. мы не знаем ни одного почти краевого совещания, где бы не стояли в порядке дня вопросы антирелигиозной пропаганды, но за [19]28 г. до октября м[есяца] антирелигиозная работа стала падать. Вполне правдивое обращение Центрального совета С[оюза] Б[езбожников] к АППО Крайкома ВКП (б) за № 1148/1 от 2/XI-[19]28 г., где говорится, что «в 1927 г. мы могли считать С[оюз] Б[езбожников] Северного Кавказа одним из деятельных союзов, теперь он перешел в разряд наиболее отставших союзов...¹ Для Сев[еро-] Кавк[азского] края ставить вопрос не об усилении работы, а о том, чтобы ее поднять до прежнего уровня».

Для антирелигиозной работы на ближайший период имеются достаточные предпосылки, выражающиеся в усилении интереса со стороны рабочих и крестьянских масс к вопросам антирелигиозной пропаганды.

Предложение АППО Сев[еро-] Кав[казского] Крайкома ВКП(б) об антирелигиозной работе в крае

Крайком обращает самое серьезное внимание всех партийных организаций Края на необходимость принятия ряда мер для практического осуществления ранее принятых решений Крайкома с целью оживления и укрепления всей системы антирелигиозной работы как составной необходимой части всей парт[ийной] политпросветработы. Для чего необходимо:

1) укрепить на местах Антирелигиозные комиссии при окружках, облкомх ВКП(б), подобрав авторитетный и работоспособный состав их, руководствуясь положениями

¹ Отточие в документе.

Крайкома от 16.XI.[19]26 г. о работе этих комиссий, и заслушать доклады о их работе на бюро рабкомов¹ и окружкомов. Эту работу закончить не позже 1 декабря с[его] г[ода].

2) Ячейкам ВКП(б) в течение ноября-декабря тек[ущего] года точно так же заслушать доклады о состоянии а[нти]/религиозной работы на общих собраниях в своем селе и предприятии, и включить в план своей работы вопросы антирелигиозной пропаганды.

3) Обратить внимание на превращение Союза безбожников в массовую общественную организацию, укрепляя его квалифицированными партийцами-пропагандистами, научными работниками, учительством, агрономами и т.д., провести за зимний период на основании широкого вовлечения рабочих и работниц, бедноты, батрачества и середняцких масс, особенно женской части этих групп населения, деревни, районные, окружные и областные конференции Союза безбожников.

4) Учитывая полное отсутствие средств и источников дохода С[оюза] Б[езбожников], считать необходимым включение в смету КрайОНО по линии политпросветов на: а) содержание работников краевого и окрсветов С[оюза] Б[езбожников], б) проведение курсов, конференций и совещаний по антирелигиозной пропаганде, в) издание программ, листовок, на организацию уголков «Безбожник» и снабжение их наглядными пособиями, г) приобретение антирелигиозной литературы и учебников для антирелигиозных кружков.

5) Отмечая почти полное отсутствие антирелигиозной работы в профсоюзах, поручить фракции КСПС² уделить особое внимание антирелигиозной работе среди рабочих, работниц, батраков и батрачек. Во все планы культработы профсоюзов включить вопросы антирелигиозной работы, установив со стороны культотдела систематическое руководство и помощь клубам и красным уголкам в развертывании антирелигиозной пропаганды.

6) Парткомам, фракциям Крайсовпрофа³ и КрайОНО⁴ развернуть текущей зимой работу по подготовке и переподготовке окружного районного и ячейкового антирелигиозного актива путем:

а) созыва краевых, окружных (в основных округах) и районных краткосрочных курсов – особенно деревенских работников;

б) организации антирелигиозных кружков и семинарий при клубах, избах-читальнях, красных уголках, в ЖАКТах⁵, школах и т. п. как средствами самих культучреждений, так и за счет культотделов профсоюзов и окрполитпросветов⁶.

Краевые курсы провести за счет средств КрайОНО и культотдела Крайсовпрофа.

7) КрайОНО: а) включить в программу массовой школы вопросы антирелигиозной работы, выделив средства на снабжение массовой антирелигиозной литературой и периодической печатью школ и политико-просветительных учреждений, на снабжение их наглядными пособиями по вопросам естествознания и антирелигиозной пропаганды; б) дать конкретные указания, выработать программы, пособия о проведении антирелигиозного воспитания в техникумах, рабфаках⁷ и школах крестьянской молодежи.

8) АППО Крайкома разработать программу антирелигиозной пропаганды в СПШколах, КомВУЗах⁸ и различных курсах подготовки и переподготовки актива.

9) Фракции правления СКГУ⁹ организовывать при Педфаке¹⁰ подготовку группы студентов по изучению вопросов истории религии и антирелигиозной пропаганды.

10) Поручить фракции КИКа¹¹:

¹ Рабком – рабочий комитет.

² КСПС – Краевой совет профессиональных союзов.

³ Крайсовпроф – Краевой совет профессиональных союзов.

⁴ КрайОНО – Краевой отдел народного образования.

⁵ ЖАКТа – жилищно-арендные кооперативные товарищества.

⁶ Окрполитпросвет – Окружное управление органов политического просвещения.

⁷ Рабфак – рабочий факультет – учебное заведение для подготовки рабочей и крестьянской молодежи к обучению в высшей школе.

⁸ КомВУЗ – Коммунистическое высшее учебное заведение – наименование высших партийных учебных заведений в 1920–1930-е гг.

⁹ СКГУ – Северо-Кавказский государственный университет.

¹⁰ Педфак – Педагогический факультет.

¹¹ КИК – Краевой исполнительный комитет.

а) проверить состояние и условия работы столов актов гражданского состояния и столов отделения церкви от государства, добиться качественного улучшения этой работы;

б) принять меры к недопущению сдачи в аренду религиозным организациям больших помещений, могущих быть использованными под клубы, избы-читальни и т. д.

Передачу церквей, мечетей и синагог под политико-просветительные учреждения проводить с большой осторожностью, после соответствующей массовой работы среди трудящихся.

Антирелигиозной комиссии Крайкома разработать специально руководящее письмо облкомам и окркомам по данному вопросу.

11) АППО Крайкома ВКП (б) дать указания: а) о регулярном освещении в краевой и окружной печати и стенгазетах вопросов антирелигиозной работы, б) об организации книжных полок в низовой кооперативной сети с антирелигиозной литературой, в) о развертывании антирелигиозной работы среди нацменьшинств как политико-общественной организацией С[оюзом] Б[езбожников], так и о включении во всю сеть партпросвещения вопросов антирелигиозной пропаганды.

12) Поручить АППО Крайкома в конце января 1929 г. доложить Секретариату о всей развертываемой работе на основе последних решений.

Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 711. Л. 55–65. Копия. Машинопись.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках базовой темы бюджетного финансирования ЮНЦ РАН № 01-16-09 (ФАНО 0256-2014-0012) «Изучение межкультурных взаимодействий населения Нижнего Дона с древнейших времен до Нового времени».

Литература

[1-я Донская окружная конференция](#) – 1-я Донская окружная конференция безбожников // *Безбожник*. 1926. 1 января. С. 13.

[Киселева, 1998](#) – *Киселева Н.В.* Возникновение советского феномена массовых добровольных обществ. Ростов-на-Дону: [Б.и.], 1998. 210 с.

[Организуем семинар, 1926](#) – Организуем семинар «Союза безбожников» // *Красный шахтер*. 1926. 24 сентября. С. 3.

[Покровская, 2007](#) – *Покровская С.В.* Союз воинствующих безбожников СССР: организация и деятельность (1925–1947). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007. 195 с.

[ЦДНИРО](#) – Центр документации новейшей истории Ростовской области.

References

[1-ja Donskaja okružnaja konferencija](#) – 1-ja Donskaja okružnaja konferencija bezbožnikov [1st Don District Conference of the Atheists] // *Bezbožnik*. 1926. January 1st. P. 13 [in Russian].

[Kiseleva, 1998](#) – *Kiseleva N.V.* Voznikovenie sovetskogo fenomena massovyh dobrovol'nyh obshhestv [The emergence of the Soviet phenomenon of mass voluntary societies]. Rostov-on-Don: [s.n.], 1998. 210 p. [in Russian].

[Organizuem seminar, 1926](#) – Organizuem seminar “Sojuza bezbožnikov” [We organize a seminar “Union of atheists”] // *Krasnyj shahter*. 1926. 24 September. P. 3 [in Russian].

[Pokrovskaja, 2007](#) – *Pokrovskaja S.V.* Sojuz voinstvujushhih bezbožnikov SSSR: organizacija i dejatel'nost' (1925–1947) [Union of militant atheists of the USSR: organization and activities (1925–1947)]. Thesis of the candidat of the historical sciences. Moscow, 2007. 195 p. [in Russian].

[CDNIRO](#) – Centr dokumentacii novejshej istorii Rostovskoj oblasti [Center for Documentation of the Modern History of the Rostov Region]

УДК 93(47)

Антирелигиозная работа в Донском округе Северо-Кавказского края и особенности положения Союза воинствующих безбожников в 1927 г.

Подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии

Алла Валерьевна Шадрина^{а, *}

^а Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Публикация посвящена одной из малоизученных проблем истории антирелигиозного движения в СССР в 1920–1930-е гг. – антирелигиозной работе и деятельности Союза безбожников в Северо-Кавказском крае. Впервые публикуемая докладная записка об антирелигиозной работе в крае (1927), хранящаяся в фондах Центра документации новейшей истории Ростовской области, дает исчерпывающее представление о постановке антирелигиозной пропаганды в Донском округе Северо-Кавказского края и о неудовлетворительном состоянии Союза безбожников, которое было следствием невнимательного отношения партийных работников к этой организации, недостатка подготовленных кадров, отсутствия материальной базы и финансирования.

Ключевые слова: антирелигиозная работа, кружки безбожников, Союз безбожников, Союза воинствующих безбожников, Северо-Кавказский край.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: shadrina@ssc-ras.ru (А.В. Шадрина)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 ISSN: 2408-9621
 E-ISSN: 2413-726X
 2017, 5(1): 63-94

DOI: 10.13187/ra.2017.1.63
www.ejournal16.com

UDC 908:303.422

«At Least Once More to See You and Tell You So Much...»: Personal Archive of the Old Bolshevik M. Ruban

Preparation for publication, introductory article and comments

Olga V. Semenova ^{a,*}

^a Institute of Social-Economic Research and Humanities of Southern Scientific Centre of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

The publication contains documents from the personal archive of the old bolshevik, red partisan and a hero of the Civil War, Order Bearer Mefody Andreevich Ruban. The documents cover the period from 1914 to 1968 and are an important evidence of both the life of Ruban himself and a large segment of the Soviet era as a whole. The publication of documents gives the researcher an opportunity to get a clearer idea of the Soviet reality.

Keywords: red partisans, M.A. Ruban, farmstead Podkuschevsky, Civil War, group of “Thirteen”, M.A. Sholokhov.

В текущем 2017 г. исследователи уделяют значительное внимание революции 1917 г. и Гражданской войне. Для историков юга России изучение событий и свидетельств, связанных с этими бурными и трагичными годами, является одним из приоритетных направлений в работе, поскольку именно здесь во многом определялись исход революции и последующие тенденции в развитии Советского государства. В основном внимание привлечено к документам государственных и ведомственных архивов. Наряду с этим, в научный оборот постепенно вовлекаются и документы личных, семейных архивов, представляющие новые возможности для исследований.

По мнению ряда исследователей, именно в личных документах наилучшим образом прослеживается информация, отражающая «бытовые условия жизни людей, формирование частного и коллективного сознания, представления людей разных поколений, разных социальных слоев общества» (Альтман, Иноземцева, 2013: 137–150). Личные свидетельства эпохи, особенно периодов войн и военных конфликтов, являются бесценным историческим источником. И поэтому «все шире используются различные источники личного происхождения, в том числе устные, ранее резко критиковавшиеся как менее достоверные из-за своей субъективности и пристрастности» (Krinko, 2015: 80).

В данной связи представляет безусловный интерес личный архив красного партизана Мефодия Андреевича Рубана¹. Возможность ознакомиться с ним предоставила

* Corresponding author

E-mail address: oliko_sov@mail.ru (O.V. Semenova)

Е.Ю. Савченко – родственница (правнучка) М.А. Рубана, в целях упорядочения семейных документов. Эти документы являются интересным и неизвестным исследователям историческим источником. Хронологически они охватывают период с 1900 по 1968 гг.

Личный архив М.А. Рубана включает несколько групп документов:

- личные документы (удостоверения, мандаты, справки, трудовая книжка и т.п.);
- официальная переписка М.А. Рубана с различными учреждениями и частными лицами;
- фотографии;
- печатная продукция (газеты и газетные вырезки, бланки поздравлений, официальные списки героев-партизан, выпущенные типографским способом).

Все указанные документы хранились в семье. После смерти М.А. Рубана родственники архивом не занимались. Бумаги находились в портфеле и папках, не были систематизированы и ранее не публиковались.

Мефодий Андреевич Рубан родился в 1894 г. Он являлся уроженцем хутора Подкущевский станицы Кущевской (в настоящее время – Краснодарского края). Являлся красным партизаном, помощником командира бронепоезда «Истребитель № 1», организатором и руководителем подпольной боевой революционной группы «Тринадцать чертей», действовавшей в хуторе Подкущевском в декабре 1917 – январе 1918 гг. Группа «Тринадцать чертей» (или просто «Тринадцать») была названа по числу участников. В воспоминаниях М.А. Рубана и других документах приводится значительное количество исторической информации об этих событиях. Она не всегда находит подтверждение в других источниках и исследованиях: очевидно, что необходимо продолжать работу над изучением данного комплекса документов в сопоставлении со всеми доступными историческими свидетельствами.

Рис. 1. Члены подпольной боевой революционной группы «Тринадцать чертей». М.А. Рубан – в проеме окна. Закрашена фигура товарища, позже оказавшегося «врагом народа» (по словам Ю.Г. Рубана – внука М.А. Рубана). Фамилия его также закрашена и неизвестна. Год не установлен.

¹ В семейной традиции по свидетельству внука и правнучки Мефодия Андреевича фамилия Рубан не склонялась.

Рис. 2. Члены группы «Тринадцати» на месте своей бывшей конспиративной квартиры. М.А. Рубан – слева. Год не установлен.

Мефодий Андреевич Рубан до последних дней жизни был убежденным сторонником советской власти. Этой убежденности не могли помешать бюрократические сложности, с которыми старый большевик сталкивался уже в преклонном возрасте. Будучи инвалидом и персональным пенсионером (соответствующие документы сохранились в его архиве), М.А. Рубан до 1961 г. не мог получить квартиру, достойную пенсию и лечение.

Несмотря на трудности со здоровьем, бытом, гибелью одного из сыновей в годы Великой Отечественной войны, Мефодий Андреевич активно поддерживал связь с боевыми товарищами, сотрудничал с музеями, встречался с сотрудниками архивов, корреспондентами, вел переписку с школьным экспедиционным отрядом им. Д.П. Жлобы¹ Прикумского дворца пионеров (Морозова, 2008: 206–228). Им оставлены записи воспоминаний о событиях дореволюционного времени, революции и Гражданской войны.

Особое значение в оценке личности М.А. Рубана играет тот факт, что он был знаком с М.А. Шолоховым, вел с ним переписку (в архиве остались черновики писем к Михаилу Александровичу). В 1935 г. Шолохов приезжал в Подкущевский, встречался с героями-партизанами, в том числе и с М.А. Рубаном. Поводом для встречи стало письмо подкущевских партизан, стремящихся оставить потомкам свои воспоминания о грозных революционных годах. М.А. Шолохов заинтересовался этой идеей, встретился с бывшими партизанами, обсуждал план книги. Однако, будучи занят подготовкой к изданию «Поднятой целины», посоветовал подкущевцам самим постепенно собирать материал для будущей книги. Воспоминания, составленные Рубаном по поручению товарищей, явились данью уважения к Михаилу Александровичу, который советовал обязательно написать мемуары (Михаил Шолохов, 2005: 128).

После Гражданской войны М.А. Рубан строил новую жизнь. Он женился, растил двоих сыновей, работал, несмотря на то, что здоровье ухудшалось. Избирался в члены сельсовета

¹ Жлоба Дмитрий Петрович (1887–1938) – красный командир времен Гражданской войны. Командовал полком, бригадой и «Стальной» дивизией в боях на юге страны. После Гражданской войны работал в народном хозяйстве. В 1937 г. арестован, обвинен в подготовке антисоветского восстания на Кубани и расстрелян. В 1956 г. реабилитирован за отсутствием состава преступления. Сын и дочь Д.П. Жлобы так же были арестованы и осуждены. М.А. Рубан встречался с дочерью Д.П. Жлобы после ее освобождения из заключения в 1956 г.

родной Подкущевки, одно время даже был председателем сельсовета, организовывал колхозы. Всегда оставался убежденным большевиком.

Рис. 3. М.А. Рубан со своими сыновьями Вилениным (слева) и Геннадием (справа). 1935 г.

Не все сохранившиеся бумаги, на первый взгляд, кажутся важными документами. Многие записи и справки скорее являются доказательством педантичности и аккуратности владельца. Однако и эти документы – исторические свидетельства эпохи. Их наличие дает возможность исследователю получить более четкое представление о советской действительности. М.А. Рубан сохранял черновики своих писем в различные органы власти, а также ответы из этих инстанций. Как считает исследователь М.А. Клинова, подобные письма являются важнейшими источниками в изучении советской повседневности (Клинова, 2012: 300–305). Документы архива позволяют изучать особенности бюрократической переписки в 20–70 гг. XX в. Кроме того, переписка автора с организациями и частными лицами расширяет исследовательское поле, стимулирует изучение истории южнороссийского региона.

Уходит в прошлое советская эпоха. Но еще живы люди, существуют книги, фильмы, документы этой эпохи. У представителей нового поколения возникает немало вопросов о прошлом. Личные документы позволяют исследовать культурные, политические и социальные тенденции в развитии советского общества. По мнению О.А. Шабалиной, «чтобы сохранить связь с уходящей советской эпохой, чтобы понять смыслы и ценности которые воспроизводились в этот период, необходимо, наравне с общими массовыми исследованиями и учетом статистических данных, обратиться к анализу личных архивов, где в рассмотрении жизненного мира отдельного человека возможно увидеть глубинную скрытую связь индивида и общества» (Шабалина, 2015: 761–770).

В настоящее время основной массив документов архива (более 800 листов, четыре папки) разобран, систематизирован, частично сфотографирован. Сложность работы с документами связана с тем, что многие из них находятся в ветхом состоянии. Ознакомление с рукописями и письмами затруднено малоразборчивым почерком автора. После полученной во время Гражданской войны контузии М.А. Рубан был инвалидом II группы, его почерк со временем ухудшился.

Все документы публикуются впервые, в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, но с сохранением стилистических особенностей. В квадратных скобках приводится текст, восстановленный публикатором. Работа с архивом М.А. Рубана продолжается, и в дальнейшем планируются новые публикации его документов.

Удостоверение Ростовской-на-Дону городской комиссии по определению принадлежности к красным партизанам¹

№ 1457

5 сентября 1931 г.

Дано сие т[оварищу] Рубану Мефодию Андреевичу в том, что действительно является красным партизаном и имеет право пользоваться льготами, объявленными в постановлениях ЦИК и СНК СССР № 109 от 22/II–28 г. и СНК РСФСР № 274 от 24/III–1928 г.

Основание: протокол Ростовской[-]н[а-]Д[ону] городской комиссии № 81 от 2/VII–31 г.

Председатель комиссии
Секретарь

Подлинник. Машинопись

Справка Северо-Кавказского краевого музея революции г. Ростова-на-Дону²

№ 354

8/VII–1934 г.

Дана тов. Рубан[у] Мефодию Андреевичу в том, что по материалам Азово-Черноморского краевого музея революции г. Ростов[а] н/Д он значится красногвардейцем, красным партизаном, пом[ощником] командира бронепоезда «Истребитель № I-й» и как организатор и руководитель подпольной боевой революционной группы «Тринадцати», работавшей по организации к вооружению красногвардейских и партизанских отрядов и организации советской власти в Подкущевке Куцевского района Азово-Черноморского края в полном окружении контрреволюции на Дону и на Кубани, что удостоверяется.

М.П.

¹ Партийная комиссия Северокавказского крайкома выдавала документы, подтверждающие боевое прошлое красных партизан.

² Северо-Кавказский музей горских народов создавался на базе Донского музея в связи с образованием в 1926 г. Северо-Кавказского края. После образования в 1934 г. Азово-Черноморского края музей горских народов был переведен в Ставрополь. На базе оставшихся коллекций создали музей Ростова-на-Дону.

Зам[еститель] директора
по научной части

Подпись
Копия. Машинопись

**Удостоверение Ростовской-на-Дону окружной организации
Степнянского районного комитета РКП(б)**

№ 10

7/II-1922 г.

Дано сие инструктору Степнянского райкома т[оварищу] Рубан[у] Мефодию в том, что он командируется по району для инструктирования ком[мунистических] ячеек. Всем чл[енам] РКП(б), стоящим во главе учреждений и отв[етственным] работникам предлагается оказывать содействие в передвижении.

МП

Секретарь райкома

Подпись
Подлинник. Рукопись

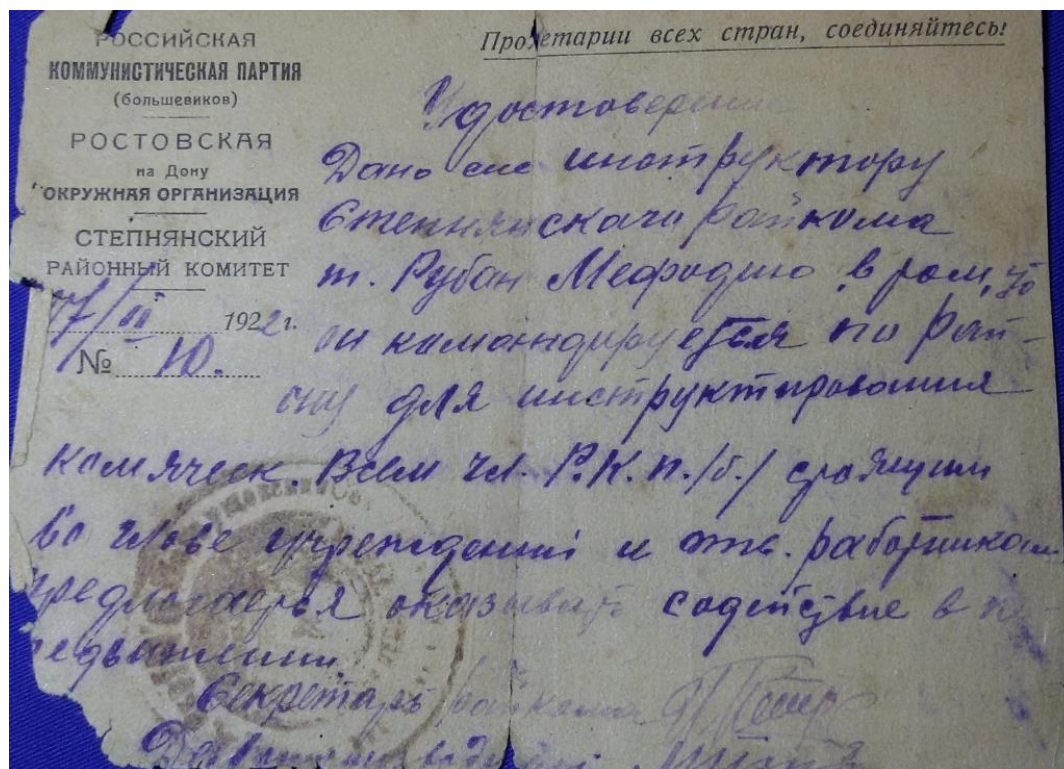

Рис. 4. Удостоверение Степнянского районного комитета РКП(б). 1922 г.

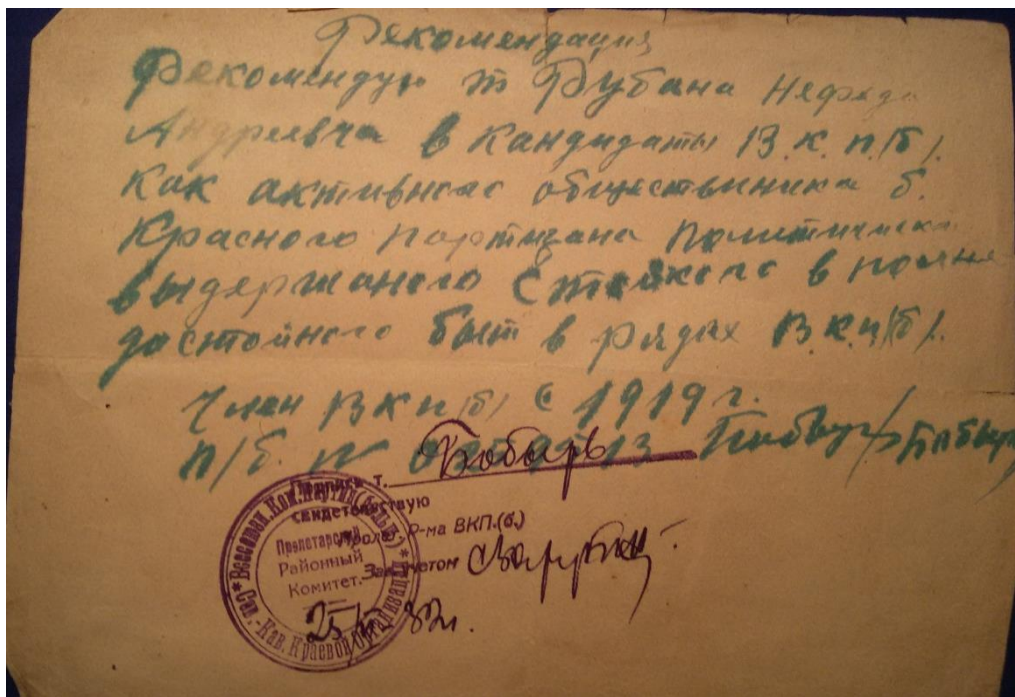

Рис. 5. Рекомендация М.А. Рубану для вступления в ВКП(б). 1932 г.

Сопроводительное письмо 6-го отдела штаба Северо-Кавказского военного округа Народного комиссариата внутренних дел СССР, подтверждающее награждение орденами Красного Знамени

С приложением 5 орденов «Красное Знамя»
24 апреля 29 г.

№ 6/12/2404

Председателю Кущевского
районного исполнительного комитета

копии – гр[ажд]нам хут[ора] Подкущевского
Кущевского района Донского округа
Попову Ивану Ивановичу
Рубан[у] Мефодию Андреевичу
Тютюнникову Никодиму Александровичу
Матышеву Георгию Ивановичу
Бобыр[ю] Петру Прокофьевичу

Присылаемые при этом 5 знаков ордена «Красное Знамя» прошу вручить:

1. За № 15970 – Попову Ивану Ивановичу – бывшему партизану и впоследствии военному кав[алерийского] полка 39-й стрелковой дивизии.
2. За № 15971 – Рубан[у] Мефодию Андреевичу – бывшему партизану и командиру взвода бронепоезда «Истребитель».
3. За № 15972 – Тютюнникову Никодиму Александр[овичу] – бывшему партизану и начальнику команды разведчиков бронепоезда «Истребитель».
4. За № 15973 – Матышеву Георгию Ивановичу – бывшему партизану и помощнику военного комиссара 22-го полка 12-й стрелковой дивизии.
5. За № 1594 – Бобыр[ю] Петру Прокофьевичу – бывшему партизану и политруку эскадрона 3-го Крымского <текст утрачен>.

Одновременно прошу выдать им посланные при этом удостоверения в 6/12/2404. Посвидетельствованные расписки т[оварищей] Попова, Рубан[а], Тютюнникова, Матышева, Бобыр[я] прошу выслать в 6-й отдел штаба округа.

Приложение: упомянутое.

Начальник 6-го отдела	<i>Подпись</i>	Леонов
Помощник начальника отдела	<i>Подпись</i>	Седов

Копия. Машинопись

**Акт медицинского освидетельствования М.А. Рубана
врачебно-контрольной комиссией райздравотдела¹**

Акт № 4426

1929 г. 1-го дня марта

ст[аница] Кущевская Дон[ского] округа

Врачебно-контрольная комиссия райздравотделения сего числа освидетельствовала состояние здоровья Рубана Мефодия Андреевича, лет 35, находящегося на службе, служащий хутора П[од]кущевского.

Травматический невроз, сопровождающийся припадками.

Неполный анкилоз левого коленного сустава.

Заключение врачебно-контрольной комиссии:

Инвалид II-й группы.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Председатель комиссии
Ростов

/Скрябина/

Заверенная копия. Машинопись

Справка из Подкущевского сельсовета Кущевского районного исполнительного комитета Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов Донского округа о советской и общественной работе Рубана М.А.

№ 59/31

3 августа 1929 г.

Выдана настоящая гр[аждани]ну хутора Подкущевка Рубану Мефодию Андреевичу в том, что он с 1920 г. и по 1923 г. вкл[ючительно] был избираем членом Подкущевского с/совета и в промежутки времени с 1920 по 1921 г. был председателем Подкущевского с/совета, в 1921 г. был избран председателем рай[онного] союза колхозов, [в] 1922–23 и 1929 г. был избран пред[седателем] с/совета хут[ора] Подкущевка, в 1924 г. председателем сель[ского] КОВА², в 1926 г. зам[естителем] уполномоченного Подкущевского З.О.³ и все время принимал активное участие в советских и общественных работах, что и удостоверяется.

Пред[седатель] с/совета

< подпись >

М.П.

Секретарь

< подпись >

Нотариально заверенная копия. Машинопись

¹ Районного отдела здравоохранения.

² Комитета общественной взаимопомощи.

³ Вероятно: земельного отдела.

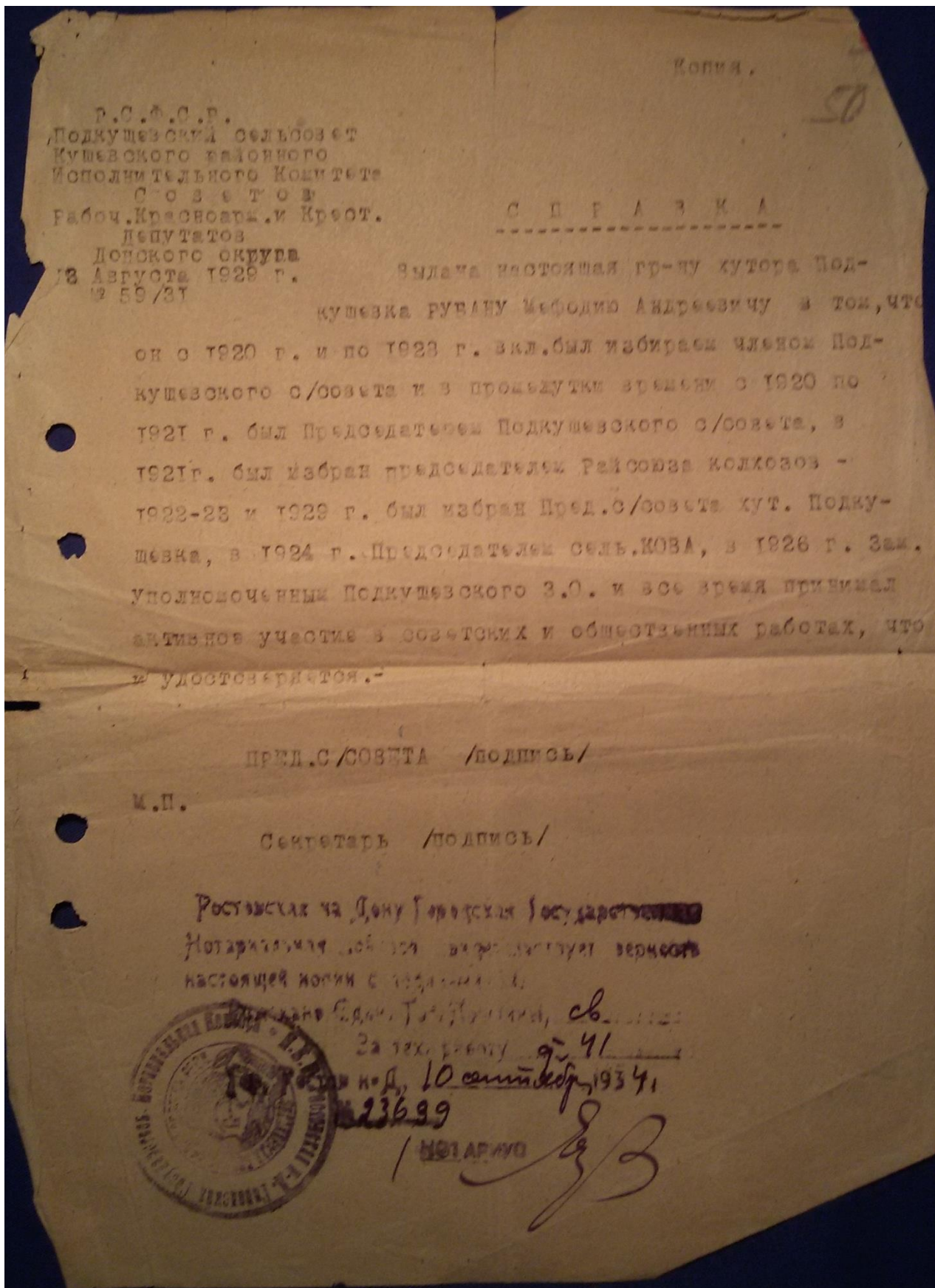

Рис. 6. Справка о занимаемых М.А. Рубаном должностях из Подкушевского сельсовета. Нотариально заверенная копия. 1929 г.

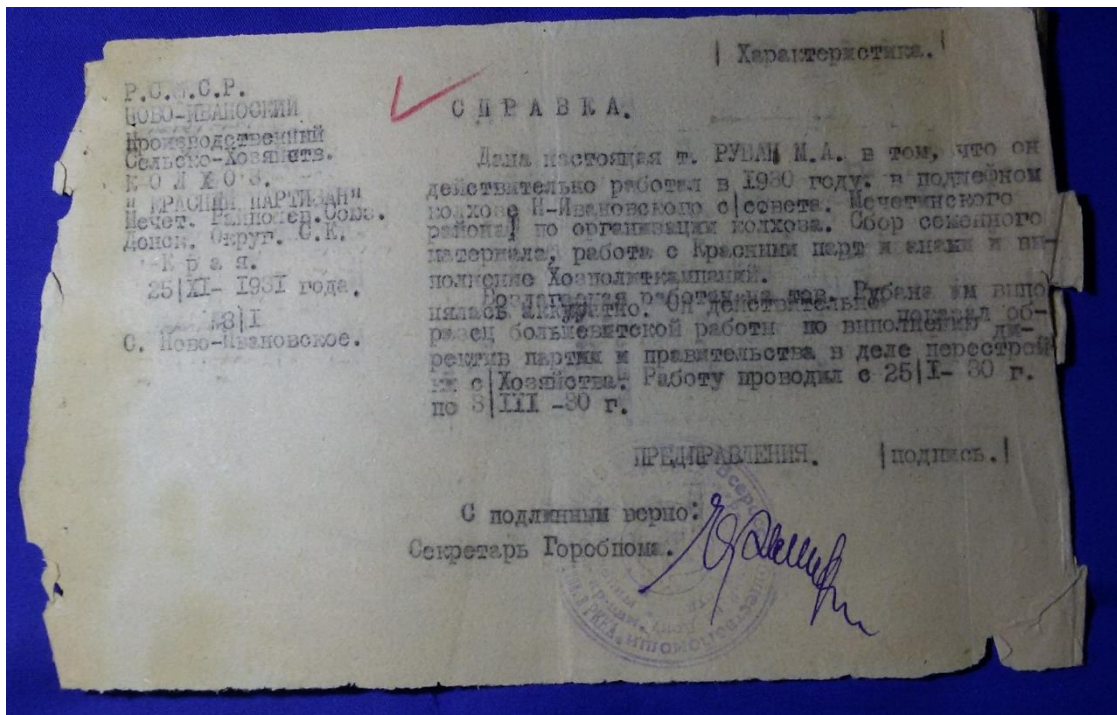

Рис. 7. Справка об участии М.А. Рубана в организации колхоза. 1931 г.

Мандат делегата от ячейки Международной организации помощи борцам революции № 297 при артели инвалидов «Промкомбинат» на VII Ростовскую-на-Дону городскую районную конференцию 28–29 мая 1930 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Международная организация помощи борцам революции
секция СССР¹

Ростовская-на-Дону городская организация МОПР

с правом решающего голоса

Мандат № 189

Предъявитель сего тов[арищ] Рубан М.А. действительно является делегатом от ячейки МОПР № 297 при арт[ели] инв[алидов] «Промкомбинат» на VII Ростовскую[-]н[а]-Д[ону] городскую районную конференцию, созываемую 28–29 мая 1930 г. в клубе «Доншахток» (просп[ект] Семашко, № 48).

Ответственный секретарь гор[одского]
ком[итета] МОПР

(Хоменко)

Тип[ография] Греч[еского] изд[ательств]ва
№ 66-300

Организац[ионная] комиссия

Подлинник. Типографская печать

¹ Международная организация помощи борцам революции – благотворительная коммунистическая организация, созданная в 1922 г решением Коммунистического Интернационала. Средства от членских взносов участников должны были идти в фонд поддержки борцов за мировую революцию. В СССР в 1920–1930-е гг. насчитывалось около 10 млн членов МОПР. Просуществовала до 1939 г.

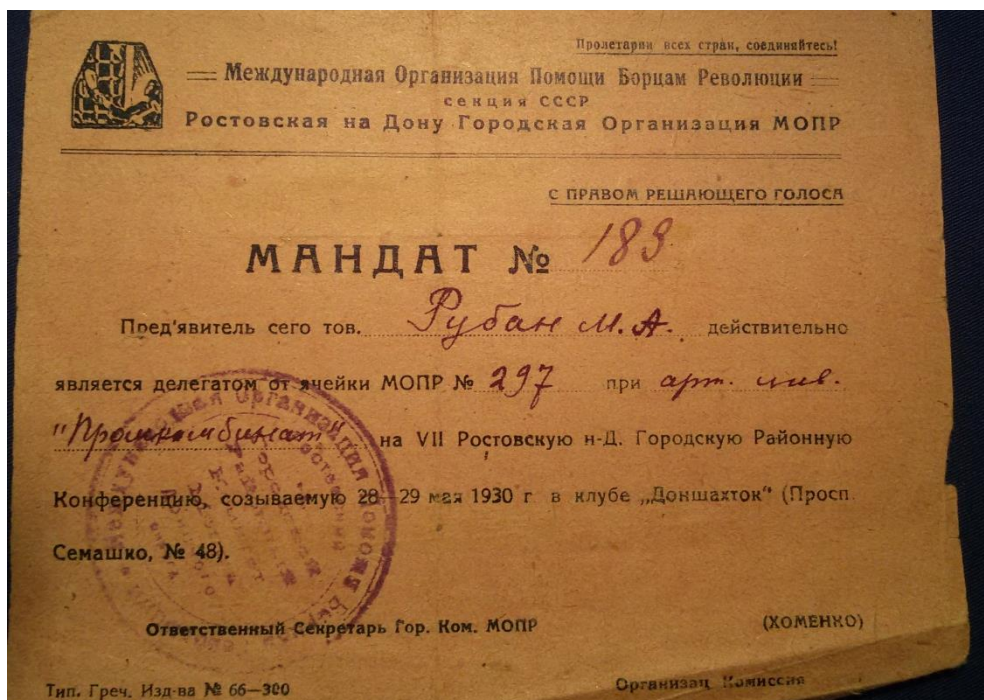

Рис. 8. Мандат делегата на конференцию МОПР. 1930 г.

Рис. 9. Билет делегата 5-го окружного съезда советов. Год не установлен.

**Извещение Центральной комиссии по назначению персональных пенсий
и пособий при Народном комиссариате социального обеспечения РСФСР
о назначении персональной пенсии**

Для предоставления в гос[ударственную]
труд[овую] сберкассу
Ростовскую-на-Дону № 6
3/XII-1929 г.

№ 51 0209

Извещение
о назначении персональной пенсии
№ 10209 /дела/

Гражд[анину] Рубану Мефодию Андреевичу
Адрес: Хут[ор] Подкущевский Кущевского района Донского округа С[еверо]-К[авказского]
края.

Копия Ростовской-на-Дону страх[овой] кассе для сведения.

Сообщается, что Вам с 1-го декабря 1929 г. назначена персональная пенсия в сумме
50 (пятидесяти) рублей в месяц.

Протокол комиссии № 4 от 21/XI-29 г.

Председатель комиссии
Секретарь комиссии
Ростов

/Салов/
/Решетников/

Копия. Машинопись

Рис. 10. Удостоверение персонального пенсионера М.А. Рубана. 1947 г.

**Справка Подкущевского сельсовета Кущевского районного исполнительного
комитета Совета рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов Донского
округа об отказе от земельного надела**

№ 74

25/XII-1929 г.

Дана гр[аждани]ну Рубан[у] Мефодию Андреевичу в том, что он действительно
отказался от земельного надела на четырех едоков.

Основание: Заявление.

Председатель
Секретарь

< подпись >
< подпись >

Подлинник. Рукопись

Выписка из протокола № 1 заседания комиссии Подкущевского сельсовета по проведению 12-й годовщины Октябрьской революции с поручением М.А. Рубану собирать материалы об участии жителей хутора Подкущевский в революционных событиях

Выписка из протокола № 1 заседания комиссии по проведению 12-й годовщины Октябрьской революции от 25/X–29 г. под председательством Попова при секр[етаре] <неразборчиво>.

Слушали:

1. О революционном участии Подкущевки.

Постановили:

1. Поручить т. Рубану собрать и привести в порядок исторический материал Подкущевки и поставить этот вопрос перед соответствующими организациями.

Председатель
Секретарь

Попов
<неразборчиво>

Подлинник. Рукопись.

Письмо-поздравление М.А. Шолохову от М.А. Рубана по поводу шестидесятилетия писателя

Добрый день, многоуважаемый
Михаил Александрович!

Поздравляю Вас с шестидесятилетием со дня рождения. Желая много-много лет жизни, здоровья и наилучших успехов в деле литературных творений для народа тепло и любовно¹ будущие наши поколения тепло и любовно вспоминали тебя, дорогой Миха[ил] Александр[ович].

А надо сказать, Михаил Александр[ович], что у меня с Вами тоже день рождения 24 мая. Лишь только в годах небольшая разница, так как я в настоящем году уже буду отмечать 71-ю годовщину своего рождения. Да ведь не особенно интересно отмечать 70–60 лет своего рождения. Куда было бы интереснее, если бы вдруг случилось так, чтобы можно было отметить, ну, хотя бы 40-ю годовщину своего рождения, да чтобы и видом и состоянием здоровья возвратился к тому возрасту. Но, к сожал[ению], это только несбыточные мечты и пожелания, и действ[ительность] совершенно иная наступила. Глубокая осень жизни. Взглянешь теперь и на ваши фотографии в газетах или в журналах, и не узнаешь ведь, каким выглядел молодым человеком Михаил Александрович в дни приезда к нам в Подкущевку. Как будто это было недавно, а вот минуло тридцать лет. Смотришь теперь – Шолохов белый, как лунь, играет с внучатами. А ведь в то время, наверное, сами детки были такими, как теперь внучата. Да, время не стоит и никакого нежданно. Надеюсь, Мих[аил] Але[ксандрович] не забыл Подкущевку, хотя людей ее, конечно, не помнишь, да и очень многих из них нету в живых. Но те, что остались, еще очень часто вспоминаем Вас. А я один из них, кому пришлось больше других с Вами общаться и беседовать в Подкущевке, да и когда и когда Вы ехали в Подкущевку, то заезжали ко мне на квартиру в Ростове, чтобы взять меня в Подкущевку. Но я был уже там.

В Гражданскую войну я был зам[еститель] командира бронепоезда «Истребитель № 1», а в конце 1917 г. – организатор и руководитель подпольной боевой революционной группы «Тринадцати». В настоящее время – кавалер ордена Боевого Красного знамени, персональный пенсионер республиканского значения РСФСР, инвалид второй группы с Гражданской войны, а теперь сломал меня тяжелый недуг – очень плохо с сердечной деятельностью. Перенес в резкой форме инфаркт миокарда и теперь очень ограничен в движениях. Ох, дорогой Михаил Алекс[андрович], как хотите, хотя бы раз еще повидаться

¹ В документе «тепло и любовно» зачеркнуто.

с тобою и многое рассказать тебе, и главное, рассказать, как жестоко и незаслуженно обидели Подкущевку. Ведь нашлись люди, которые фактически ликвидировали Подкущевку, да рассказать и многое другое, и не хотелось бы уносить с собой в могилу и то, что еще сохранилось в голове. Может быть, в ней оказалось бы что-нибудь полезным. Знаю, Михаил Александрович, частенько бываешь в Ростове, уважь, навести старика. Побеседуем, а может, еще что-нибудь сделаем.

С боевым товарищеским приветом М. Рубан
14 мая 1965 г.

Подлинник черновика. Рукопись

Воспоминания Мефодия Андреевича Рубана¹

В редакцию газеты «Известия»

Прошу Вас обратить серьезное внимание на мое письмо, так как в настоящее время с начала юбилейного года по всей нашей необъятной стране проводится большая работа по подготовке к празднованию пятидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции и сбору исторических революционных материалов. Вот я и решил кое-что написать, чтобы принять участие в этом важном деле, потому что есть о чем писать, о чем вспомнить. Я сам был участником тех событий, о которых хочу написать. Беда в том, что я малограмотный. Учиться возможности у меня не было, да, собственно, и детства не было, я взрослым стал, нужно было бить контрреволюцию, поэтому хоть с чужой помощью постараюсь изложить факты и события, свидетелем и участником которых я был.

Начну со своего родного села, в котором я родился и вырос, с которым и в настоящее время не теряю связи. Оно носило название Подкущевка (хутор Подкущевский). И хотя его называли хутором, справедливее все же его назвать рабочим поселком. Село располагалось на границе с богатой казачьей станицей Кущевской. Границей между ними служила небольшая речка Ея. Так как хутор Подкущевский был на территории Войска Донского, а станица Кущевская относилась к Кубанской области, поэтому формально она не была зависима от Кущевской. На самом же деле хутор был в большой зависимости (экономической и политической) от станицы.

Для кущевцев подкущевцы были «городовиками» (иногородними), поэтому были ненавидимы и презираемы кущевскими казаками, особенно богатыми. В связи с этим между ними происходили частые стычки и побоища. Подкущевцы были беззащитными и бесправными, так как хутор Подкущевский не был приписным селом, как соседние села, приписанные к Ильинской волости Ростовского-на-Дону округа, и их население имело даже мизерные наделы земли, население же Подкущевки не имело права пользоваться даже такими льготами. Все, кто селился на территории хутора, считались временно проживающими и были записаны в книге жандарма станции Кущевской по представлению полицейского урядника (без ведома самих проживающих). Селились подкущевцы на земле крупного землевладельца Бобкова, а позже эта земля (в количестве 620 десятин) перешла во владение купца второй гильдии Нечаева Петра Григорьевича и его жены Таисии Васильевны. А когда сам Нечаев сошел с ума, то полной хозяйкой стала его жена. Ох, и лютая была барыня!

Вот на этой земле и селились жители Подкущевки. Но прежде чем поселиться, они должны были обратиться к господам Нечаевым и выпросить клочок земли (примерно 20-ю часть десятины), чтобы построить халупу или вырыть землянку. Но господа Нечаевы не каждому давали землю. Если им почему-то не нравился проситель, то земли ему не давали и не разрешали селиться на территории Подкущевки.

¹ Воспоминания помечены 1967 г., годом 50-летия революции. Однако материал для них собирался более 30 лет. По словам Ю.Г. Рубана, оформить текст деду помогала женщина-машинистка (фамилии он не помнит). Ею, по всей вероятности, и была произведена первоначальная орфографическая и стилистическая корректировка текста.

Тот, кому это разрешали, должен был подписать ими же самими выработанный договор. Договор был очень жестким. По требованию господ застройщик должен был в 24 часа освободить и очистить занимаемое им место, а строение свое куда хочешь девай, но договор выполняй. Причем по договору не разрешалось строить кирпичных или каменных строений, даже фундамента нельзя было заложить из таких материалов. Не разрешалось держать никакого скота, кроме лошади, а также производить древонасаждения в своих дворах. Подписавший такой договор должен был вносить за полученную землю арендную плату в размере 12 рублей в год при условии, если у него одна труба на крыше. А если две трубы, платилось 24 руб[ля] (плата за дым). Для бедноты деньги эти были очень большими, и взять их было неоткуда. Если кто-нибудь в течение двух лет не платил арендной платы, то на третий год Нечаевы вызывали судебного следователя, производили опись имущества неплательщика, продавали его с молотка за бесценок, а его самого (неплательщика) прогоняли с земли. И немало людей подверглось такой участи.

Горькая судьба ожидала и тех подкущевцев, которые старились или получали увечье на работе, вынуждены были одевать «боковик» и «горбовик»¹ и просить подавание в богатых казачьих станицах и хуторах, и этим существовать. И это несмотря на то, что в Кущевке и ее окрестностях была такая масса хлеба, что его в течение года до нового урожая не успевали вывозить на хлебные ссыпки и на станцию железной дороги для отправки в другие места. А подкущевская беднота голодала, да и не только голодала, но и жила в холоде, так как обогревались землянки бурьяном. Углем топили тогда еще мало, да и стоил он дорого. А деньги ох как трудно было заработать! Труд рабочего батрака ценился очень низко. Например, в самый горячий сезон на уборке урожая (рабочий день длился 16–18 часов) самому здоровому мужчине платили один рубль в день, а остальным 80 и даже 60 копеек. Женщины получали 40 копеек. Но работы эти длились недолго (1,5–2 месяца в году). В остальное время года и этого негде было заработать. Правда, были еще хлебные ссыпки крупных хлеботорговцев, но туда на работу было попасть очень трудно. Человек должен был идти на ссыпку в 11–12 часов ночи, чтобы получить работу. Кроме того, нужно было попросить еще «гавкала», чтобы устроил на работу, а за это вечером ему ставилась полубутылка водки с закуской, за которые приходилось отдавать половину заработка, а иначе работы не получишь. Заработная плата и здесь была такой же: мужчине – 1 рубль 80 копеек в день, женщине – 40 копеек. Людей на ссыпку приходило так много, что только 25–30% могли попасть на работу. Работа на ссыпке была очень тяжелой. Здесь производили очистку, сортировку, наборку, погрузку и разгрузку зерна. Работы производились в амбарах, под навесами, где не было никакой вентиляции, а зерновая пыль удушлива. Рабочий день длился не меньше 20 часов. Начинали работу в 2–3 часа ночи, а заканчивали в 9 вечера, причем перерывов никаких не было, кроме пятиминутных перекуров. И если есть у кого-нибудь в кармане кусок хлеба, тот пожует, а у кого нет, тот, как говорится, покурит да поплюет. А «гавкалы» бегают да подгоняют, чтобы веселей работали. Вот как жили подкущевцы – украинцы, белорусы, поляки, латыши, финны, эстонцы, бессарабы, цыгане, евреи, татары, чуваша, мордва, армяне, грузины, даже были иностранцы: немцы, турки, греки, австрийцы, чехи, югославы, итальянцы, французы, но большинстве все же наши – российские люди. Были беглые, которые убегали из своих родных мест от тяжелой нужды и горя, от полиции и от отцов духовных. Здесь они надеялись найти свое счастье, лучшую жизнь, но, увы, и здесь ждала их нужда, голод, эксплуатация, полное бесправие. И вот такие условия жизни заставили подкущевцев искать какого-то выхода, чтобы улучшить свою жизнь. Поэтому подрастающее поколение стало приобретать квалификацию. Этому способствовали близлежащие промышленные центры: Ростов-на-Дону, Таганрог, своя железная дорога, где требовалось все больше и больше рабочей силы, да и работа была постоянной. Начала развиваться промышленность и в самой станице Кущевской. Появились каретно-бричные, кожевенные, сапожные, деревообделочные и другие предприятия. К тому же вокруг Покущевки было очень много хуторов крупных кулаков, которые имели от 50 до 1000 десятин земли, были и крупные помещичьи имения, где земли было и до 10 000 десятин. Их называли экономии. И на этих землях работала подкущевская беднота, таким образом, в Подкущевке появилось много рабочих, мастеровых. В связи

¹ Деревянные, берестяные или металлические коробки на лямках.

с образованием рабочего класса началось брожение, классовое недовольство. К концу 90-х гг. 19 столетия начали создаваться небольшие революционные группы из более сознательных и революционно настроенных рабочих, особенно из тех, которые работали в городах, а особенно это движение усилилось и расширилось после 1902 г., когда в Ростове-на-Дону была проведена политическая стачка рабочих, о которой даже В.И. Ленин не раз вспоминал в своих статьях и выступлениях. И уже накануне Русско-японской войны в 1903–1904 гг. в Подкущевке была организована настоящая боевая революционная группа Новочеркасского комитета – группа Российской социал-демократической партии, которая имела свою печать и свое руководящее ядро, куда входили: портной Новиков Алексей Павлович, Руднев Василий Васильевич, Руднев Николай Васильевич (братья-студенты, сыновья местного попа) и совсем еще молодой парень, которого звали Жора, но фамилия его осталась неизвестной.

Собирались сначала тайно ночами, а иногда и днем в праздники у наиболее передовых и надежных товарищей, где проводили беседы, читки нелегальной литературы и разъясняли, как необходимо рабочим вести жесткую и упорную борьбу за свои права. Часто в Подкущевку приезжали агитаторы из революционных организаций Ростова, Новочеркасска. В летние дни часто собирались в степи в камышах Заячьей балки, где проводились расширенные собрания и митинги, а летом в 1905 г. стали открыто организовывать широкие массовые демонстрации под красными знаменами, где принимала участие масса народу. Сначала выходили из камышей Заячьей балки более передовые активные товарищи во главе с руководителями подпольной организации, неся в руках развернутые красные знамена, и направлялись по улице Подкущевки к центру. По пути к ним присоединялся народ (и стар, и млад). Пройдя по всем улицам, выходили на центральную церковную площадь и здесь устраивали митинг. У демонстрантов было три знамени. На одном были написаны слова «Долой самодержавие!», на другом «Да здравствует восьмичасовой рабочий день!» и на третьем «Земля и воля». Так было 15 августа 1905 г. по старому стилю в праздник Успения и 14 сентября – Воздвижения креста господня. Весь народ Подкущевки был празднично одет, и не по случаю праздников, а по случаю такого события, многие высказывали свои мысли вслух о том, что скоро царя не станет и всем будет воля. Полицейский урядник¹ Подкущевки и его помощники демонстрантов не трогали, видимо, боялись, не фиксировали, кто какую роль играл в демонстрации. А атаман станицы Кущевской Подкущевки не касался, но у себя в станице на мосту выставлял усиленную охрану из вооруженных казаков и приказывал никого из Подкущевки в станицу не пускать. Но рабочие, мастеровые станицы, даже некоторые казаки из бедных бывали на демонстрациях. С этих пор Подкущевка стала колыбелью революции для окружающих сел. Об этих демонстрациях прошли слухи, а подкущевцев стали побаиваться окружающие кулаки. Но летом 1906 [г.] случилась беда. Нашлись подлые люди среди подкущевцев, которые выдали руководителей подпольной организации, приехали жандармы из Ростова и их арестовали (Новикова Алексея Павловича и братьев Рудневых и Жору). В Ростове их судили. Новикову и Рудневым дали по 12 лет каторги, а потом вечное поселение в Сибири, а Жору не то расстреляли, не то повесили. Так был разгромлена революционная организация в Подкущевке. Но дух революционный у подкущевцев сломлен не был. Он креп и закалялся у них в последующие годы. Часто производились денежные сборы в пользу заключенных революционеров и сдавались в революционные организации Ростова и Новочеркасска. Часто молодежь на улицах распевала революционные песни, и нередко в ночное время происходили столкновения с полицейским урядником и стражниками, так что им приходилось пускать в ход свои револьверы, но, несмотря на это, иногда им добре попадало, а когда началась первая мировая война в 1914 г. и была объявлена мобилизация, подкущевцы ходили группами по улицам, пели революционные песни и выкрикивали лозунги: «Долой самодержавие», «Долой войну», призывали скрываться, чтобы не идти воевать «за веру, царя, отечество, за черта, попа и купечество». Но что поделаешь? Сила была на стороне царя и капиталистов, и людей гнали на убой.

¹ Нижний чин уездной полиции.

Было у подкущевцев и тем нехорошее положение, что село было не приписное (как говорили: «У бога не прописано, у черта не отмечено»), поэтому парням, достигшим призывного возраста, нужно было ехать туда, где родились и приписаны их отцы, чтобы «выправить» документы. Из-за этого при призыве в армию они теряли связь друг с другом. Правда, можно было сделать перевод, чтобы призываться в Ростове, Ейске, но за перевод полицейский урядник брал пять рублей, а это не всем было под силу.

Вот и я был в числе таких бедняков, так как отец умер, когда мне еще и пяти лет не было. Со мною остались еще два младших брата (один двух лет, второй – шести месяцев). Позже мать вышла замуж вторично, но вскоре и отчим умер, но в семье прибавилось еще две сестренки, а я был самым старшим работником. Ребенком еще слепых нищих водил. В общем, пока малым был, никому не был нужен, и никто не видел, сыт ли, голоден ли, одет ли, гол ли, а вот, когда стал зарабатывать для семьи (я был кузнецом), сразу стал нужен и царю, и полиции. Призвали меня в армию. Но плохой вышел из меня защитник царя и отечества. Все же начали меня разыскивать, чтобы призвать в армию. Работал я тогда в Ростове в брично-каретной фабрике Залштейна. А была это весна 1914 г. Я тогда еще не принадлежал призыву на военную службу, так как мой год должен был призываться в 1915 г. (я родился в 1894 г.). Но на родине моего отца в Харьковской губернии Волчанского уезда в волостном правлении произошла путаница с моими документами о рождении, и меня начали разыскивать как скрывающегося от воинской повинности, а поэтому в Подкущевке к моей матери несколько раз приходил полицейский урядник и хотел узнать, где я, но не говорил в чем дело и зачем я ему нужен. Мать сказала, где я работаю и живу. Вот в один прекрасный день на фабрику, где я работал, явились два полицейских чина, разыскали меня, предложили мне собрать вещи и следовать за ними, но вещей у меня никаких не было, кроме тех, какие были на мне, и я только попросил у них разрешения получить в конторе то, что заработал. Они разрешили, а затем отвели в участок, допросили, кто я и откуда, а затем направили в жандармское управление, где тоже допросили и обвинили в том, что я скрываюсь от воинской повинности, что я дезертир, а я еще и слова такого не слышал. Я пытался им доказать, что мне еще не пришло время призываться, но мне предложили замолчать и сказали, что меня давно разыскивают. Так я у них двое суток просидел в камере предварительного заключения. Затем меня этапным порядком направили в Харьковскую губернию в Волчанский уезд в распоряжение воинского начальника. Пришлось шагать пешком километров 600, а время было теплое, даже жаркое, а жандармы были жирные, как боровы. Станут останавливаться отдыхать, а я настаиваю, давайте, мол, идти, надо торопиться, а то опоздаем, все места займут, придется обратно меня в Ростов вести. Они хоть и ругаются, но идут, а ругались крепко. Я им говорю, что они не имеют права меня ругать, так как я уже наполовину солдат, а там, глядишь, месяца через два-три стану жандармом или жандармским офицером, вот тогда они попляшут передо мной, а они еще крепче ругаются. Наконец пришли в большое село Еремовку (это был уже Волчанский уезд), был вечер, и жандармы решили здесь заночевать. Зашли в волостное управление. Меня посадили в арестное помещение волостного правления. Вскоре управления собралось много людей, молодых и старых, так как была пасха. Вот они и собрались посмотреть на узника, а когда узнали, что я за преступник, то начали нести сюда всякую снедь, чтобы меня накормить. Даже водку принесли. Начали было угощать и жандармов, но выступил старик и громогласно всем заявил, чтобы «этим собакам» не давали ничего, а угощали меня. Так жандармы и ночевали «на сухую», зато я, как говорится, был и сыт, и пьян. На следующий день меня доставили в г. Волчанск и сдали в распоряжение воинского начальника, который на несколько дней освободил меня и дал мне возможность побывать в родном селе отца, пока он подбирает группу новобранцев, с которой и отправил меня в г. Козлов (ныне Мичуринск) в 64-й запасный батальон, 1-ю роту, в 1-й взвод и 1-е отделение. Так я стал солдатом армии «Его Императорского Величества». В Козлове я прослужил почти год. На фронт меня не отправили, как специалиста по кузнечному делу (такой был тогда приказ), и летом 1915 г. меня в числе других специалистов откомандировали в Москву в распоряжение 1-го отделения конского запаса 1-го гусарского Сумского полка в качестве кузнеца. Здесь со мной вместе служили и московские, и подмосковные товарищи кузнецы, да и другие специалисты. Через них я стал общаться с московскими рабочими, а особенно с кузнецами. Нередко от них я слышал

разговоры о революции, войне, о том, что рабочие должны готовиться к предстоящей борьбе с царским самодержавием, капиталистами за политические права, за улучшение своей жизни, что войну надо кончать, а солдат распустить по домам.

И вот в конце февраля 1917 г. грянула Февральская революция. Я тогда служил еще в Москве и, независимо от солдат своей части, присоединился к солдатам, части которых с первого дня революции перешли на сторону восставших. Это было в ночь на 1 марта. Вместе с солдатами вылавливал по городу городских, приставов, жандармов, которые в те дни рядились во всякие шкуры (дворников, ломовых извозчиков, даже продавцов горячих пирожков), пытаюсь скрыть свою личину, но их в большинстве случаев опознавали мальчишки, нередко и сами рабочие и их жены, и указывали их солдатам, а мы их забирали и отправляли куда следует. Арестовали некоторых офицеров и отцов духовных, которые прятали в своих церквях большие запасы продовольствия и оружия, а в ночь на 2 марта мы открыли большую воинскую гауптвахту в Хамовниках. Вся охрана разбежалась вместе с начальством, а ключи унесли или забросили, и нам пришлось сбивать замки, ломать двери, благо, что конюшни наши были рядом, где из кузницы мы взяли молотки, ломы... На гауптвахте сидело много солдат, были заключенные, осужденные на разные сроки. Арестованные были сильно изнурены, многие сильно избиты. Когда открыли все камеры и стали кричать, что произошла революция, многие сразу не поверили, а потом стали нас благодарить и кричать ура. Многих пришлось выводить из камер, так как они не могли выйти сами. Здесь произошел тяжелый случай. Один из арестованных, осужденный на 12 лет, от радости сошел с ума и его отправили в больницу. Было страшно наблюдать за тем как многих, арестованных восставшим народом, направляли в Городскую думу (теперь музей В.И. Ленина), а оттуда некоторых в «Бутырку»¹, но потом их почему-то скоро освобождали. Видимо, уже тогда Временное правительство² во главе с Керенским³ из этих типов готовило себе защитников контрреволюции.

И вот я участвовал в таком бурном движении среди рабочих, которые больше меня понимали и знали жизнь и борьбу рабочего класса. Я бывал на митингах, собраниях. И здесь я впервые услышал имя, которое стало для меня самым дорогим – это имя В.И. Ленина, а потом я и сам стал выступать на собраниях рабочих. Например, на шелкопрядильной фабрике Журова, на снарядном заводе в Хамовниках, а в то время рабочим очень интересно было видеть у себя выступающих солдат, которые говорили об окончании войны.

Помню, было это 10 мая 1917 г. на Девичьем поле⁴, состоялся большой митинг, где выступало много ораторов. Трибунами служили столы, ящики и всякие возвышения. И всем ораторам, о чем бы они ни говорили, аплодировали. Вот и я осмелился, поднялся на стол, и смелость сразу покинула меня, но все же я начал говорить. Трудно от волнения было найти слова, но говорил о немедленном прекращении войны, о роспуске солдат по домам, о восьмичасовом рабочем дне, об улучшении жизни рабочим, о наделении крестьян землей. А когда я сошел с трибуны, ко мне подошли два пожилых рабочих и стали меня благодарить. Один из них сказал, что выступил я правильно, по-большевистски. Но я сказал ему, что я не большевик. Тогда он спросил удивленно, кто же я такой, я сказал, что я – кузнец, и что я из Ростова. Тогда он мне сказал, что я еще дурак, но со временем пойму, кто я такой. Он пожелал мне не сбиться с пути, по которому иду, и еще раз поблагодарил меня.

На этом же митинге производилась запись добровольцев в ударные батальоны смерти⁵ и в женские батальоны¹, из которых готовилась подлая гвардия Керенского. Ведь в то время

¹ Бутырская тюрьма – одна из самых старых и известных в России (с конца XVIII в., современное здание построено в 1879 г.). В настоящее время – Бутырский следственный изолятор.

² Высший законодательный и исполнительный орган государственной власти в России между Февральской и Октябрьской революциями.

³ Керенский Александр Федорович (1881–1970) – российский государственный и политический деятель. С 7(20) июля по 26 октября (8 ноября) 1917 г. – министр-председатель Временного правительства.

⁴ Историческая местность в излучине Москвы-реки в нынешнем районе Хамовники к северу от Новодевичьего монастыря до Садового кольца.

⁵ Отборные части, формировавшиеся в Русской императорской армии в годы Первой мировой войны для прорыва обороны противника. Весной 1917 г. в связи с развалом армии стали превращаться

Временное правительство уже готовилось к широкому наступлению на фронтах, и все же находились такие люди, которые записывались добровольцами в эти батальоны. Но кто-то для них придумал хорошую форму (черная с белыми кантами и лампасами, эмблема с черепом и костью). Получилось, что их заживо одевали в траур. Так оно и получилось в дальнейшем. От всех от них только и остались кости да черепки.

Тогда же в мае 1917 г. меня откомандировали в г. Ярославль в 18-й понтонный батальон в качестве кузнеца, и с этим батальоном в июне я попал на западный фронт на участок 5-й армии. Наш батальон расположился близ города Двинска. Здесь вскоре солдаты избрали меня председателем солдатского комитета команды ездовых нашего батальона и членом батальонного комитета. Здесь мне приходилось уже встречаться с настоящими большевиками, и здесь я действительно понял и вспомнил о том, что сказал мне старый рабочий на митинге в Москве. А когда проходила подготовка к выборам в Учредительное собрание, я ездил агитировать по селам и воинским частям и разъяснял, за какой список надо голосовать. Партия большевиков проходила по списку № 5.

В середине ноября 1917 г. мне дали кратковременный отпуск, и я уехал домой. Не буду описывать, как ехал, но приходилось ехать и идти пешком, так как от Курска до Белгорода приходилось воевать с гайдамаками², с петлюровцами³, ближе к Таганрогу стали появляться калединские офицерско-юнкерские банды. В Ростове господствовал генерал Каледин⁴. Итак, в ноябре 1917 г. я прибыл в родную Подкущевку. Здесь тоже было не очень радостно, так как в то время во всех иногородних селах Донской области, не исключая и Подкущевки, у власти были комитеты общественной безопасности, в которых засели помещики, кулаки, попы, торговцы, эсеры и меньшевики. В Подкущевском комитете были: крупнейший кулак Кроливецкий И.М., молодой барин Нечаев К.П., поп Владимир, Удовиченко Алексей Иванович, о заслугах которого сказано выше, несколько торговцев, лавочников, эсер подпрапорщик Малютин и другие им подобные; а в кубанских станицах, в том числе и в Кущевской, у власти были атаманы со своими помощниками, полицией и вооруженными казаками, а на станции Степной (19 километров от Кущевской)⁵ стоял отряд калединских бандитов.

Многих подкущевцев война разбросала по разным фронтам, многие вернулись инвалидами, а многие и вовсе не вернулись. Вот тут-то и пришлось задуматься над тем, как осуществить лозунг «Вся власть Советам!», выдвинутый В.И. Лениным. Власть должна принадлежать рабочим и беднейшему крестьянству, а Подкущевке такая власть особенно необходима, но об этом тогда еще нельзя было громко говорить. Приходилось начинать с небольшой группой в 2–3 человека. Обсуждался этот вопрос где-нибудь в укромном месте и больше в ночное время. Потом постепенно круг единомышленников стал расширяться. В него вошли солдаты-фронтвики, более сознательные и настроенные по-большевистски, да и гражданские из старшего поколения, которые еще в 1905 г. принимали участие в революционном движении (Самсонов Алексей Михайлович, матрос Черноморского флота Божко Иван Семенович), были и молодые товарищи (Попов Иван Иванович, которому было 19 лет). Так в Подкущевке была организована подпольная революционная группа «Тринадцать». Название было дано по числу ее членов. Все члены этой группы указаны

в особые воинские части, состоявшие из добровольцев, остававшихся верными присяге. В качестве символов и эмблем использовалось изображение черепа со скрещенными костями в знак готовности умереть за Родину.

¹ Военные формирования, созданные Временным правительством из женщин, главным образом с пропагандистской целью – поднять патриотический настрой в армии и устыдить собственным примером солдат-мужчин, отказывавшихся воевать.

² Украинские вооруженные формирования в годы Гражданской войны, воевавшие и с белыми, и с красными за создание независимого украинского национального государства.

³ Вооруженные силы Украинской Народной Республики, создававшиеся с 1917 г. (по имени украинского государственного и военного деятеля С.В. Петлюры (1879–1926)).

⁴ Каледин Алексей Максимович (1861–1918) – генерал от кавалерии, Донской войсковой атаман в 1917–1918 гг. После восстания ростовских большевиков в конце ноября 1917 г. повел с ними активную борьбу, захватил Ростов и Таганрог.

⁵ В настоящее время – в Приморско-Ахтарском районе Краснодарского края.

в памятном списке, который здесь прилагается. Было условлено между членами группы не называть себя по фамилиям, а избрать себе номер от 1-го до 13-ти и называться только по номеру, также была установлена строгая ответственность за сохранение в тайне существования группы, а тот, кто разгласит эту тайну, карается смертью (отсечение головы). Тайной квартирой группа избрала подвал заброшенной «монопольки» (казенной винной лавки). На первом собрании были утверждены номера за каждым членом группы, избрали руководящий состав и распределили обязанности для некоторых членов. Я был избран единогласно организатором и руководителем группы. Нежелский Ефим Андреевич был избран моим заместителем, Попов Иван Иванович – секретарем (так он потом и остался секретарем первого Совета рабоче-крестьянских и солдатских депутатов в Подкущевке), Самсонов А.М. – военным руководителем, Тютюнников Никодим Александрович – начальником местной самообороны. У всех членов группы, за исключением Попова и Барыбина, имелось оружие, привезенное с фронта (винтовки и патроны к ним, а у меня и у Нежелского еще и наганы, у Самсонова – наган и браунинг, который он передал Попову). На этом же заседании было решено создать еще вооруженную команду, но оружия для нее не было. Знали мы, правда, что у некоторых фронтовиков оружие есть, но не всякому можно было говорить об организации. Поэтому каждому члену группы было поручено проводить частные беседы среди своих родственников и близких друзей, а в беседах больше касаться темы об организации вооруженной красногвардейской дружины, которая могла всегда быть готовой ко всякой случайности, а вообще нести местную охрану. Таким образом, был создан хороший актив из фронтовиков и молодежи и выявлено наличие оружия. Оказалось примерно 100–110 винтовок и к ним приличное количество патронов (не меньше 200 штук на винтовку), несколько наганов, штук 30 ручных гранат и 7 кавалерийских шашек. Этим оружием можно было вооружить до 150 человек. Тогда группа «Тринадцать» на очередном заседании приняла решение в ближайшее время созвать общее собрание, на котором открыто поставить вопрос о ликвидации комитета общественной безопасности, о выборах Совета рабоче-крестьянских и солдатских депутатов и об организации красногвардейской дружины в порядке добровольной записи. В одно прекрасное утро ударил церковный колокол (так раньше собирали на собрание). Собрание было созвано на церковной площади, на которой еще в 1905 г. проходили митинги. На собрание пришло почти все взрослое население Подкущевки. На этом собрании председательствовал я. Я же делал и доклады по обсуждавшимся вопросам. По вопросу о выборах совета нашлись противники с эсеровскими и меньшевистскими убеждениями (Малютин Иван Филиппович, Оверченко Петр Тихонович, Удовиченко Алексей Иванович, Мирочкин Иван Андреевич). Они пытались запугать бедноту тем, что рядом кущевский атаман с казаками и на станции Степной калединский офицерский полк. Тогда пришлось выступить некоторым членам группы «Тринадцать» и дать отпор этим попыткам. Выступали Рубан М.А., Попов И.И., Нежелский Ефим Андреевич, Барыбин Е.А. Я в своем выступлении резко заявил, что подкущевцам не будет большей беды, чем та, которую они пережили, а все, кто попытается мешать нам устанавливать советскую власть, новую жизнь и проводить в жизнь лозунг партии большевиков и законы советской власти, будут крепко биты. Обратился с призывом вступить в последний бой с контрреволюцией. Наши выступления произвели большое впечатление. Большинство населения Подкущевки, за исключением нескольких зажиточных, решило распустить комитет общественной безопасности, а вместо него избрать Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, но ввиду позднего времени решили выборы совета перенести на завтра и тут же начали производить запись добровольцев в боевую красногвардейскую дружину. Первыми в нее записались члены группы «Тринадцать», за исключением Бойко, Барыбина, Матяшева, Нежелского. В первый день записалось около 100 человек. На следующий день собрание было созвано вновь (это было 6 или 7 января 1918 г.), где и были выбраны члены совета. Чтобы не обострять отношений с зажиточной частью подкущевцев, согласились председателем совета избрать зажиточного мужика, имевшего батраков, Головацкого Мефодия Ивановича, но заместителями его были избраны члены группы «Тринадцать» – Рубан Мефодий Андреевич и Нежелский Ефим Андреевич, а секретарем первого совета был избран секретарь группы «Тринадцать» Попов Иван Иванович. Кроме того, Рубан М.А. был избран председателем продовольственного комитета, а продовольственный

вопрос был, пожалуй, самым острым. Происходила тяжелая борьба со спекуляцией, мешочничеством, конфисковывались продовольственные запасы, а особенно хлебные, у крупных помещиков, кулаков, торговцев, и снабжалась беднейшая часть населения. В Подкущевке особенно много было таких нуждающихся, уже тогда голодавших, а особенно семьи солдат, не вернувшихся с фронта, хотя хлеба было здесь очень много, но он находился у кулаков да помещиков, а их защищали атаманы и войска Каледина. Но, несмотря на все это, уже с первых дней января 1918 г. стал функционировать Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и проводил в жизнь политические, экономические вопросы, но нам было очень тяжело, так как мы были отрезаны от революционного мира. Ни с кем не было связи, мы не получали никаких указаний инструкций. У нас не было опыта революционной борьбы. Мы руководствовались революционным сознанием и тем, что поняли на фронтах. Группа «Тринадцать» являлась как бы большевистской фракцией при совете. Все назревавшие вопросы обсуждались на заседании группы, а затем выносились на обсуждение совета, а при надобности и на общее собрание.

Очень важным вопросом был вопрос добывания оружия, так как у многих, записавшихся в дружину, его не было. Мне и Петрову пришлось дважды ехать в Ростов в подпольный областной комитет партии большевиков и обращаться к самому товарищу Васильченко¹ по поводу оружия. Нам обещали, и оружие было, но доставить его к нам было нельзя. Тогда Васильченко посоветовал обратиться в ревком в г. Тихорецке. В Тихорецк ездили я и Нежелский. Мы договорились с ревкомом, и они согласились доставить нам 400 винтовок и пулемет, но когда представится такая возможность. К счастью, она вскоре представилась, и мы получили обещанное оружие. Когда мы вооружили первую группу, мы решили взять под охрану все мосты через реку Ею, в том числе и железнодорожный мост главной линии Владикавказской железной дороги, а также взять под охрану почту в станице Куцевской и железнодорожную станцию Куцевскую. До этого эти объекты никем не охранялись; на этих участках круглосуточно дежурили наши караулы, строго соблюдая воинскую дисциплину и порядок, особенно на станции, где приходилось вести борьбу с мошенничеством и спекуляцией, вылавливать беглых контрреволюционеров, а особенно переодетых офицеров, которые пытались тайно пробраться на Кубань и на Кавказ. Их ловили и отправляли в Тихорецкий ревком, а некоторых в штаб генерала Духонина².

Кроме того, наши караульные обращались с призывом к солдатам, едущим с фронтов домой с оружием, отдать это оружие своим товарищам-большевикам, и многие сдавали, а для оправдания просили расписки, так как думали перед кем-то отчитываться. Нам удалось собрать еще десятка три винтовок, много патронов, несколько шашек и четыре нагана.

После вооружения дружины и выборов совета подкущевцы решили провести массовую демонстрацию, чтобы показать свою готовность к борьбе с контрреволюцией. Демонстрация была приурочена к 9 января 1918 г. День был погожий, теплый, в Подкущевке собралось много народу. При полном боевом вооружении дружина (были и флаги слозунгами «Мир хижинам, война дворцам», «Вся власть Советам», «Заводы и фабрики – рабочим, земля – крестьянам») сначала собралась на церковной площади. Провели митинг. Сюда пришло много людей и из Куцевской. После митинга прошли по улицам Подкущевки, а затем решили пройти по станице Куцевской. Все демонстранты пели революционные песни. По дороге к нам присоединились куцевские мастеровые и бедные казаки. Атаман никаких мер против демонстрации не предпринял, видимо, боялся. Эта демонстрация подняла боевой дух мастеровщины и бедной части казачества. Сейчас, конечно, легко писать об этом, но тогда все это было нелегко.

На очередном заседании совета группа «Тринадцать» внесла на обсуждение совета следующие вопросы: провести немедленно у кулаков точный учет всех продовольственных и семенных материалов, взять на учет весь крупный и мелкий рабочий скот, взять на учет

¹ Васильченко Семен Филиппович (1884–1937) – профессиональный революционер-большевик. В 1917 г. возглавлял Ростово-Нахичеванский комитет большевиков. В конце 1917 г. активно участвовал в боях с калединцами. После захвата А.М. Калединым Ростова бежал в Харьков.

² После жестокого убийства 20 ноября 1917 г. в Могилеве генерал-лейтенанта Н.Н. Духонина, выражение «отправить в штаб Духонина» стало означать смертную казнь.

всю землю, разбить ее на качественные категории, конфисковать землю у кулаков и помещиков и приступить к наделению землей бедняков, и начать подготовку к весенним полевым работам. Те предметы, кои принадлежат изъятию у кулаков, но их некуда деть, так как у совета нет складских помещений, оставлять у тех же владельцев под сохранные расписки с предупреждением о строжайшей ответственности в случае израсходования или уничтожения таковых. Все эти мероприятия проводились в очень строгом порядке. Никакой поправки кулакам не давалось. В проведении этих мероприятий активно участвовали мастеровые и бедняки Подкущевки, но и кулаки упорно сопротивлялись, так что иногда приходилось браться за оружие, чтобы заставить их признать советскую власть.

Было принято и такое решение на заседании совета, чтобы послать в Москву и Петроград двух человек для связи с центром и получить указания, как действовать. Были посланы члены группы «Тринадцать» Самсонов и Барыбин, которым было поручено добиться приема у В.И. Ленина, но этого им не удалось. Их приняли в секретариате Совета народных комиссаров¹ и дали руководящие указания, некоторую литературу, но им пришлось долго добираться домой, так как по дороге часто происходили бои с контрреволюцией, а за это время Ростов был занят советскими войсками и в нем была организована советская власть. Организовался областной центр советской власти в марте 1918 г. Тогда и нам стало легче. Из Ростова мы стали получать указания и даже некоторую материальную помощь, а до этого было очень тяжело, потому что у нас совершенно не было материальных средств и занять было неоткуда, даже на канцелярские принадлежности.

Как уже сказано выше, нам приходилось вести жестокую борьбу со спекулянтами, а через Кущевскую и Подкущевку пролегал большая дорога от Новороссийска от Черного моря и до Москвы, так называемый Обрезной шлях. И вот однажды мне, как председателю продовольственного комитета, доложили, что задержаны на мосту нашей охраной крупные спекулянты с продовольствием. Четыре спекулянта с четырьмя подводами везли очень много сала свиного (более 100 пудов), масло, яйца. Мы конфисковали у них не только продукты, но и транспорт, а их отпустили. Тогда они пробрались в Петроград в Совнарком и каким-то образом достали мандат за подписью самого Троцкого² со строгим указанием о немедленном возвращении всех продуктов. Документ вызвал переполох, но и недоверие. Я решил не починаться распоряжению. Вся ответственность за это я взял на себя, а самих спекулянтов приказал арестовать и отправить в Тихорецкий ревком. После проверки в ревкоме оказалось, что это не только крупные спекулянты, но и матерые шпионы, а их мандат на возврат продуктов оказался липовым. Этим спекулянтов отправили в штаб генерала Духонина.

Я как-то узнал, что в Кущевской работает какая-то комиссия по закупке свиного сала для армии, а для какой армии было неизвестно. В комиссии был какой-то полковник и один кущевский делец, господин с контрреволюционными наклонностями (Карпенко Ф.С.). Сала у них было наготовлено очень много (больше вагона и полный подвал Лопуховской аптеки). Вот я и обратился в эту комиссию, чтобы продать им часть конфискованного сала. Они согласились купить его у нас. За него мы получили около 600 рублей, и отсюда Подкущевский совет черпал свои средства. Но в скором времени мы все это сало конфисковали, а полковника отправили в Тихорецкий ревком, а когда пришли наши войска в Кущевскую и вообще на Кубань, то все это сало было передано воинским частям.

Таким образом, Подкущевка была как бы колыбелью революции для многих кубанских сел. В полном контрреволюционном окружении подкущевцы под руководством совета и подпольной группы «Тринадцать» проводили политику партии большевиков и выполняли указания великого вождя мирового пролетариата В.И. Ленина...

В феврале 1918 г. первой группе Подкущевской красногвардейской дружины в количестве 106 человек командованием было предложено сформировать команду бронепоезда, а в Тихорецке в ускоренном порядке был оборудован, так сказать, бронепоезд.

¹ Правительство Советской России в 1917–1946 гг. Председателем Совнаркома в 1917–1924 гг. был В.И. Ленин.

² Троцкий Лев Давидович (1879–1940) – один из лидеров большевиков, активный участник Октябрьской революции и Гражданской войны. В первом советском правительстве – народный комиссар по иностранным делам, затем – военным и морским делам.

Были заняты три платформы, две из них пульмановские¹ с высокими железными бортами, в которых перевозят сыпучие грузы, третья – обыкновенная открытая платформа. Изнутри навесили листы кубового железа и получились двойные стенки. Пустоту между ними заполнили песком. Внутри сделали подмости из шпал, на которых установили 3-х дюймовые орудия, по два орудия на каждую платформу, а два крытых товарных вагона оборудовали под пулеметы. В нижней части стен были прорезаны люки для пулеметов (по два люка с каждой стороны). Было установлено 8 пулеметов, и один вагон был оборудован под команду пеших разведчиков. Вот и готов бронепоезд. Командный состав его был весь из подкущевцев. Командиром бронепоезда был назначен Кузенев Тимофей Петрович, его заместителем Рубан Мефодий Андреевич, командиром артиллерии Мамонов Николай Васильевич, командиром пеших разведчиков Тютюнников Никодим Александрович. Сначала наш бронепоезд не имел никакого названия, но после первых боев кто-то ночью написал огромными буквами на стенках вагонов «Истребитель № 1», и он действительно стал истребителем и грозой для белых на Северном Кавказе. Командование белой армии обещало большую награду тому, кто уничтожит наш бронепоезд, но так никто и не удостоился этой награды. Бронепоезд существовал, уничтожал контрреволюционеров, но и терял своих людей. Первой жертвой в начале марта 1918 г. стал боец команды разведчиков Ищенко Алексей Гордеевич. Он погиб в боях с корниловцами² близ станции Крыловской.

Наш бронепоезд командование часто перебрасывало с одного участка фронта на другой, так как бронепоездов у нас было мало. Приходилось участвовать в боях непрерывно по несколько суток, так что с трудом находили время, чтобы заправить паровоз горючим и водой. Наш бронепоезд непосредственно участвовал в разгроме Корнилова в Екатеринодаре³ и 13 апреля 1918 г., когда убит был Корнилов, бронепоезд своей артиллерией уничтожил дачу Слюсарева, где находился полевой штаб Корнилова, и где он был убит осколком снаряда. Потом мы принимали участие в боях в Ростове в мае, когда немцы занимали город, а с 24 июня по 11 июля 1918 г. бронепоезд участвовал в упорных боях по линии Тихорецкая-Торговая. 1 июля на станции Развильная был убит командир взвода разведчиков Ключков Иван Степанович и два бойца команды брата Скубины (Михаил и Федор), совсем еще юноши, а 4 июля часов в 8 утра был смертельно ранен любимец команды командир бронепоезда «Истребитель № 1» Кузенев Тимофей Петрович. Ему ничем не могли помочь, т.к. не было медикаментов, а главное, никого не было из мед[ицинского] персонала. Ранен был командир разрывной пулей в живот. Его быстро на ходу втащили в вагон, вправили внутренности, перевязали полотенцем. Он лежал и даже не стонал, хотя был в полном сознании, пытался даже командовать. Потом он попросил дать ему полевую сумку, достал оттуда деньги, принадлежавшие команде (жалованье и хозяйственные нужды), затем достал свои личные 300 рублей и два кольца: одно обручальное, а другое с бирюзой – все это он передал нам и просил то, что принадлежало ему, передать его семье. У него была жена и маленький сын. Но особенно он просил товарищей и меня о том, что тот, кто вернется домой, пусть не забудет его семью. И я никогда не забывал его семью. Потом его сын умер уже взрослым, а жена вышла замуж... Но нас поразила выдержка командира, а ведь он был разорван почти пополам. С этой раной он жил с 8 утра до 2 часов дня. А в 3 часа подошла санитарная летучка и привезла гроб.

Тело командира перенесли в летучку, выделили человек 8 из команды для сопровождения тела в родную Подкущевку для похорон. А бронепоезд и его команда остались на линии и мстили за своего командира.

Так подкущевские орлы в течение 1918 г. били белогвардейских гадов, за что не раз получали похвалу и благодарность от высшего командования 11 армии. А 9 февраля 1919 г. бронепоезд пришел в Кизляр. Здесь был тупик. На станции Шелков[ск]ой близ Кизляра мы

¹ По имени американского изобретателя и промышленника Д.М. Пульмана, создателя компании «Пульман», строившей вагоны для железных дорог.

² В данном случае имеются в виду части Добровольческой армии, главнокомандующим которой являлся генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов (1870–1918).

³ В настоящее время – Краснодар.

уничтожили на своем бронепоезде все, что можно было уничтожить, а в это время скончался наш раненый боец из Екатеринодара с рабочей Дубинки, его похоронили тут же на путях, и он остался вечным часовым около бронепоезда.

Мы же пошли через астраханские пески, унесшие так много жизней защитников Октябрьской социалистической революции. Немало и подкущевских орлов осталось там. А из тех, кто остался жив, многие попали в славную 33-ю Кубанскую дивизию, командиром которой был назначен М.К. Левандовский, бывший командующий 11-й армией на Северном Кавказе¹. Некоторые товарищи по состоянию здоровья попали в госпиталь и после выздоровления были направлены в разные воинские части Красной армии. Меня в Астрахани медицинская комиссия уволила из рядов Красной армии как инвалида второй группы, но в мае 1919 г. я добрался до Украины, где мне с большим трудом удалось вступить в ряды Красной армии, и меня направили в г. Луганск в 33-й автобронепоезд в качестве помощника командира бронемашин.

Вторая группа подкущевских красногвардейцев и красных партизан в количестве, примерно, 260 человек участвовала в боях против белогвардейцев и немцев под Ростовом, Мечетинской, Кагальницкой в составе отряда легендарного командира Жлобы Дмитрия Петровича, а когда сформировался 1-й Южнодонской полк, подкущевцы целиком составили 6-ю роту и пулеметную команду этого полка со своим командным составом. Командиром роты был избран Карпекин Иван Семенович, а когда Карпекина отозвали в дивизию, на его место избрали Марочкина Ивана Борисовича, и все время героически сражались с белыми. А когда в сентябре 1918 г. Жлоба сформировал 1-ю «Стальную» дивизию, в нее вошел и 1-й Южнодонской полк, а вместе с полком вошли и подкущевцы, а Жлоба был очень высокого мнения о подкущевцах, т.к. неоднократно бывал в Подкущевке и многих из них знал лично, особенно членов группы «Тринадцать». «Стальная» дивизия вошла в историю Гражданской войны своими делами, [особенно] после царицынских боев, где особенно отличилась «Стальная» дивизия Жлобы.

В 1919 г., когда сформировалась 1-я Конная армия под командованием С.М. Буденного², много подкущевцев вступили в нее. Так сражались подкущевцы. После войны было установлено, что активными участниками Гражданской войны было более 300 человек подкущевцев. А это было много на 322 двора. Это значит, что с каждого двора Подкущевки было 2 участника Гражданской войны. Например, из семьи Безриды Бориса Акимовича, которому тогда было 70 лет, 6 сыновей добровольно ушли воевать в Красную гвардию и красные партизаны. Трое вернулись домой, а трое погибли на фронте, да и самому Борису Акимовичу в первый же день занятия белыми Подкущевки досталось 25 шомполов и приказали ему убрать трупы убитых самими белыми людей. Головорезы генерала Покровского³, зная об участии многих подкущевцев в боях против белогвардейцев, 18 июля 1918 г., как рассказывают очевидцы, на рассвете ворвались на Подкущевку, а с ними и кущевские казаки-богатеи, и во всех домах семей красногвардейцев и партизан начали жестокую расправу и повальный грабеж. Под видом поиска оружия насиловали молодых женщин и девушек, а мужчин, которые не ушли с Красной армией, сгоняли на церковную площадь, оцепленную бандитами, тут же у двух акаций, где еще в 1905 г. проводились митинги, в конце 1917 г. проводили собрания и выборы Совета рабоче-крестьянских и солдатских депутатов, бандиты чинили свою расправу. Они составили какой-то суд под председательством полковника, главаря этой банды. Он восседал за столом, к нему подносили обреченных, и он много не разговаривал. Спрашивал фамилию, а затем приказывал идти. Как только человек поворачивался спиной, палачи стреляли ему в затылок. Так они расстреляли 11 человек, а двух выпороли шомполами. Наказанные были в большинстве людьми пожилыми. Остальные обреченные ждали своей участи за оградой.

¹ Левандовский Михаил Карлович (1890–1938) – советский военачальник, активный участник Гражданской войны на Северном Кавказе,

² Буденный Семен Михайлович (1883–1973) – советский военачальник, один из создателей красной кавалерии в годы Гражданской войны, командующий 1-й Конной армией в 1919–1923 гг.

³ Покровский Виктор Леонидович (1889–1922) – генерал-лейтенант, активный участник Гражданской войны на юге страны. В 1918 г. – командующий Кубанской армией, затем на различных должностях в Добровольческой армии. Его действия отличались особой жестокостью.

Но спасла их только случайность. Вдруг из-за бугра показался отряд кавалерии. Вскоре все увидели, что это донские казаки. Люди еще больше пали духом, так как считали, что сейчас начнется еще более жестокая расправа. Среди арестованных находился подкущевский поп, арестованный за грубость кубанцам. Они сочли его защитником большевиков. И когда казачий командир (полковник) подошел к ограде, чтобы выяснить, что там за люди, он вдруг узнал попа Владимира, с которым дружил в детстве и учился в училище. Он бросился к нему, назвал себя, так как поп его сразу не узнал. Поп все рассказал ему и даже кое-что преувеличил. Будучи злым на кубанцев, казачий полковник приказал им убираться с Подкущевки и заявил, что они сами наведут порядок. Вот это неожиданное обстоятельство и спасло остальных. Об этом рассказывал сам поп, а, главное, местный учитель Попов Сергей Иванович, находившийся за оградой и ждавший своей участи (два его брата были красногвардейцами, да и сам он принимал участие в общественной жизни Подкущевки). Это далеко не все. О подкущевцах нужно книгу написать... А что делали местные кулаки с подкущевской беднотой? Они [наложили] на семьи красногвардейцев и партизан контрибуцию, чтобы возместить убытки, нанесенные им революцией. Особенно отличились крупные кулаки, такие, как Кролевецкий Иван Михайлович с сыновьями (Петром и Иваном), Кролевецкая Варвара Васильевна, Фоменко Терентий Амвросиевич, Луценко Иван Федотович, да у них нашлись еще помощники из подкущевцев: Малютин Иван Филиппович, Оверченко Петр Тихонович, Удовиченко Алексей Иванович, Марочкин Иван Андреевич, Козачинские Даниил Иванович и Федосей Данилович; сельские старосты: Зацеплин Тихон Захарович и Нестеренко Михаил Афанасьевич. Они ходили по домам, угрожали расстрелом и виселицей, выжимали контрибуцию. Обнаглели до того, что когда нечего уже было взять, забирали иконы.

Но вот пришел 1920 г. Открытые силы контрреволюции на юге нашей страны были разгромлены, но Гражданская война еще не была кончена. Контрреволюция ушла в подполье и действовала через таких типов, как Малютин, Удовиченко и им подобные.

В Подкущевку стали понемногу прибывать фронтовики Гражданской войны, уволенные из армии по возрасту или по инвалидности. 9 апреля 1920 г. прибыл и я прямо из Нижнегородского госпиталя, в Ростовском военкомате прошел врачебную комиссию, где второй раз дали мне чистую отставку и признали инвалидом второй группы Гражданской войны, с заключением: «Переосвидетельствованию не подлежит». Тогда я еще ходил на костылях. 13 апреля 1920 г. меня на общем собрании граждан избрали председателем Подкущевского сельсовета, где я и начал воевать в новых условиях: ликвидировать разруху и восстанавливать хозяйство. Вскоре меня избрали на волостном съезде Советов нашей Ильинской волости членом Президиума волостного исполкома, а в мае 1920 г. на окружном Съезде Советов Ростовского округа – членом окружного исполкома. 10 мая в Подкущевке была организована ком[мунистическая] ячейка, в которую вступило сразу 28 человек подкущевцев. Работали активно и дружно, а 20 июня первой на далекую округу из семей красногвардейцев и партизан мной была организована сельскохозяйственная артель «Красная Звезда», в которую вступило 22 семьи – около ста едоков. Председателем артели выбрали меня. Приходилось работать председателем совета и артели.

По ходатайству артели заняли имение и 400 десятин земли Кроливецкой Варвары Васильевны, которая сбежала еще до прихода Красной армии. Хотя в имении ничего живого не осталось, за исключением надворных построек да хлебного зерна в амбарах, но и это очень помогло бедноте на первых порах. Это был семенной и продовольственный материал, живой и мертвый инвентарь приходилось брать у окружающих кулаков и снабжать артель, так как у членов артели совершенно ничего не было. Кроме того, пришлось прибегнуть не к совсем законным действиям. Через Подкущевку проходила самая большая в нашем крае грунтовая дорога, а по ней часто проезжали кочующие цыгане, и вот я, как председатель совета, решил использовать это обстоятельство и решил хотя бы временно использовать их лошадей. Но предварительно провел это решение через общее собрание. И вот однажды я задержал целый табор цыган – 16 кибиток, а это 16 пар добрых лошадей на 4 двухлемешных плуга (по две пары на плуг, а 4 плуга 4 десятины в день вспашут, а то и больше). Табор я отправил в имение и сам туда выехал. Дал указание цыган не обижать, а лошадей использовать на пахоте и беречь их, а самим цыганам выдал 5 пудов белой муки,

и цыгане были довольны. Поработали они в колхозе дней 10 и вспахали 50–60 десятин зяби. Когда я отпустил их, они были довольны и благодарили за хлеб, но сказали, что [по] этому шляху больше ездить не будут.

По Ростовскому округу начали создаваться колхозы и коммуны. К весне 1921 г. уже было 22 колхоза и две коммуны по указанию из центра, Наркомзема¹, создать на местах колхозные центры, союзы колхозов от районных до областных и до центросоюза. Поэтому 10 марта 1921 г. был созван районный съезд колхозов Самарского района Ростовского округа, куда входил и наш колхоз «Красная Звезда». Я был избран от своего делегатом на этот съезд колхозов и 10 марта был избран районным съездом председателем райколхозсоюза Самарского района с центром в селе Новобатайском. На этом же съезде был избран членом президиума окружного союза колхозов. Кажется, я увлекся личными воспоминаниями.

Итак, после окончания Гражданской войны в Подкущевку стали возвращаться герои. Подкущевка принимала очень печально: все разрушено, семьи голодают, а герои возвращались в большинстве инвалидами, да и возвратились далеко не все. Завоевывало советскую власть 357 человек, а вернулось 118. И начала подкущевская беднота приспосабливаться к сельскому хозяйству. Приспосабливаться было тяжело, так как инвентаря не было, даже лопату или вилы не на каждом дворе можно было найти. Раньше инвентарь и не нужен был, так как работали не кулаков, а теперь нужно было работать на себя. С большим трудом бедняки начали приобретать хоть каких-нибудь лошадей, но один на одной лошади ничего не сделаешь, а в колхозы мало еще шло, так как не понимали значения коллективного труда.

А тут еще кулачье и всякая контра вместе с попами агитировало против колхоза, а вокруг рыскали всякие банды, нападавшие на советы, колхозы, совхозы, убивали советских работников, активистов. Подкущевцам приходилось вооружаться и ликвидировать банды. Почти каждую ночь в Подкущевке собирались вооруженные группы и несли караульную службу, чтобы не быть застигнутыми врасплох. Ездили даже в поле работать с оружием.

Много подкущевских партизан работали в продотряде, который проводил работу по выполнению продразверстки и по выявлению кулацких хлебных тайников.

Но вот наступил 1921 г., бедняки начали группироваться в спряжки, чтобы по 3–4 человека пахать. Нужно было впервые сеять свой хлеб. Но посев был горький и трудный. У кулаков уже всходы зеленели, а беднота все сеяла, но засеяла все же много. Но 1921 г. был засушливым и неурожайным, поэтому почти все, что засеяла беднота, осталось на полях, и косить нечего было. Кое-кто пытался убирать урожай руками, вырывая посев из земли, но и при таком способе уборки даже семян не вернули. И начался на Подкущевке голод. Люди начали бежать из родных гнезд в поисках спасения. Но и там, куда они бежали, умирали от голода. Родители отвозили своих детей в город и там бросали их на произвол судьбы. И помочь беднякам не было никакой возможности. Даже колхозники стали разбегаться, разбежался и колхоз «Красная Звезда», в котором осталось всего три семьи. Этим пользовалось кулачество и прятало хлеб, и уничтожало его, а сами делали вид, что сами голодают. Так, например, один богатый кулак Подкущевки Кролевецкий ранней весной 1922 г., в самый разгар голода высыпал в реку Куго-Ею 18 мешков белой пшеничной муки. И еще тяжелее от того, что делал это его сосед середняк Фоменко, у которого семья пухла от голода. Об этом рассказал сам Фоменко в 1926 г., когда сам Кролевецкий куда-то сбежал. А голод был таким, что люди ели кошек и собак. Впрочем, это было не только в Подкущевке. Наконец, зимой 1922 г. были изъяты ценности из подкущевской церкви для спасения голодающих, но их оказалось очень мало, и помощь от них была невелика.

К весне 1923 г. подкущевская ком[мунистическая] ячейка и сельсовет совместно с активом партизан и бедноты предложили верующим снять колокола с церквей. Поп упорно сопротивлялся и вел усиленную агитацию среди верующих. Насильно снять колокола нельзя было, тогда прибегли к другим способам: стали посылать голодных людей с детьми просить помощи у попа, были проведены общие собрания граждан, на которых выступали коммунисты и активисты. Наконец, поп согласился снять три самых больших колокола. Весили они много (один – 136 пудов 12 фунтов, второй – 42 пуда 36 фунтов, а третий – свыше 18 пудов). Решили приурочить это дел к 23 апреля (ко дню рождения

¹ Народный комиссариат земледелия РСФСР.

В.И. Ленина¹). Подкущевцы первыми провели в жизнь такое мероприятие, как снятие колоколов и закрытие церкви. С большим трудом удалось снять колокола и переправить их в Ростов, чтобы продать заводу сельхозмашин «Красный Аксай», а деньги пошли голодающим. В 1923 г. в Подкущевке был организован детский дом, который удалось оборудовать с большим трудом и обеспечить самым необходимым. Частично за счет добровольных пожертвований, а частично за счет средств, имевшихся в сельсовете. А с продуктами питания пришлось нажимать на кулаков и действовать иногда незаконно, но нужно было спасать людей от голодной смерти, особенно детей, родители которых умерли или были не в состоянии содержать их. В детдоме было собрано 100 детей и при нем организована столовая, где раз в день выдавалась голодным людям бесплатно хоть какая-нибудь пища и кусок хлеба. Тем, кто не в состоянии был ходить, носили пищу на дом. Так подкущевская беднота преодолевала суровое испытание, и в то же время велась борьба с кулаками и бандами, рыскавшими вокруг. Так, в мае 1922 г. в разгар голода была разгромлена банда хорунжего Дубины. В результате ранили Дубину, захватили в плен его адъютанта, самого Дубину с остатками его банды ликвидировала воинская часть, присланная сюда для борьбы с бандитизмом. Адъютант Дубины на обширном митинге в Кущевке выдал всех казаков, активно содействовавших банде. Они получили по заслугам.

Так Подкущевка стала примером в деле защиты советской власти для окружающих сел.

Весной 1924 г. в Подкущевку приехал товарищ Микоян², бывший тогда секретарем краевого комитета Коммунистической партии Северокавказского края и с ним председатель Дноблисполкома Советкин, чтобы оказать Подкущевке хоть какую-нибудь материальную помощь. Они выдали денежные средства на покупку трактора «Фордзона». Подкущевцы купили трактор и организовали новый колхоз «Спартак» и заняли то же имение Кролевецкой. В него вступили старые члены колхоза «Красная звезда», которые остались живыми. После голода экономическая жизнь подкущевцев стала налаживаться и крепнуть. Начали создаваться и другие колхозы и сельскохозяйственные товарищества. Советское правительство стало отпускать долгосрочные кредиты для залечивания ран, нанесенных контрреволюцией и голодом. Начали восстанавливаться и действовать промышленные предприятия. Многие начали работать по специальности, а молодежь пошла учиться. Многие из подкущевцев стали теперь врачами, агрономами и учителями... В старое время эту молодежь ждала нищета и каторжная работа на кулаков и помещиков. Трудно найти слова для выражения благодарности тем, кто не щадил свою жизнь и шел на борьбу с врагами трудового народа, за права и достоинство трудового человека. А подкущевцы шли в авангарде этих борцов. Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценило революционные и боевые заслуги подкущевцев. В 10-ю годовщину Красной армии в 1928 г. постановлением Президиума Центрального исполнительного комитета СССР от 20 февраля 1928 г. 6 человек – подкущевских красногвардейцев и красных партизан – были награждены боевыми орденами «Красное Знамя». А постановлением Реввоенсовета СССР 12 человек – боевыми Почетными грамотами.

Эти боевые награды еще больше воодушевили подкущевцев, и они еще активнее стали работать.

Но в том же 1928 г. Кущевский райком КПСС³ и райисполком решили ликвидировать Подкущевский сельсовет, даже не поговорив об этом с подкущевцами. Я в то время, будучи председателем Подкущевского сельсовета, пытался воспротивиться этому решению, но ничего не помогло, и я был вынужден сдать дела председателю Кущевского станичного Совета. Но я оставил заявление о том, что, подчиняясь административно, оставляю за собой право обращаться в высшие органы власти по этому поводу. Собрал общее собрание подкущевцев, актив красных партизан, где было принято решение обратиться с жалобой

¹ День рождения В.И. Ленина – 22 апреля.

² Микоян Анастас Иванович (1895–1978) – советский государственный и партийный деятель, первый секретарь Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б) в 1924–1926 гг.

³ В то время – Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (Коммунистическая партия Советского Союза – с 1952 г.).

лично к Председателю Президиума ЦИК СССР Калинину М.И.¹, что и было сделано. А в скором времени Президиум ЦИК СССР предложил крайисполкому немедленно восстановить Подкущевский совет. А председателю крайисполкома и райисполкома вынесли выговоры за неправильные действия. Справедливость восторжествовала. Ведь этот Совет рабоче-крестьянских и солдатских депутатов надо признать как исторический памятник революционной борьбы на Северном Кавказе, так как он был создан самым первым в этих местах в первые дни 1918 г. в полном окружении контрреволюции и белогвардейских банд и существовал, пока не отступила Красная армия и не надвинулась всей массой белая армия и немецкие захватчики. Почти все члены совета ушли на фронт и с оружием в руках принимали участие в Гражданской войне против контрреволюции.

После восстановления совета подкущевцы продолжали налаживать жизнь.

В конце 1929 г. началась сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса. В этом мероприятии подкущевские партизаны и беднота приняли самое активное участие. Кулаки были поголовно высланы, их имущество обращено в колхозное достояние.

В то время на Подкущевке из мелких колхозов был создан колхоз-гигант «Имени 12-й годовщины Октябрьской революции». Но в этом была и некоторая ошибка: получилась неохватываемость руководством столь крупного хозяйственного объекта, так как в ведении Подкущевского совета земли было около 20000 гектар (позже часть ее отошла к Степанянскому зерносовхозу), да и населенные пункты кварталов были разбросаны километров на 8–10, из-за этого иногда происходили недоразумения и неполадки в работе колхоза. Поэтому в скором времени пришлось разукрупнить гигант и сделать в Подкущевском сельсовете три колхоза (в самой Подкущевке – «12-я годовщина», а на кварталах – «Им[ени] 3-го Интернационала» и «Им[ени] Сталина»). Тогда дела пошли нормально.

Весной 1935 г. партизаны написали письмо Шолохову, в котором излагалась краткая история Подкущевки. Письмо его заинтересовало и в июле 1935 г. Шолохов приехал в Подкущевку, где пробыл 2 или 3 дня, беседуя с партизанами. Шолохов считал, что о Подкущевке нужно написать книгу, но сожалел, что не может написать ее сам, так как у него много работы, и он поручил мне и Попову написать ее, а сам брал на себя обработку и издательство этой книги под нашим авторством. Но так ничего и не вышло, так как в скором времени высшие командиры (Жлоба, Ковтюх² и другие) попали под рубрику «врагов народа» и которых, к великому сожалению, потом не стало. Потом началась Великая Отечественная война. Связь с Шолоховым оборвалась, а в настоящее время у него еще больше накопилось новых дел об Отечественной войне, но все же он в своих произведениях в 8 томе (стр. 116 и на стр. 374), хоть немного, но ясно и правдиво написал о героической Подкущевке. Есть еще исторический материал в Краснодарском краеведческом архиве³ и крайисполкоме, и в Центральном музее Советской армии в Москве⁴.

Много подкущевцев участвовало в Отечественной войне. Среди них много потомков красногвардейцев и красных партизан, да немало и самих партизан и красногвардейцев, добровольно ушедших воевать. Многие из них так и не вернулись. Немало подкущевцев стали боевыми офицерами. У каждого грудь украшена несколькими боевыми орденами и медалями. После окончания войны Кущевским райкомом КПСС и райисполкомом в 1949 или 1950 г. все подкущевские и кущевские колхозы были объединены в один колхоз

¹ Калинин Михаил Иванович (1975–1946) – советский государственный и партийный деятель, занимавший номинальные должности главы Советского государства: председатель Центрального исполнительного комитета СССР от РСФСР в 1922–1938 гг., председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1938–1946 гг., член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1926–1946 гг.

² Ковтюх Елифан Иович (189–1938) – советский военачальник, активный участник Гражданской войны на юге страны, комкор. В 1937 г. арестован и затем расстрелян.

³ Вероятно – Краснодарский историко-краеведческий музей (в настоящее время – Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник имени Е.Д. Фелицына) или Государственный архив Краснодарского края.

⁴ В настоящее время – Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации.

«Им[ени] С.М. Кирова», к котором земли насчитывается не менее 40 тыс. га, а территория колхоза простирается километров на 25.

Вместе с укрупнением колхозов на Подкущевку обрушилась новая несправедливость. Кущевский райком КПСС и райисполком вынесли решение ликвидировать Подкущевский совет, а саму Подкущевку объединить со станицей Кущевской, назвав ее просто окраиной станицы. В 1953 или 1954 г. это решение было приведено в исполнение, и героической Подкущевки, как ее назвал Шолохов, как таковой более не существует, а есть действительно темная, забытая окраина станицы, которая теперь находится на положении пасынка как у станичного совета, а равно и у районных руководителей. Там до сих пор не проводилось и [не] проводится совершенно никакого благоустройства, за исключением того, что развешены по улицам десятков лампочек, да и те не всегда светят. Да установлено 3–4 водоразборных колонки, также на всю территорию, и люди в грязь и непогоду предпочитают сидеть лучше без воды, чем месить такую грязь, а если нужно купить керосин, то человек вынужден идти два километра в центр станицы, чтобы купить такую роскошь. Еще хорошо, что в 1967 г. построили мост через реку, а то люди, буквально, тонули в грязи. Но если этот мост и дальше будет оставаться в таком состоянии, окончательно недостроенным, то он скоро придет в негодность, его разобьют преждевременно, а он стоит немалых средств. И все это происходит на виду у станичных и районных властей. Я выражаю общее мнение и мечту всех подкущевцев и считаю, что нельзя было ликвидировать Подкущевский совет. Такой совет нужно оставить, как живой памятник революционной борьбы, чтобы всегда можно было бы на факте показать молодому поколению, что это за совет и в каких условиях он был создан. А хутор Подкущевский преобразовать и дать ему другое название и сделать его рабочим поселком, ведь в нем сейчас большая часть населения – рабочие и служащие, и это было бы, пожалуй, самым справедливым решением, а старое название предать забвению, так как хутор Подкущевский – это что-то подчиненное, рабское, да он и действительно был под спудом богатой реакционной станицы Кущевской.

И еще одна обида и оскорбление нанесены руководителями партии и советской власти Кущевского района по отношению [к] не только живым подкущевским красногвардейцам, красным партизанам, но и по отношению к павшим смертью храбрых на полях Гражданской войны. Они беззаветно сражались с озверелой контрреволюцией, не щадя крови и даже жизни, завоевывали советскую власть и счастливую свободную жизнь для трудового человечества.

О героических делах подкущевских партизан районная газета «Вперед» целый месяц с 18 июля по 26 августа 1967 г. писала исторический очерк, а вот [нет] того, о чем так убедительно просили подкущевские партизаны, которые еще живы, хоть их уже так мало осталось (18–20 человек от 300 с лишним человек), да и те уже немощные старики-инвалиды. А просили они письмом через газету «Вперед» руководящих товарищей Кущевского района (1-го секретаря райкома КПСС тов. Куцего Сергея Терентьевича и председателя райисполкома тов. Сапрыкина Бориса Леонидовича) увековечить память о героических делах подкущевских красногвардейцев и красных партизан и о самой Подкущевке. Это письмо было опубликовано в районной газете «Вперед» 9 декабря 1965 г., № 147. Я прилагаю здесь письмо партизан и газету «Вперед». Просили воспроизвести на мраморе имеющийся в райкоме КПСС и райисполкоме памятный исторический список подкущевских красногвардейцев и красных партизан с краткой историей Подкущевки и укрепить его на каменном фундаменте у памятника на той же подкущевской площади, где в былые времена происходили и торжественно радостные, и печально горестные события. А этот список был нами по памяти восстановлен и обработан еще в 1925–27 гг. к 10-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции и подписан комиссией, специально для этого избранной из среды красногвардейцев и партизан в составе 7 человек, а в 1930 г. 22 января был утвержден и заверен Подкущевским сельсоветом под № 52, а в феврале того же года был утвержден и заверен Кущевским райисполкомом под № 6462. Такой же памятный список и фотографии имеются в Москве в Центральном музее Советской армии под № 9713, о чем у нас имеется оттуда заверенная копия, и такой же список имеется в архивном отделе Краснодарского крайисполкома. Такой же список приложен к этому письму. Получив письмо подкущевских партизан и красногвардейцев, секретарь райкома КПСС тов. Куцев С.Т. и председатель райисполкома тов. Сапрыкин Б.Л.

торжественно обещали сделать все, о чем просили сделать партизаны в письмах, а партизаны просили, как указано выше, написать на мраморе все так, как написано в списке и установить на площади в Подкущевке и подвести к нему Вечный огонь славы (кстати, газопровод рядом на этой площади в 10–15 метрах от памятника). Кроме письма партизан, я сам несколько раз разговаривал с секретарем райкома тов. Куцевым и председателем райисполкома тов. Сапрыкиным по поводу истории Подкущевки и ее героев. Они и мне обещали сделать все по письму партизан и сделать все это к великому юбилею 50-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Даже вот уже в мае я снова разговаривал с тов. Куцевым у него в кабинете в присутствии некоторых работников райкома. Разговор шел все о том же письме, и тов. Куцев торжественно обещал сделать все, и в знак подтверждения своего обещания торжественно пожал мне руку. А когда я напомнил, что времени остается немного, тов. Куцев меня заверил, чтобы я не беспокоился, что они успеют это сделать. Но, к сожалению, ничего не начинали делать и, как видно, не думают начинать. А ведь совсем недавно (в июле и августе 1967 г.) за станцией Куцевской построили богатый монумент воинам Отечественной войны – казачьему корпусу Кириченко¹, и при открытии монумента 29 августа 1967 г. три дня праздновал весь Куцевский район (29, 30, 31 августа). И вышло очень печально, что подкущевские красногвардейцы и красные партизаны – герои Гражданской войны, завоеватели Великой Октябрьской социалистической революции, которые первыми на территории Донской и Кубанской областей в те грозные и решительные годы добровольно по зову партии большевиков, по зову великого вождя пролетариата и руководителя революции В.И. Ленина взяли в руки революционное оружие и вступили в ожесточенный бой с вооруженной до зубов контрреволюцией и беззаветно сражались, не щадя своей жизни до полной победы советской власти, до окончательного разгрома контрреволюции, ведь недаром из 300 с лишним человек подкущевских героев осталось в живых после Гражданской войны только 118 человек, да и те изранены и покалечены, а теперь они, эти герои, и живые, и мертвые, у куцевских руководителей остались пасынками, и забытыми, и ненужными, а ведь все это сооружение, о котором просили подкущевские партизаны, не так-то дорого и стоил бы. Я об этом справлялся в Ростове в официальном учреждении, где все точно подсчитали и мне ответили, что все это сооружение с материалами вместе будет стоить около 4000 рублей. Так разве эти герои Гражданской войны и Великой Октябрьской социалистической революции – более 300 человек – не заслужили все вместе 4000 рублей? Ведь это же приходится по 10–15 рублей на человека, да и к тому же в настоящее время их потомки (сыновья, дочери и внуки) состоят в нашей великой армии труда, работают на различных предприятиях промышленности, в учреждениях и в сельском хозяйстве нашей необъятной советской Родины и создают материальные народные ценности, да к тому же это историческое сооружение было бы хорошим наглядным пособием в деле патриотического воспитания молодого поколения, а также являлось бы официальной справкой на долгие годы – кто из подкущевцев и какую лепту внес в дело революционных завоеваний. И все же все подкущевцы имеют надежду и чаяния, что героическая Подкущевка обретет свои прежние права и по указанию вышестоящих органов власти Подкущевский сельсовет будет восстановлен и Подкущевка будет преобразована в рабочий поселок.

Приложение: упомянуто
19 октября 1967 г.

<подпись>

Кавалер ордена Боевого Красного Знамени, бывший красногвардеец и красный партизан, зам[еститель] командира бронепоезда «Истребитель № 1», инвалид 2-й группы Гражданской войны, персональный пенсионер республиканского значения РСФСР.

¹ В 1967 г. у станции Куцевской был открыт памятник в честь 17-го казачьего кавалерийского корпуса под командованием генерала Н.Я. Кириченко, остановившего противника в начале августа 1942 г.

г. Ростов-на-Дону, пос[елок] им[ени] Чкалова, ул[ица] Казахская, № 78/2, кв[артира] 62,
Рубан Мефодий Андреевич

Копия. Машинопись.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания по проведению фундаментальных исследований № 0260-2014-0006 «Историко-культурное наследие юга России в условиях модернизации».

Автор благодарит родственников М.А. Рубана Е.Ю. Савченко и Ю.Г. Рубана за предоставленную возможность работы с материалами архива.

Литература

Krinko, 2015 – *Krinko E.F.* The Great Patriotic War: the Problems of Forming the Source Base // *Русский архив*. 2015. № 2 (8). С. 76–86.

Альтман, Иноземцева, 2013 – *Альтман М.М., Иноземцева З.П.* Актуальные проблемы собирания документов личного происхождения на современном этапе // *Вестник архивиста*. 2013. № 1. С. 137–150.

Клинова, 2012 – *Клинова М.А.* Письма и жалобы в органы власти как источник изучения советской повседневности // *Вестник архивиста*. 2012. № 4. С. 300–305.

Морозова, 2008 – *Морозова О.М. Д.П.* Жлоба глазами своих бойцов: портрет легендарного командира Стальной дивизии // *Человек второго плана. Сборник научных статей*. Вып. 5. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2008. С. 206–228.

Шабалина, 2015 – *Шабалина О.А.* Личный архив как объект социологического исследования (на примере личного архива Ф.Е. Достовалова) // XVIII Международная конференция памяти проф. Л.Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования». Екатеринбург, 19–20 марта 2015 г. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2015. С. 761–770.

Михаил Шолохов, 2005 – Михаил Шолохов: Летопись жизни и творчества (материалы к биографии) / Сост. Н.Т. Кузнецова. М.: Галерея, 2005. 536 с.

References

Krinko, 2015 – *Krinko E.F.* The Great Patriotic War: the Problems of Forming the Source Base // *Russkij arhiv*. 2015. № 2 (8). P. 76–86 [in Russian].

Al'tman, Inozemceva, 2013 – *Al'tman M.M., Inozemceva Z.P.* Aktual'nye problemy sobiraniya dokumentov lichnogo proishozhdeniya na sovremennom jetape [Present-day topical problems of collecting documents of personal origin] // *Vestnik arhivista*. 2013. № 1. P. 137–150 [in Russian].

Klinova, 2012 – *Klinova M.A.* Pis'ma i zhaloby v organy vlasti kak istochnik izuchenija sovetskoj povsednevnosti [Letters and complaints to the authorities as a source of the study of Soviet everyday life] // *Vestnik arhivista*. 2012. № 4. P. 300–305 [in Russian].

Morozova, 2008 – *Morozova O.M. D.P.* Zhloba glazami svoih bojcov: portret legendarnogo komandira Stal'noj divizii [Zhloba through the eyes of his fighters: a portrait of the legendary commander of the Steel Division] // *Chelovek vtorogo plana. Sbornik nauchnyh statej* [A man of the second plan. Sat. Scientific articles]. Is. 5. Rostov-on-Don: Southern Federal University, 2008. P. 206–228 [in Russian].

Shabalina, 2015 – *Shabalina O.A.* Lichnyj arhiv kak ob"ekt sociologicheskogo issledovanija (na primere lichnogo arhiva F.E. Dostovalova) [Personal archive as an object of sociological research (on the example of personal archive of F. Shostalov)] // XVIII International Conference in memory of prof. L.N. Kogan «Culture, personality, society in the modern world: Methodology, experience of empirical research». Ekaterinburg, March 19–20, 2015. Ekaterinburg: Ural Federal University, 2015. P. 761–770 [in Russian].

Mihail Sholohov, 2005 – *Mihail Sholohov: Letopis' zhizni i tvorchestva (materialy k biografii)* [Mikhail Sholokhov: Chronicle of life and creativity (materials for biography)] / Comp. N.T. Kuznetsov. M.: Galeria, 2005. 536 p. [in Russian].

УДК 908:303.422

**«Хотя бы раз еще повидаться с тобою и многое рассказать тебе...»:
личный архив старого большевика М.А. Рубана**

Подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии

Ольга Валерьевна Семенова ^{а, *}

^а Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В публикации приводятся документы из личного архива старого большевика, красного партизана, героя Гражданской войны, орденосца Мефодия Андреевича Рубана. Документы охватывают период с 1900 по 1967 гг. и являются важным свидетельством как жизни самого М.А. Рубана, так и большого этапа советской эпохи в целом. Публикация документов дает возможность исследователю получить более четкое представление о советской действительности.

Ключевые слова: красные партизаны, хутор Подкущевский, Гражданская война, М.А. Рубан, группа «Тринадцати», М.А. Шолохов.

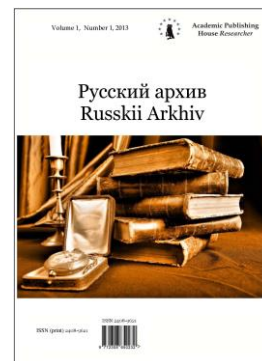
* Корреспондирующий автор
Адрес электронной почты: oliko_sov@mail.ru (О.В. Семенова)

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 ISSN: 2408-9621
 E-ISSN: 2413-726X
 2017, 5(1): 95-102

DOI: 10.13187/ra.2017.1.95
www.ejournal16.com

UDC 929/947.0

“Without a Trace This does not Pass...”: Memories of Lev Smilovitsky

Evgeny F. Krinko ^{a,*}

^a Institute of Social and Economic Research of Southern Scientific Centre,
 Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The Lev Smilovitsky's book of memoirs, “From the experience”, was published in 2016 in Jerusalem (Israel) in Russian. The author tells about the history of his family and his life in Rechitsa (Belarus) before the war and in its early months, evacuation to Bashkortostan, voluntary withdrawal to the Red Army, service as a chauffeur in antitank artillery of the Reserve of the Supreme High Command, wound and hospital, participation in combat operations for Vitebsk and Koenigsberg. The book contains many interesting facts and reflections of the author about the front life and military everyday life.

After the war, Lev Smilovitsky graduated from the Minsk Law Institute, worked in the governing bodies of the regional and republican Komsomol organization of Belarus, in the Ministry of Culture of the Belorussian SSR, and in the Belarus' publishing house. He defended his thesis and lectured at the Department of CPSU History of the Minsk Pedagogical Institute. In the early 1990s, he emigrated to Israel together with his family.

The book was prepared for publication and published by the son of Lev Smilovitsky – historian Leonid Smilovitsky (Diaspora Research Center of Tel Aviv University).

Keywords: Great Patriotic War, Lev Smilovitsky, Leonid Smilovitsky, Memories, Rechitsa, the Memory of the War.

Книга воспоминаний Льва Матвеевича (Лейбы Мотелевича) Смиловицкого «Из опыта пережитого», подготовленная к печати и опубликованная его сыном Леонидом Смиловицким в 2016 г. (Смиловицкий, 2016а), представляет собой интересную и многоплановую работу. История семьи Смиловицких и биография самого автора воспоминаний разворачиваются на фоне сложных, драматических и противоречивых событий советской истории. В основе книги лежат 6 интервью Л.М. Смиловицкого, записанные Л.Л. Смиловицким еще в 1988 г. В книге воспоминания разделены на девять частей, пять из которых посвящены Великой Отечественной войне. Именно война выступает главной темой воспоминаний Льва Смиловицкого, как и у многих других представителей его поколения. Война кардинально изменила судьбу тех немногих из них, которые дожили до Победы. Закономерно, что осмысливая свой жизненный путь, поколение фронтовиков

* Corresponding author
 E-mail addresses: krinko@ssc-ras.ru (E.F. Krinko)

неизбежно обращается к событиям Великой Отечественной войны. По словам Л.М. Смиловицкого: «Состояние подавленности от войны и пережитого на ней осталось у меня на всю жизнь. Это сказывается и на моем поведении, и на образе мыслей, и на всем облике <...> Без следа такое не проходит...» (Смиловицкий, 2016а: 82). На фотографиях хороша заметны различия между ухודившим в армию семнадцатилетним юношей и вернувшимся с войны фронтовиком.

Предваряет воспоминания предисловие, а завершает текст, называющийся «Вместо послесловия». Оба текста написаны Л.Л. Смиловицким. По его словам, при публикации воспоминаний он «не изменил ничего, за исключением некоторых стилистических погрешностей, неизбежных при устном рассказе» (Смиловицкий, 2016а: 10). В том же 2016 г. воспоминания Л.М. Смиловицкого были опубликованы в сетевом альманахе «Еврейская старина» (Смиловицкий, 2016б).

Автор воспоминаний Лев Смиловицкий родился в 1925 г. в городе Речице (в настоящее время – в составе Гомельской области Белоруссии), значительную часть жителей которого до войны составляли евреи. Отец Льва, Мотл-Борух Смиловицкий, имел собственную бричку, на которой перевозил сначала пассажиров, а затем грузы. Мать, Лея (Лиза) Мордуховна Верткина, окончила вечернюю школу «вопреки воле мужа, который так и не научился читать и писать», не видя в этом острой необходимости. Она же была «политически грамотной: слушала радио, читала газеты, людям рассказывала» (Смиловицкий, 2016а: 18). У Льва было два брата, старший из которых, Хаим, по окончании военного училища попал служить на границу.

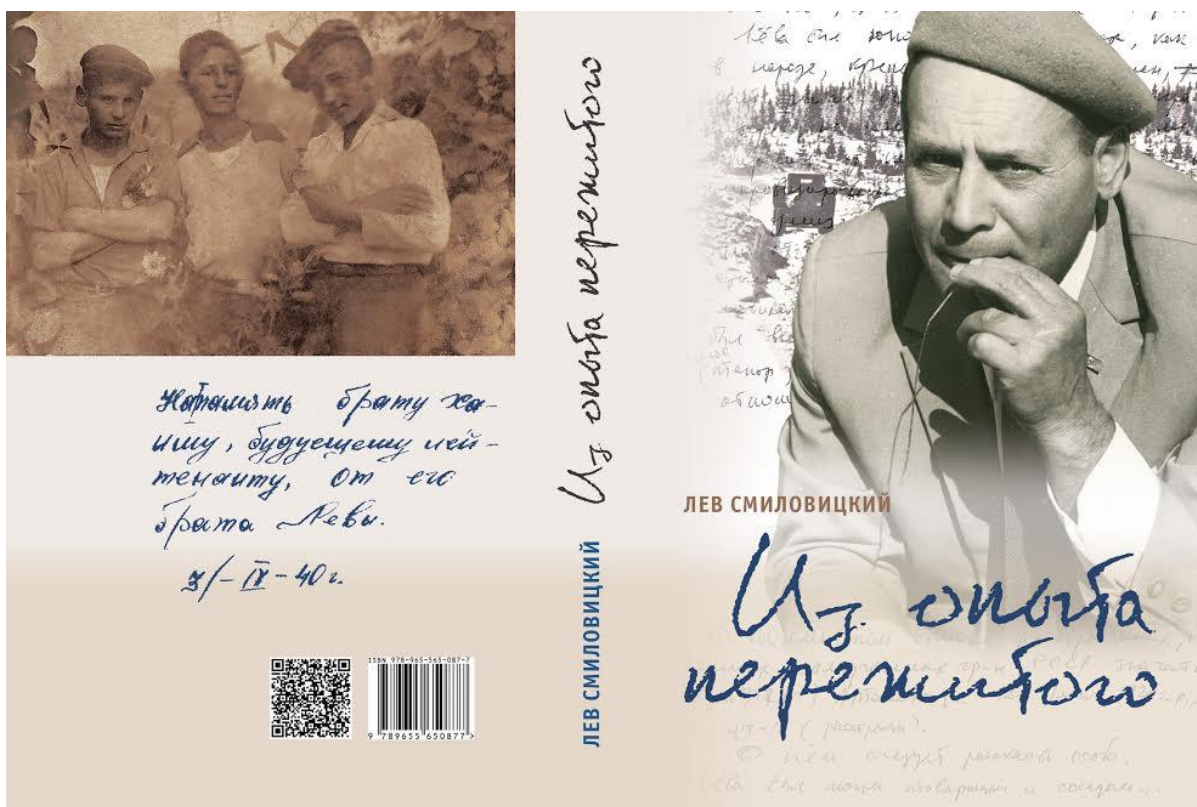

Рис. 1. Обложка книги Л.М. Смиловицкого «Из опыта пережитого»

В июне 1941 г. шестнадцатилетний Лев Смиловицкий окончил 8 классов. Вместе с одноклассниками вскоре после начала войны он записался в народное ополчение. Задаваясь вопросом о том, что повлияло на принятое решение, автор отвечает на него так: «Конечно, не только романтика. Мы были так воспитаны, чувство долга было очень высоко. Раз к нам обратились, мы не могли быть в стороне» (Смиловицкий, 2016а: 22). Позже, когда фронт приближался к Речице, он добровольно вступил в истребительный батальон.

Описывая настроения жителей в первые дни войны, Л.М. Смиловицкий подчеркивает: «Чувства опасности не было, мы и не представляли себе, что немцы могут очутиться в Речице» (Смиловицкий, 2016а: 20). Несмотря на рассказы беженцев о бесчинствах оккупантов, находились те, кто считали: «Немцы – это цивилизованный народ. Никакого разбоя нет, это разговоры. Их бояться не надо» (Смиловицкий, 2016а: 21). Подобные настроения приводили к отказу от эвакуации даже среди евреев, предопределив их трагедию в условиях нацистской оккупации. Семье Смиловицких удалось этого избежать, со второй попытки она эвакуировалась в последнем эшелоне, уходившем из Речицы. А все оставшиеся в городе родственники, так и не решившиеся уехать, погибли.

Вместе с родителями Лев Смиловицкий оказался на станции Сура Пензенской области, затем на станции Туймазы (в тексте – Туймаза) в Башкирии. Отец пошел работать грузчиком, Лев помогал ему и одновременно учился в 9 классе. Но вместе с друзьями продолжал стремиться на фронт. Чтобы скорее попасть в армию, учился в школе шоферов при военкомате и разносил повестки. В конце концов, добился своего: зимой 1942 г., не достигнув 18 лет, отправился на сборный пункт в Уфе, а оттуда на станцию Кузоватово в Ульяновской области. Здесь и началась его служба в 8-м учебном автомобильном полку.

Еще работая в военкомате, Лев вступил в комсомол, а в части стал комсоргом роты. Его собирались оставить для работы с новым пополнением, но Лев хотел попасть в действующую армию вместе со своими новыми друзьями. В очередной раз ему удалось добиться своего и, в конечном счете, его отправился на фронт, но прежних друзей уже больше не встретил. По его собственным словам: «Подобного чувства дружбы и товарищества я больше никогда так остро не испытывал в течение жизни» (Смиловицкий, 2016а: 40). К теме фронтовой дружбы он обращается еще не раз, один из рассказов так и называется «Друзья-товарищи» (Смиловицкий, 2016а: 77–82).

Путь на фронт лежал через Гороховецкие лагеря в Горьковской (в настоящее время – Нижегородской) области: «Огромные лагеря запасных полков. Именно оттуда черпал молох войны свои людские силы, пушечное мясо на все фронты» (Смиловицкий, 2016а: 40–41). Одним из главных испытаний был голод, в запасных частях кормили значительно хуже, чем в действующей армии (Кринко, Тажидинова, 2012). Поэтому возникло такое уникальное явление, как «дезертирство на фронт» из запасных частей: «Убежать оттуда, как-то пристроиться к проходящей воинской части, которая ехала на фронт, потому что знали, что там, на передовой, нас судить не будут» (Смиловицкий, 2016а: 41). Льву еще повезло: шоферы были более востребованы, и через две или три недели его забрал майор из 11-го гвардейского минометного полка. Получив старый, разбитый ЗИС-5 с севшим аккумулятором, побитой приборной доской и, как позже выяснилось, неисправными тормозами, Л.М. Смиловицкий прибыл в полк.

Боевое крещение он принял под Вязьмой в Смоленской области. Проехав десятка полтора километров, колонна батареи 120-мм минометов попала под вражескую бомбежку. Рассказ Л.М. Смиловицкого содержит жестокие подробности происшедшей трагедии: «Жуткое зрелище: убило несколько офицеров, у одного, молодого лейтенанта, оторвало ноги. Лошади убитые лежали, потроха наружу вывалились. Все кричат, кровище льется. И все это – за какие-то несколько минут». Из двух-трех побитых машин оставшиеся в живых собрали одну, раненых отправили в тыл. Так началась «настоящая военная жизнь». Автор признается, как «потом часто вспоминал, что сам напросился на этот ужас. Вечно полезу, куда не надо. Это уже когда мне лет 40 стукнуло, я понял, что так долго ходил по лезвию бритвы и какой опасности подвергал свою жизнь» (Смиловицкий, 2016а: 43).

Вскоре Л.М. Смиловицкий получил осколочное ранение и отправился в госпиталь. После выписки попал в запасной полк в районе Гжатска. Ему дали новую машину – полученный по ленд-лизу американский легкий тягач высокой проходимости Dodge WC-51, прозванный в Красной армии из-за своей грузоподъемности в 750 кг (3/4 тонны) «Додж-три-четверти». Позже он ездил на наиболее распространенном в годы войны в СССР американском «Студебеккере» (Studebaker US6). Такой техникой было намного легче управлять, чем первым автомобилем: «Старая моя развалюха, неисправная, ЗИС-5, заводилась только стартером – рукояткой. Руки окровавлены до мозолей, прямо, можно сказать, металл в руку кладешь, в рану. Голодные, не выспавшиеся, в голове гудит – жить не хотелось. И были у меня такие минуты, когда обстрел, солдаты попадают, я же сижу на

крыле, исправляю зажигание или еще что-то, и мне хотелось, чтобы убило меня, чтобы прекратилось это мучение» (Смиловицкий, 2016а: 68).

Попав в 13-ю истребительно-противотанковую артиллерийскую бригаду, Л.М. Смиловицкий дошел с ней до самой Победы. Воспоминания содержат немало описаний кровопролитных боев, в которых он принимал участие. Противотанковая артиллерия стояла на самой передовой и постоянно несла большие потери: «За время моего пребывания в этой части под Витебском, это было недалеко от города, километрах в 20, что ли, мой 649-й полк и нашу третью батарею уничтожали наполовину или даже на две трети три раза! Уцелевших солдат оставались буквально единицы, но никого на переформирование не отправляли. Прямо как нас, пригоняли по этапу солдат из запасных полков, давали уцелевшие орудия или машины – и снова в бой...» (Смиловицкий, 2016а: 64–65). Но и противнику артиллеристы наносили немалый урон. Так, при попытке прорыва немецкой колонны из окружения в районе Могилева «мы зажгли первую и последнюю машины в колонне. Им деваться некуда, они бросились по кюветам, попереворачивались. Мы стреляли в упор из пулеметов, автоматов, винтовок, пушек. В течение нескольких минут все было кончено: кто убежал, кто в плен сдался, кто погиб» (Смиловицкий, 2016а: 69). Особенно тяжелые бои шли в Восточной Пруссии: «Кёнигсберг достался нам дорого, много голов там положили». Л.М. Смиловицкий приводит пример обезумевшего от непрерывной канонады солдата противника: «Из дота выскочил немец, вскинув вверх руки и, непрерывно крича страшным голосом, побежал в сторону наших окопов. Он орал голосом ненормального человека» (Смиловицкий, 2016а: 85).

Воспоминания богаты на детали и эмоциональные зарисовки, созвучные современным подходам к изучению событий военного времени. В частности, не раз поднимается в книге тема личных взаимоотношений мужчины и женщины в годы войны, практически табуированная в советской историографии и находящая свое отражение лишь в последних работах (Кринко, Тажидинова, Хлынина, 2013). Вот, например, фрагмент о том, как он поступил в госпиталь: «Что меня поразило? Я же был молодым человеком, неполных восемнадцати лет. В нас же физиология работала: в мужчину превращался. А кто нас мыл? Молодые женщины, девушки. Здоровые такие, грудастые, в телесах. Они-то не стеснялись, относились как к больным, естественно. Но мы-то больными больные, но все-таки живые! И, можешь представить, тебя, молодого парня, неискушенного, прижмет к себе и начинает “шуровать” мочалкой. Мы же были голыми, только клеенка на том месте, где рана...». (Смиловицкий, 2016а: 52). Юношеское чувство стыдливости ему пришлось испытать и во время операции: «Врач начала делать операцию. Была она совсем молоденькая – лет 25. Я не мог не обратить на это внимание – сам молодой был, да и стыдно было, ведь раздели меня догола» (Смиловицкий, 2016а: 55). А вот о том, как спали в госпитальной палате в сравнении с передовой: «Койка к койке, человек по 20. Но мы все равно почувствовали себя как в раю. После того, когда спишь в землянке, не раздеваясь, кругом грязь, помыться негде, все чешется, – и такие условия! Можешь представить мои ощущения. Мы только лежали и улыбались, – конечно, кто был способен на улыбку, у кого не было диких болей» (Смиловицкий, 2016а: 53).

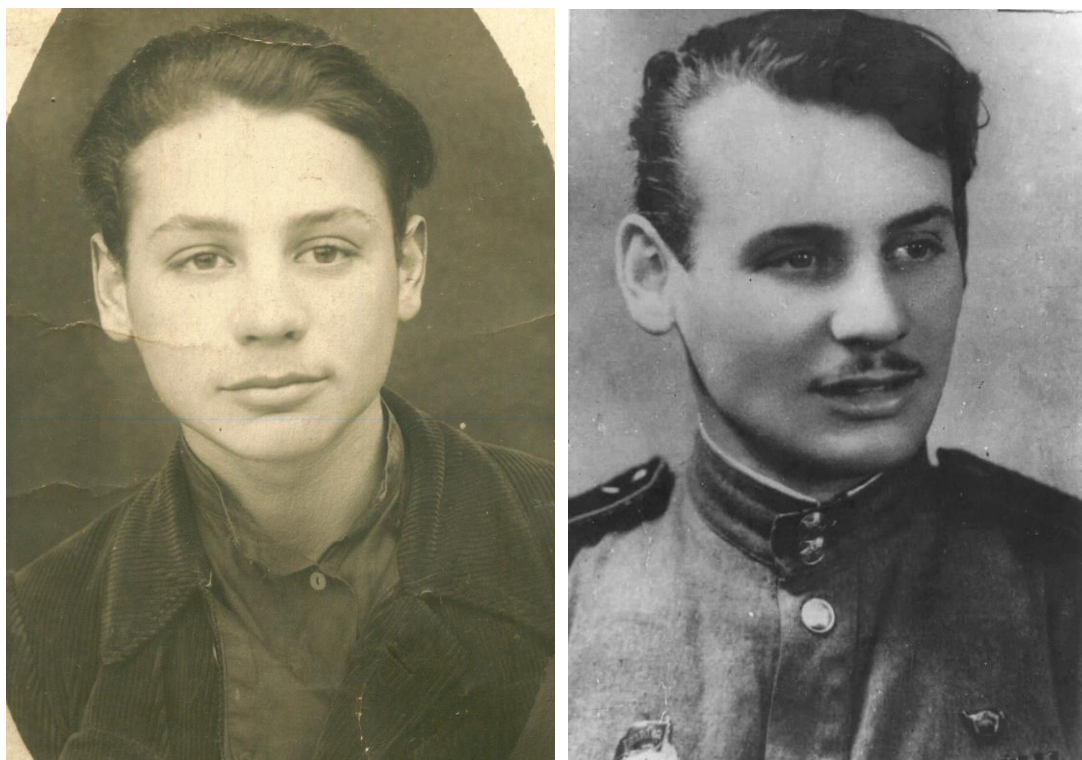

Рис. 2–3. Лев Смиловицкий до призыва в армию (1942) и перед демобилизацией (1947). Фото из семейного архива Л.Л. Смиловицкого

В самом конце войны Л.М. Смиловицкий пересел на «Виллис» (Willys MB), возил начальника военной контрразведки СМЕРШ бригады. Служил до 1947 г., после демобилизации поступил на юридический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Однако иногородним студентам общежитие не предоставляли, и он решил перевестись в Минский юридический институт. Учился на отлично, вел активную общественную работу. Но в будущей работе юриста вскоре разочаровался после практики в прокуратуре, в ходе которой от него требовали добиваться успешных обвинений. Это было очень далеко от его романтических представлений о том, что став юристом, он сможет «бороться со злом» (Смиловицкий, 2016а: 100). Вероятно, поэтому согласился на предложение П.М. Машерова, тогда – первого секретаря ЦК Ленинского Коммунистического союза молодежи Белоруссии, позже – первого секретаря ЦК Коммунистической партии Белоруссии – перейти на работу в комсомольские органы.

В завершающих частях Л.М. Смиловицкий рассказывает в основном о событиях послевоенного времени, комсомольской и партийной работе в Белоруссии, нажиме на деревню, сталинских репрессиях, под которые лично не попал, но которые затронули немало близких и знакомых ему людей. Поэтому признает то, что считает себя счастливым человеком – уже потому что выжил, несмотря ни на что: «Я могу считать себя человеком счастливым. Во-первых, потому что родился поздновато, в том смысле, что не подпадал под репрессии тридцатых годов по возрасту. Во-вторых, потому что уцелел в годы войны в числе тех трех процентов моих ровесников 1925 г.р., которые ушли на фронт и не возвратились...» (Смиловицкий, 2016а: 92).

В 1952 г. Л.М. Смиловицкий стал руководителем лекторской группы Барановичского обкома ЛКСМБ. В том же году женился на Галине Израилевне Чечик. После упразднения Барановичской области перешел на должность заместителя заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК ЛКСМБ. Возглавлял белорусскую делегацию на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве 28 июля – 11 августа 1957 г. В 1959 г. перешел на должность помощника министра культуры Белорусской ССР. Пять лет отработал в издательстве «Беларусь» стилист-редактором. Оттуда перешел на кафедру истории КПСС Минского

педагогического института, защитил кандидатскую диссертацию под руководством профессора М.Е. Шкляра, стал доцентом. В 1992 г. Л.М. Смиловицкий вместе с членами семьи уехал в Израиль. В самом конце 1997 г. его не стало.

Необходимо отметить очень высокое полиграфическое качество книги, изданной в твердом переплете, на мелованной бумаге, с большим количеством цветных иллюстраций, в качестве которых в основном использованы документы, фотографии и материалы из семейного архива Леонида Смиловицкого. В приложении приведены выписка из трудовой книжки Льва Смиловицкого (Смиловицкий, 2016а: 138–139), два фрагмента из его дневника, датируемые 1994 г., рассказывающие о погибших в Речице в период оккупации родственниках (Смиловицкий, 2016а: 140–143), полный текст посвященной ему статьи Михаила Стрельца «Как Лева стал Львом. К 90-летию со дня рождения Л.М. Смиловицкого», в кратком виде опубликованной в ведущем белорусском печатном издании «Советская Белоруссия» (Стрелец, 2015), и другие материалы.

Следует хотя бы коротко сказать о человеке, подготовившем книгу к изданию. Л.Л. Смиловицкий – профессиональный историк, родившийся в Белоруссии, а с 1992 г. проживающий в Израиле. Специализируется на истории евреев, Холокоста и цензуры в Белоруссии (Смиловицкий, 2000, Смиловицкий, 2008, Смиловицкий, 2015, Smilovitsky, 2014a). В Центре диаспоры Тель-Авивского университета, где он работает с 1995 г., собрал крупную коллекцию писем и дневников евреев-участников войны (Smilovitsky, 2014b), которые стали для него главной темой исследований в последние годы. Выход книги был важен для Л.Л. Смиловицкого не только в личном отношении, как институциональная форма памяти об ушедшем отце, но и в профессиональном, выступая еще одним шагом в деле собирания, исследования и публикации источников личного происхождения о Второй мировой войне.

Воспоминания Льва Смиловицкого «Из опыта пережитого» – это рассказ внимательного и вдумчивого очевидца о себе во времени, в контексте определенной исторической эпохи. Эта эпоха уже закончилась с уходом из жизни ее непосредственных участников и очевидцев, и историки пытаются ее воссоздать при помощи доступных им средств и источников. К таким источникам относится и рецензируемое издание. А сама публикация книги в Иерусалиме на русском языке – ценное свидетельство того, как память о войне может преодолевать государственные и национальные границы, создавая общее коммеморативное пространство.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках темы НИР базового бюджетного финансирования № 0260-2014-0006 «Историко-культурное наследие народов Юга России в условиях модернизации».

Литература

Кринко, Тажиудинова, 2012 – Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г. Питание военнослужащих в 1941–1945 гг. // *Вопросы истории*. 2012. № 5. С. 39–54.

Кринко, Тажиудинова, Хлынина, 2013 – Кринко Е.Ф., Тажиудинова Т.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.

Смиловицкий, 2000 – Смиловицкий Л.Л. Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг. Тель-Авив: Библиотека Матвея Черного, 2000. 432 с.

Смиловицкий, 2008 – Смиловицкий Л.Л. Евреи в Турове. История местечка Мозырского Полесья. Иерусалим: [Б.и.], 2008. 798 с.

Смиловицкий, 2015 – Смиловицкий Л.Л. Цензура в БССР: послевоенные годы, 1944–1956. Иерусалим: [Б.и.], 2015. 360 с.

Смиловицкий, 2016а – Смиловицкий Л. Из опыта пережитого. Воспоминания. Иерусалим: [Б.и.], 2016. – 191 с.

Смиловицкий, 2016b – Смиловицкий Л. Из опыта пережитого. Воспоминания // *Еврейская старина*. Альманах. 2016. № 3 (90). URL: <http://berkovich-zametki.com/2016/Starina/Nomer3/Smilovicky1.php> (дата обращения: 14.04.2017). № 4 (91).

URL: <http://berkovich-zametki.com/2016/Starina/Nomer4/Smilovicky1.php> (дата обращения: 14.04.2017).

[Стрелец, 2015](#) – *Стрелец М.* Как Лева стал Львом. К 90-летию со дня рождения Л.М. Смиловицкого // *Советская Белоруссия*. 2015. 5 сентября.

[Smilovitsky, 2014a](#) – *Smilovitsky L.L.* Jewish Life in Belarus. The final decade of the Stalin regime, 1944–1953. Budapest – New York: Central European University Press (CEU Press), 2014. 346 p.

[Smilovitsky, 2014b](#) – *Smilovitsky L.L.* Soviet Jews write to the Red army (1941–1945). Creation of a collection of War time letters in the Diaspora Research Centre at Tel Aviv University // *Русский архив*. 2014. Vol. (6). № 4. P. 236–252.

References

[Krinko, Tazhidinova, 2012](#) – *Krynko E.F., Tazhidinova I.G.* Pitanie voennosluzhashchih v 1941–1945 gg. [Servicemen's food in 1941–1945] // *Voprosy istorii*. 2012. № 5. P. 39–54 [in Russian].

[Krinko, Tazhidinova, Khlynina, 2013](#) – *Krynko E.F., Tazhidinova T.G., Khlynina T.P.* Chastnaja zhizn' sovetskogo cheloveka v usloviyah voennogo vremeni: prostranstvo, granicy i mehanizmy realizacii (1941–1945). [Private life of the Soviet man in Wartime: the Space, Boundaries, and Mechanisms of implementation (1941–1945)]. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers, 2013. 362 p. [in Russian].

[Smilovitsky, 2000](#) – *Smilovitsky L.L.* Katastrofa evreev v Belorussii, 1941–1944 gg. [The Holocaust of the Jews in Belarus, 1941–1944]. Tel-Aviv: Biblioteka Matveja Chernogo, 2000. 432 p. [in Russian].

[Smilovitsky, 2008](#) – *Smilovitsky L.L.* – Evrei v Turove. Istorija mestechka Mozyrskogo Poles'ja [Jews in Turov. The history of the town of Mozyr Polissya]. Jerusalem: [s.n.], 2008. 798 p. [in Russian].

[Smilovitsky, 2015](#) – *Smilovitsky L.L.* Cenzura v BSSR: poslevoennye gody, 1944–1956 [Censorship in the BSSR: post-war years, 1944–1956]. Jerusalem: [s.n.], 2015. 360 p. [in Russian].

[Smilovitsky, 2016a](#) – *Smilovitsky L.* Iz opyta perezhitogo. Vospominaniya [From my Life Experience. Memories]. Jerusalem: [s.n.], 2016. 191 p. [in Russian].

[Smilovitsky, 2016b](#) – *Smilovitsky L.* Iz opyta perezhitogo. Vospominaniya [From my Life Experience. Memoirs] // *Evrejskaja starina*. Almanac. 2016. № 3 (90). URL: <http://berkovich-zametki.com/2016/Starina/Nomer3/Smilovicky1.php> (accessed on: May 14, 2017). № 4 (91). URL: <http://berkovich-zametki.com/2016/Starina/Nomer4/Smilovicky1.php> (accessed on: May 14, 2017) [in Russian].

[Strelec, 2015](#) – *Strelec M.* Kak Leva stal L'vom. K 90-letiju so dnja rozhdenija L.M. Smilovitskogo [How Lyova became a Leo. To the 90th anniversary of the birth of L.M. Smilovitsky] // *Sovetskaja Belorussija*. 2015. September 5 [in Russian].

[Smilovitsky, 2014a](#) – *Smilovitsky L.L.* Jewish Life in Belarus. The final decade of the Stalin regime, 1944–1953. Budapest – New York: Central European University Press (CEU Press), 2014. 346 p. [in English].

[Smilovitsky, 2014b](#) – *Smilovitsky L.L.* Soviet Jews write to the Red army (1941–1945). Creation of a collection of War time letters in the Diaspora Research Centre at Tel Aviv University // *Russkii arkhiv*. 2014. Vol. (6). № 4. P. 236–252 [in Russian].

УДК [929/947.0](#)

«Без следа такое не проходит...»: воспоминания Льва Смиловицкого

Евгений Фёдорович Кринко ^{а, *}

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: krinko@ssc-ras.ru (Е.Ф. Кринко)

^a Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Книга воспоминаний «Из опыта пережитого» Льва Смиловицкого была издана в 2016 г. в Иерусалиме (Израиль) на русском языке. Автор рассказывает об истории своей семьи и своей жизни в Речице (Белоруссия) до войны и в ее первые месяцы, эвакуации в Башкирию, добровольном уходе в Красную армию, службе шофером в противотанковой артиллерии Резерва Главного Командования, ранении и госпитале, участии в боевых операциях за Витебск и Кёнигсберг. В книге приводится немало интересных фактов и размышлений автора о фронтовой жизни и военной повседневности.

После войны Лев Смиловицкий окончил Минский юридический институт, работал в руководящих органах областной и республиканской комсомольской организации Белоруссии, в Министерстве культуры Белорусской ССР, в издательстве «Беларусь». Защитил кандидатскую диссертацию, преподавал на кафедре истории КПСС Минского педагогического института. В начале 1990-х гг. вместе с семьей эмигрировал в Израиль.

Подготовил книгу к печати и издал сын Льва Смиловицкого – историк Леонид Смиловицкий (Центр диаспоры Тель-Авивского университета).

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Лев Смиловицкий, Леонид Смиловицкий, воспоминания, Речица, память о войне.